

Стихи Сергея Телюка – очень честные, чистые, достойные... Поэт разматывает нить поэтического повествования спокойно, пытаясь осмыслить каждое мгновение жизни именно так, как оно того заслуживает... Читатель с интересом и доверием может примерить всё это на себя, весь этот путь самопознания и познания мира... Поэтому читать его стихи интересно, они дают и эстетическое удовлетворение, и необходимые плоды познания...

Римма Казакова

Сергей Телюк – поэт непростой. Он думает. Пушкин в том подозревал Баратынского. С того века прошло много эпох. Но мысль в стихах не стала появляться чаще...

Александр Аронов

Сергей Телюк мастер интересный. В его стихах скрыта лукавая современность и вообще «Телюк» я бы читал как Tellelook, т. е. современное визуальное мышление...

Андрей Вознесенский

Вторжение Сергея Телюка в историю, философию, иноязычные культуры давно привлекли моё внимание своей самобытностью. Эмоциональная чуткость для поэта – не диво, а вот она же в сопровождении пристальной мысли – совсем другое дело...

Кирилл Ковальджи

Сергей Телюк из тех не эффектных внешне поэтов, которые приходят в литературу неспешно, без шума и грохота. Спокойно, даже, может быть, медленно. Но твердо, уверенно. И не с наскока, не штурмом самоутверждаются они, а шаг за шагом наращивают образную энергию слова и строки, их весомость и ёмкость. Так обретается своё и только своё место. Или, как принято говорить скромнее, отыскивается собственная ниша, не занятая никем другим...

Валентин Оскоцкий

Пишущих стихи в России всегда было предостаточно. Поэтов же среди них, как правило, наблюдалось и наблюдается немного.

Сергей Телюк – поэт. Причём, надо сказать, своеобразный, т. е. со своим голосом и своим видением мира...

Владимир Фирсов

Это издание наряду с «Однажды в XX веке» и «Прощанием» представляет серию из трёх книг, специально подготовленную Сергеем Телюком.

ISBN 978-5-906339-45-4

9 785906 339454

ТРЁХКНИЖИЕ

Сергей ТЕЛЮК

Сергей ТЕЛЮК

ТРЁХКНИЖИЕ

Стихотворения, легенды
и сказы

Сергей ТЕЛЮК

ТРЁХКНИЖИЕ
Стихотворения, легенды
и сказы

Зебра Е / Москва

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Т31

Оформление
Александр Щукин

*В оформлении обложки использована картина Ирины Телюк
«Сергей и Чуча»;
Иллюстрации Ирины Телюк
Фотографии на форзацах Николая Зельмановича*

Подписано в печать 17.09.2014.

Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 21.

Тираж 1000 экз. Заказ № 289.

Телюк, Сергей

Т31 **Трёхкнижие.** Стихотворения, легенды и сказы / Сергей
Телюк. – М. : Зебра Е, 2015. – 336 с., ил.

ISBN 978-5-906339-45-4

Новая поэтическая книга Сергея Телюка «Трёхкнижие» — избранное без малого за четыре десятка лет.

ISBN 978-5-906339-45-4

© С. Ю. Телюк, 2014 г.

© И. В. Телюк, наследники, 2014 г.

Тишина праистоков

Кто хочет — пусть спорит, а я обойдусь...

Сергей Телюк

По ходу жизни, когда читатели и критики пригляделись к Телюку и вчитались в его тексты, — сработала эта его интонация. Спокойная независимость, отрешённая раздумчивость, медлительность ритма, скрывающего сдерживаемый смех. И это молчание — дружелюбное пожатие плечами, когда все вокруг орут.

Орут упоённо. Спорят до упаду. Очумелая московская тусовка тонет в воплях и доводах. Сверху донизу. Хотя «верхи» мало занимают Телюка. Однако в стране, «знаменитой молчаливниками» особенно слышны «болтуны». Телюк вежливо удивляется: привыкли: «собранья... регламент. И на тебе — избран парламент!» Есть чему удивляться: Телюк — из того поколения, которое обрело голос к началу 80-х годов, когда интеллигенция, освобождаясь от лямки социалистического реализма, вошла в экстаз самовыражения. Отрываясь от своей технарской специальности, молодой мостостроитель прислушивался к этому оглушительно-вдохновенному хору. И даже пририфмовал «СССР» к отменённой системе «химер». Но не выдержал антисистемы постсоветской реальности: «...друг другу люди режут глотки! А тут парламент, президент, и на швейцарах позумент, и в моде чёрные колготки».

Колготки — это уже не «верх», это «низ» реальности. И вопит она снизу самозабвенно. «Сосед врубает музон погромче — он, меломан, с утра балдеет...» Сверху и снизу балдёж. «В квартире под нами — стук, наверно, идёт ремонт. А в верхней квартире — ржут и магнитофон орёт. Но, даже трое, — много на маленький островок, точку в житейском море. Только про это — молчок».

Так самое ценное в этом мировопле — молчок? Решающий жест, фирменный приём Телюка. С первых строк, включённых им в «Избранное». С ранних полудетских-полусонных видений:

*Топочут, топочут копыта,
и радость кружит в голове:
враг сломлен, победа добыта,
и кровь запеклась на траве.
И крики ликующей рати
внушают, что всё нипочём,
и стяги склоняются ради
героев... (Об этом потом.)*

Уловили? «Потом» — это и есть «молчок»...
А что не потом? Что сейчас?

*А я, потянувшись, устало слезаю с Пегаса-коня,
от лязга металла и гвалта болит голова у меня —
и вот на диване скрипучем стараюсь забыться во сне,
чтоб с духом собраться, чтоб завтра быть вновь поутру на коне.*

Без коня не обойдёшься... Но поразительна неразрешимость ситуации, её магический возврат к началу через любое «потом», её непобедимый «молчок».

Коню нужен маршрут. Всаднику — ориентиры. Поэту — наставники. Один из них — Александр Аронов, замечательный поэт, всем говоривший, что он только журналист (в громогласной газете «Московскийомсомолец»), о чём Телюк сообщает в жанре панегирика, столь же вежливого, как взятое в скобки уведомление: «об этом знает белый свет».

Белый свет много чего знает, но ориентироваться в его «очумелой тусовке» надо самому.

Первая пара ориентиров: запад–восток.

Стык интеллектов. Чресполосье набросков и отголосков. Секрет «самости», упрятанной в тот самый «молчок».

«Да, странно ощутить в себе неазиатские мотивы: прямолинейность перспективы, как будто в тире (при стрельбе)», — что-то европейское.

«Да, странно ощущать подчас неевропейскую логичность: загадочную безразличность к тому, что окружает нас», — что-то азиатское.

«Да, это трудно совмещать, скорее, даже очень сложно, — но ведь иначе невозможно Россию-матушку понять», — что-то родное: понять матушку, которая то и дело мачехой оборачивается к отпрыскам.

Почему?

«Но, видно, что-то недопонял; но, видно, где-то не просёк: вновь нетерпимостью тлетворной грозят и запад, и восток — всё те же лица в толпах рьяных, всё та же пьянь... и дебилё. Москва! Ты — боль моя. Ты — рана. Ты наказание моё».

Правые, неправые тут без разницы: все идут «стеночкой на стеночку».

«Мир — арена, где настроение толпы, как жилка на запястье бьётся, где всё, что натворили мы, расхлёбывать другим придётся».

Отцы, полёгшие в последней войне — Второй мировой. Деда, полёгшие в... предпоследней, то есть в Первой? Да была ли первая на этой земле? Когда? Когда земля была ещё — праматерь?

«Праматерь, украинская земля... плацдарм для расширения Руси»?

Где начало и будет ли конец междоусобию враждующих соплеменников?

«Пусть сходятся-расходятся судьбы и пути. У орловской ливенки латаны меха: если помирились — экая чепуха! — не впервой нам ссориться (Господь меня прости)».

При мысли о Всевышнем — привычный телюковский «молчок». За скобками — попытка связать несказанное будущее с немислимым прошлым.

Наследники всё свяжут?

«Всё учтут и расставят на полках архивов, но задумайся, и на себя посмотри, — мы чудные с тобой (не снаружи — внутри). Мы наследники прачек, князей и начдивов».

Поразительные строки.

Всё будет по полочкам. По счетам. А было? В каком смысле — было?

«Проронишь слово — болтовня. Всё в данном смысле неизменно, лишь понимание бесценно... И не смотри так на меня».

А я всё-таки смотрю, как ищет лирический герой логику и оправдание в ушедших эпохах. В Грюнвальде, например, где насмерть стоят смоленские полки, непривычно для иных крестясь...

«Храни нас, Боже, от земных утрат», — а в потаённо-несказанном пусть хранятся ответы на проклятые вопросы, разделившие потомственных князей и сыновей прачек на начдивов, красного или белого разлива — не важно.

Может, в скрижалях Заветов найдётся Истина? В Ветхом? В Новом? Какой нам поближе? Может, отыщется в старинных сказаниях, неслышно дышащих под криками орущих?

В поисках опоры Сергей Телюк отправляется в дебри легенд и выборочно собирает их воедино — аккуратно в момент смены тысячелетий.

Как отпрыск племени, которому «не повезло у восточной кромки» Европы, я хватаюсь за «Книгу легенд» с мыслью поправить психологическую ситуацию: найти себе благородных предков поглубже времени Рюрика, Трувора и Синеуса, а также Олега, угробившего Аскольда и Дира. Нахожу — сплошных разбойников. Среди остроготов Германариха, тут же возникает гунн и гонит остроготов на запад. Тоже, между прочим, мой предок. Однако тотчас обнаруживается родимый скиф, восставший на гуннов. Потом — склавены, то есть анты, идут напролом сквозь всех. Потом Карл Великий собирается лупить саксов, и едва в его войске слышны «скабрёзные шутки», я понимаю, что и здесь — мои предки.

— Ничего, — успокаивает меня Телюк. — Кто-то же должен проигрывать. — И, понимая мои чувства, роняет то самое, сакраментальное:

— Кто хочет — пусть спорит, а я обойдусь...

Я не спорю... «Всё тленно при любом раскладе». Кроме памяти, которая ищет опору. Кроме того, что сохраняется при

любом раскладе. Кроме тех ориентиров, которые помогают опомниться на очередном перекрёстке.

Жаль, нет уже Саши Аронова, пытавшегося когда-то открыть перед Сергеем Телюком ворота в Союз писателей, а перед читателем — ворота в его тексты, не успел Саша написать о нём подробнее, как собирался, то есть не вошёл во «вторые ворота» (первые-то распахнуты, а про вторые — молчок). Но почувствовал Аронов главное: наши «самородки» не хотят ничему учиться, а Телюк — хочет.

Что мы можем извлечь из этого учебного процесса?

Невыносимый для сознания хаос повседневной бессмыслицы. Человек живёт в своём времени, не зная ни того, что будет через миг после его исчезновения, ни что было за миг до его появления. Это не бытие — это пристанище. За его пределами — некая «первозданность», и там тебя никто и ничто не ждёт; вернуться туда можно лишь наитием любви, однако и оно может исчезнуть в бездне забвения.

Отчаявшись удержать смысл жизни, Сергей Телюк утешает себя (и нас): важен-де «процесс», а не «расчёт». Но это мало помогает: процесс отмерен, а душа безмерна, и душа требует перспективы. Поэт пытается отрезвить душу, сравнивая её со щенком, который скулит в пустом доме. Душа продолжает скулить. Он её старается успокоить: есть Творец, который всё составляет по своей мизансцене и даже кавказцев пускает в наш двор «так — для примера». Но душа не успокаивается: требует корней, зовёт предков. Он ей: да ничего там особенного — сидел дед на свежесрубленном крылечке, смолил самосад. И всё?! А скрижали? Ты о скрижалях бредил? Не для того же Моисей писал Закон на медных досках, чтобы всё это пошло дымом в небеса! И не для того рыцари возводили стены замков на *порусских* полях! И не для того «отец навсегда в прошлом веке остался»!

«Прошлый век» (то есть Двадцатый) позволяет прописать конкретно-историческую ситуацию. СССР, великая держава, тщившаяся предписать Закон всему человечеству, распалась, ушла дымом в небытие, оставив сирот, которые отравлены мыслью «обо всём мире». И что им досталось? На месте красных рыцарей и их воздушных замков — тёплая печь, и на

ней — традиционный лежебока, ожидающий, что «счастье привалит извне».

Вот кто виноват!

Что делать?

Может, Аронов бы объяснил... А Телюк всё в той же надежде понять матушку-Россию, пытается растолкать её видениями новых степных набегов, резни, которую устроят безжалостные азиатцы. В этой перспективе само понятие перспективы кажется спасительным... «как будто в тире (при стрельбе)».

Прямизна траектории и кривизна сабли скрещиваются в сознании лирического героя, русского человека, оказавшегося на очередном историческом перекрёстке и старающегося то ли угадать, то ли вспомнить своё предназначенье.

Можно ведь было и не поспеть на такой судьбоносный перекрёсток?

Сергей Телюк — поспел.

Поспел — как раз к таинственно-счастливой встрече с Ириной...

Словно убоившись за чудо сближения, он снимает суеверный страх воображаемой картинкой брачного союза, где муж, исполнив обряд стирания пыли с мебели (и сползав в магазин), заваливается на обломовский диван и кричит: «Го-ол!» — телекрану, где мужики катают по травке мячик.

Не верьте. Это Телюк шутит, снимая нервное напряжение. Это выдуманный «агент Нулёв» может причалить к такой семейной пристани. Настоящий лирический герой идёт на свидание с любимой, трепещет от сомнений.

«Два одиночества сошлись...»

Одиночество — полёт пылинки во Вселенной.

Как это? Рядом с магазинной авоськой?!

Нет, рядом с краем света, который ощущается у Телюка ежесекундно и в любой точке. Рванёшь на Украину — «разберись-ка теперь — край какой страны»: праславяне, двинувшиеся «с заката на восход», перенесли центр страны далеко от родимых приднепровских курганов.

А Россия — разве покоится на месте? Прадеды гуляли! Бродячий скрипач скитался по Белоруссии и Польше, потом заце-

пился за Москву, которая ещё и столицей не была... Ни один дед не умер в своей постели в срок — оба изведены войнами, ранами, болезнями. Отец едва окончил школу — и тоже на фронт... и на тот же погост, но позже. Успел на семейной веранде посидеть — глядел в загадочные дали, «манящие к неведомым мирам...»

*Всего-то три ступеньки до земли...
Узнать бы континенты да народы!..
Тропа уводит через огороды —
они давно бильём позаросли.*

Сквозь бильё, коим позаросло бывшее, сын-внук-правнук продирается в прошлое. Да в такое, что не сразу нащупаешь. Тут не только Аттила, намозоливший глаза народам в пору Великого Переселения, — тут его канувшие в небыль сыновья Еллак да Денгизик, не удержавшие славы отца. И не только Карл Великий, основавший Великую империю, а некий Дражко, вождь ободритов, воевавший по его указке. И саксы, ещё не завоёванные франками. И скифы, ещё не вполне оторвавшиеся от персидской прародины и не переосмысленные как общие предки южных россиян, Дух всматривается в такие закоулки Истории, где заведомо ничего не высмотришь, кроме завораживающей Тайны.

«Всё дальше углубляясь год за годом в представшую неведомую даль, я ощущал и радость, и печаль...»

Кафолический русский человек. Меж Опоньским царством и четвёртым сном Веры (ну, пусть Павловны) строит свою Вселенную. Столетия превращает в мгновенья. Масштабы снимает бескрайностью. И не унывает: «Смысл уже давно утрачен в клубке мирских неразберих», зато в надмирных высях можно нащупать нить, которая назначит судьбу бусинам... то есть частицам, носящимся в космических безднах... то есть душам, ищущим друг друга...

Встретились!

Молчат души. Мычат в нерешительности. Скулят в сомнениях. Ищут слова.

И, наконец, находят! Решаются! Представим, что у них семья... «Допустим, это ты и я... Смеёшься?! А ведь всё возможно».

Возможно всё. Кроме финала с авоськой, пыльной тряпкой и футболом на диване. Такой финал — смерть души.

А жизнь души?

А жизнь — готовность в любой момент всё бросить и уйти в бега.

Остающейся на берегу (Пенелопе, Сольвейг, Ярославне... кто там ещё? Ну, пусть хоть Вера Павловна) — прощальный взмах рукой: ждите, вернусь!

*Не поймёшь, что зачтётся, что нет...
Да, пожалуй, не так уж и важно, —
сам себе дам команду отважно,
и отчалит кораблик, привет!*

Причалит ли кораблик? Ведь, как заметил пронизательный Вадим Кожинов, таких искателей в случае перестрелки убивают первыми...

Говоря это, Вадим Кожинов, собственно, не имел ввиду персонально Сергея Телюка, но Сергей Телюк однажды процитировал Вадима Кожинова с полным основанием именно применительно к себе — в связи с признанием, что ему, Сергею Телюку, не близки крайности ни в демократическом, ни в патриотическом, ни в каких-либо ещё направлениях. Тут интересен даже не сам факт такого отказа от крайностей, сколько интонация загадочного удовольствия, с каким это нам сообщено.

В случае перестрелки интонация может смениться отчаянием либо яростью, но вечное *ожидание* перестрелки, которая висит в воздухе и никак не начнётся, — рождает то самое немислимое состояние души, при котором в инженере, обученном при социализме строить мосты и тоннели, пробуждается поэт.

Итак, я хочу понять его место в общей ситуации.

Что ему строить: мосты с одного конца света на другой (да ещё надо решить, какие: четырёхрядные или двухрядные), или тоннели, ныряющие с простреливаемой поверхности жизни в её

потаённую глубину (да ещё надо решить, выйдешь ли оттуда, а может, лучше остаться на поверхности и ползти, по-солдатски маскируясь), — вот это всё надо учесть, чтобы понять интонацию, в которой работает сегодня Сергей Телюк.

В качестве пробы интонации — напомним прозаический фрагмент, из «занимательных историй», — благо, в прозе Телюка, по проницательному наблюдению одного из критиков, подкупает простота «жизня-бытья», вроде бы побуждающая «не ломать голову» над тем, в каком жанре это написано, а просто читать, смеясь и радуясь. Опять о главном «молчок»?

Вот эпизод, произошедший «однажды в XX веке».

Середина века. С фронта возвращается с наградами отец. Сын спрашивает: за что награды?

«Да так... Ползли к Берлину, стреляли, обмороживались... Мало ли... Всего не упомнишь...»

Тут собрана интонационная гамма, которая позволяет понять и Телюка-поэта. На первый простодушный взгляд — придуривание на грани издёвки: неужто пять лет войны, увенчавшиеся штурмом Берлина и триумфом Победы, — так-таки и укладываются в словечко «ползли»? Можно подумать, что рассказчик провоцирует нас на возмущение! А ведь на самом деле тут зарыта такая «тоннельная» правда, без которой триумф и впрямь может обернуться издёвкой. Ведь и ползли, и стреляли, и обмороживались. Только сказано об этом так, будто правда пропущена через ложь, и именно через ложь пронзает, а заодно пронзает и саму эту ложь («всего не упомнишь»), делая её горькой частью пережитой правды.

Зная этот «тоннельный» интонационный ход, можно читать стихи, вставая на «мост»: мост качается над реальностью, которая... притворяется ложной.

*Иные лидеры по праву
искусно вешают лапшу...
Её не стряхивай, прошу,
им это удалось на славу!*

То есть, лапшу на ушах лучше не трогать, потому что это тоже реальность: чтобы её понять, надо для начала распробовать «лапшу». И не строить из себя белую ворону. Или не белую, всё равно:

*Уж коль сорокой вышло родиться,
то не фига тут вороной каркать!*

Вам это ничего не напоминает? Это упоение поэтического пролёта над каркающей реальностью. Кто же в русской классике рядился в такую белую ворону, оставаясь в перьях родимой сороки, — под пером гениально смоделировавшего этот казус романиста?

Да капитан Лебядкин, изваянный Достоевским! Можно воевать с кармазинно-красивой значительностью Тургенева, верящего, что мир гармоничен, а можно вползти в красоту под видом самодельного поэта, тоже в эти химеры верящего, но так, чтобы мы, читатели, почували обманный морок, накрывающий и его, и нас всех.

Блок это понял, когда уловил черты капитана Лебядкина в упоительных поэзах Игоря Северянина, тоже вроде бы воспевшего «эстетную изящность» реального мира, а на самом деле простодушно унюхавшего его фальшь.

Когда «Столбцы» Николая Заболоцкого читались у Павла Антокольского, жена последнего, актриса Зоя Бажанова, пригвоздила присутствующих возгласом:

— Да это же капитан Лебядкин!

Висело в воздухе! Надо было только это простодушие смоделировать — подобно Достоевскому, выдумавшего своего капитана.

Сергей Телюк как раз и выдумывает лирического героя, от лица которого можно говорить городу и миру столь простодушно-откровенные вещи. Допустим, праправнучка Козьмы Пруткова во время Московского фестиваля молодежи и студентов в 1957 году согрешила с гостем-эфиопом. Кто родился от этого греха? Человек, в сознании которого мир освободился от громадьи лжи, и сознание оказалось обнулено, но этот обнулённый младенец остался агентом нашей бесовской пронизательности.

Агент Нулёв — вот кто уполномочен говорить правду, которая ползёт в зарослях, выросших за века истории! Не будем же роптать! Будем счастливы! Подлость — это ведь тоже жизнь, если другой не дано.

*А тут что ни день — ожидаешь подлянку:
то слева, то справа устроят гулянку,
то снизу долбят, нарушая уют,
то сверху водою внезапно зальют.*

Быт так коммунально жуток, а мы так счастливы!

*Не будешь ведь вечно со всеми ругаться...
Куда незлобивому сердцу деваться?
Бывает «на пиво» друзей созовёшь
и песни в культурной среде попоёшь.*

Когда бишь, вспомним, родился персонаж, так хитроумно компенсирующий нашу счастливую дурь? В середине 50-х? Самое время!

Самое время — между кончиной генералиссимуса, от чьего военного тиранства стали тихонько оттаивать обмороженные советские люди, — и концом этой Оттепели, что было ознаменовано подавлением Пражской Весны. Между траурным салютом 1953 года и пристрелочными очередями 1968-го, как между двумя перестрелками, замыкается лебядкински-мирное пятнадцатилетие, и появляется на свет поколение, к которому принадлежит Сергей Телюк.

«Преемственность поколений» ставит ему судьба заманчивой задачей, когда из тоннеля выводит на мост.

Чтобы осознать преемство, надо для начала отделить себя от тех, кого сменяешь, принимая страну.

От кого?

От отцов — спасёнышей военного времени, названных впоследствии «шестидесятниками» и оглашённых банкротами за свой запоздалый идеализм.

От старших братьев, выросших в послевоенной скудости под фанфары фальшивого оптимизма и укрывшихся от домогательств «системы» в котельных и бойлерных.

Счастливым послесталинскому пятнадцатилетию даёт судьба вырасти «среди химер» — ничего иного и не могут знать они, пририфмовавшие этот морок химер к СССР.

Что можно было вынести из химерности — если отсчитывать от позднего протрезвления? Вроде бы проклясть и ложно-счастливое детство, и фальшиво-бравурное отрочество. А что они вспоминают? Не поверите: спорт и лепку в кружках! Вокально-инструментальные ансамбли! Литобъединения, на каждом шагу зазывавшие в рай соцреализма!

Знали они, что всё это — химеры?

Знали! И даже научились имитировать эту химеричность... А притом взяли, что могли. Пока судьба очередной перестрелкой не отчеркнула старт следующему за ними поколению, появившемуся на свет между прицелом пражского вторжения и канонадой Афгана; те уже не маршировали в пионерских колоннах, а поползли под пулями душманов, и вернулись на костылях, и возопили: «Не хотим!» От тех, младших, тоже надо было мысленно отделить себя этим, оставшимся между историческими перестрелками. Они, можно сказать, остались *последним советским поколением*, в которое вложилась Система, сберегавшая их для грядущих испытаний. Да испытание вышло не таким, как мечталось.

Собственно, настоящее испытание им было уготовано как раз тогда, когда они вошли в ответственный возраст, — в начале 90-х.

«Дружок, припомни, как юнцами мы не оглядывались вспясть. И нынче нечего пенять: не сходятся концы с концами».

И тотчас — сатанински-лукавый вопрос, без которого Телюк не был бы Телюком:

«А может, так и надо?»

Так начиналось второе десятилетие Двадцать первого века...

Но, возвращаясь к легендам, а также сказам Сергея Телюка, я снова отшатнусь в Двадцатый век.

В первый год Великой Отечественной войны в свердловской эвакуации, в переполненном беженцами первом классе, учительница преподаёт нам урок из истории родной страны.

Пишет на доске аршинными буквами:

«Урарту».

Господи, какое «Урарту»? При чём тут «Урарту»?! Где его искать, это «Урарту»? Как связать его с Москвой, откуда мы уехали, с Ленинградом, где учительница чудом спаслась от гитлеровской бомбардировки, со Свердловском, который нас приютил?

Явилось и объяснение: Урарту — древнейшее государство, случившееся на территории Советского Союза, и значит, наша Родина.

За четыре года Советской Союз отстоял себя от фашистского нашествия.

Ещё через сорок лет — распался.

«Урарту» перестало быть актуальным. Дюжина обрётших независимость государств принялась писать свои собственные истории, каждая — от своей точки отсчёта. Мог ли я в свои семь лет представить себе, что эта «морока», эта стая «химер», эта «дорога, ведущая в никуда», — станет головной болью у поколения наших детей?

Сергей Телюк — как раз из этого поколения.

Выросши, они получили в наследство пёструю карту, с которой вслед за «Советским Союзом» кануло в Лету, то есть слетело в «молву», в числе прочего, и государство «Урарту», и вопрос: откуда мы, кто мы — приобрёл несколько фантастический характер.

Почувствовав этот зов предков и не обнаружив их в ясном порядке Мировой Истории, Сергей Телюк как раз и стал собирать историю русских по крохам, осыпавшимся с пиршественных столов историков мира. Нет ли чего у Геродота? У Фукидида? У Ксенофана или у Страбона? У Цицерона или у Аристотеля?

Нету?!

А у Карамзина? У младшего Вернадского? У Рыбакова?

Собирая эти крохи, эти обрывки, эти легенды и сказы в целостное «Предчувствие Руси», Сергей Телюк решил сохранить ссылки. И посочувствовал читателю, которому после порции стихов придётся прогрызать абракадабру комментариев. Ничего не поделаешь, другого пути нет, — улыбнулся поэт.

Есть чему улыбнуться. «Молчком»...

«...К пятому веку термин “скиф” стал довольно неточным, означая в целом северного варвара. Позднее он иногда употре-

блялся для обозначения славян. В этом смысле он, возможно, обозначал антов...»

Это — из Г. В. Вернадского. У других не легче. Где там венеды, где анты, где скифы, где росомоны, где склавены, где германцы, где готы, а может, остроготы... Карл Великий хоть знал, кого бил, в Константинополе хоть знали, кого проклинали, а мы разве знаем, где Русь, а где склэйвы, где коморовские, а где киммерийские...

И всё это мы?!

Дерутся беспощадно и втёмную племена, роды, армии, ополчения... Телюк через тьму тысячелетий всматривается в эту катавасию, и вдруг его (и меня, его читателя) окатывает, как горячим душем в знобящей тьме, мысль о том, что мы наследуем им всем, что в древних междоусобиях ковалось общее достояние, и не границы государств держали эту круговерть в пределах вечно меняющейся логики — а меняющаяся от погоды граница леса и степи, извилистые берега рек, где русла то непроходимы, то, напротив, зазывающи, и гость ли, враг ли идёт через брод, не угадаешь.

Скорее всего — враг. Который потом может стать другом. А может не стать. Граница, как правило, — «ботаническая». Лес — степь. Граница, может быть, станет линией фронта. А может, не станет. Это — лейтмотив:

«Чу! Слышен топот коней. Теушпа, вождь киммерийский, насытившись грабежами, через перевалы Карпатские гордо уходит назад, в раздольные степи, в безлесье, где нет надоевших засад...»

Засады — раздолье для коварных лесовиков? Если так, то степняки, воюющие в открытую, предстают здесь как объекты сочувствия...

Впрочем, и лесовики — такой же объект сочувствия:

«Повадки, когда степняк окрылён, привычны для здешних мест с давних пор — спешили в леса остатки племён, коль им не хватало сил на отпор».

Так чащоба — спасение?

Вовсе нет.

«Болота, чащобы, мошка, холода — ни весточки, словно ни с кем не встречались».

Так с кем душа? С кем из дальних предтеч встречается?

Да с теми и с другими! И наложницы, взятые в плен у врагов, становятся фаворитками. И дети их, полукровки, возмужав, возглавляют выросившее их племя. И вождь, поставленный перед выбором, традиционно решает, куда вести новых родичей в этих «необозримых протяжённостях» земли.

Разве что всю ситуацию — глобальную — переменить?

*Разительная прямота
набегов кочевых племён
всегда немислимо люта —
в резне степняк был изошрён...*

*Европа что — не им чета:
не лезли люди на рожон,
в лесные уходя места
и создавая там кордон.*

Кордон? Значит, прощай протяжённость, безначальность, безграничность и... безответственность! Вместо беспорядочности химерческих маршрутов — магическая истина: *порядок*.

Память — дочь порядка. Хорошо, если анты окажутся у рубежа Византии и попадут в какой-нибудь «константинопольский манускрипт», — вот тогда и память сохранится в той степени, в какой обнаружится в этой буче «порядок».

И Карл Великий, огнём и мечом искоренявший врагов, отлично знал, кого и за что искореняет: «Порядок известен в его обиходе — любому воздать по заслугам готов».

А если без этих стражей порядка — где-нибудь поглубже в веках?

«К примеру, в древности, в Элладе — Перикла вспомним времена, — там, при определённом взгляде, суть поразительно стройна».

Так что без того или иного «порядка» не обойтись. Иначе ни стройности не будет, ни строя.

Как же Сергей Телюк справляется с этой незадачей?

Да так, как повелось *издревле*:

«Издревле жить в мире непросто. Так было всегда. Чуть что — пыль клубится, дела — словно сажа бела...»

Этот приснопамятный словесный оборот выдаёт в Телюке советского подростка, умеющего отвечать на вопрос: «Как дела?» — в ситуации, когда дважды два запросто могут оказаться стеариновой свечкой (почему свечка? Да потому что

при каждом историческом катаклизме прежде всего гасло в домах электричество... Но об этом — молчок).

Что остаётся поэту, обретшему голос к исходу века, который одарил человечество мировыми войнами? Согласиться с Державиным: «Я — червь»? Или попытаться отыскать в собственной душе вопреки любой дикой ситуации — неумирающую надежду?

«Видение химеры пройдёт — и ты поймёшь себя».

А опора?

«Тот самый союз под названием Русь. Кто хочет — пусть спорит, а я обойдусь... Я верен сколото-славянскому роду. Я внутренне чувствую эту породу».

Вот именно. На породу и прашуры наши уповали.

«И князь улыбнулся окутавшей мгле — что может быть лучше на этой Земле: верны ему вкупе двенадцать племён; прелестны двенадцать молоденьких жён, где каждая — дочь одного из вождей (похвальна традиция здешних людей!)...»

Оставим князю его 12 жён — молчок! — и, вернувшись к современному поэту, воздадим должное его Единственной.

Я имею в виду художницу Ирину Телюк, чьи ксилографические иллюстрации к легендам и сказам о Руси Праславянской замечательно выявляют их дух и смысл со своей, изобразительной стороны. Мускулистый штрих. Мощные и вместе с тем по-своему изящные фигуры ритмично заполняют площадь листа. Динамика противоборства не разрушает, а напротив, подкрепляет единую драму, единое действие, единый смысл происходящего. Независимо от того, сшибаются ли люди в смертном поединке или набегают (отбегают) в дружном строю. Независимо от того, кто там «свой», а кто «чужой», ибо лица людей даны лаконично, и все они — участники единой драмы. Независимо от того, «чья возьмёт».

Ирина умирает в 2010-м.

Сергей, собрав все силы, продолжает работать.

«И приходит весна, время надежды на лучшее, и сегодняшняя боль становится вчерашней — но всё равно не исчезает...»

СТИХОТВОРЕНИЯ

1980–1992.

До Ирины...

НЕМНОГО О ТВОРЧЕСТВЕ

Топочут, топочут копыта,
и радость кружит в голове:
враг сломлен, победа добыта,
и кровь запеклась на траве.
И крики ликующей рати
внушают, что всё нипочём,
и стяги склоняются ради
героев... (Об этом потом.)

А я, потянувшись, устало слезаю с Пегаса-коня,
от лязга металла и гвалта болит голова у меня —
и вот на диване скрипучем стараюсь забыться во сне,
чтоб с духом собраться, чтоб завтра быть вновь поутру
на коне.

Февраль 1980

* * *

Торжок. Тверца. На переправе.
Церквушки деревянный призрак
в осенней, вековой оправе —
и это не последний признак...
Над древностью семихолмовья —
давно изжитого в столице —
грай воронья и скорбь сыновья
столь явны, словно здесь, в светлице,
среди бревенчатого града
взмолилась женщина рожая,
быть может, на пороге ада,
в мученьях род свой продолжая.

Октябрь 1983

ВОСПОМИНАНИЕ

О ЗАХАРОВЕ*

То чудится тебе...

А. С. Пушкин

Светает. Тихо за окном.
Ещё не наступило утро,
ещё живу вчерашним днём,
в котором (призрачном как будто)
я вижу рошу — но не здесь —
деревья, мальчик между ними.
И так шумит наивный лес,
что явно называет имя...
Да зря. Подсказок не терплю.
Я знал, кто назначает встречу
в том достопамятном краю,
спроси — и я тебе отвечу,
кто по тропинке той шагал...
О, сколько прелести в начале —
когда судьбой своей назвал
тревоги, горести, печали.

Март 1984

---

* Захарово — родовое поместье Ганнибалов в Подмосковье.

* * *

Телефон зазвонил. Вновь болеет отец.
В трубке кашель — он кашляет многие годы,
и в свои шестьдесят мать измучил вконец
(представитель последней войны от пехоты).
Ему крепкого чая и водки — нельзя...
Потому и бывает сварлив без отчёта,
что уходят года, как уходят друзья,
друг за другом, цепочкой особого счёта —
оставляя лишь память, ранения след,
да тревожную старость военного края...
Всё же мало для жизни семнадцати лет,
не прогорклых от пота походного строя.

Апрель 1984

* * *

Мир. Дочь, склонившись над листом,
впервые букву «М» рисует,
чуть ниже — накрённый дом
забыт, и без неё тоскует.

Задумчиво сидит жена —
лениво двигаются спицы —
то кажется, что спит она,
то кажется, что ей не спится.

На чёрном полотне окна
ноябрь блекло проступает —
тревожен, словно тишина,
но этого никто не знает.

Декабрь 1984

ТРИ ЭТЮДА

1.

Рождался день, как должно, в муках.
Вороны каркали над ним
о том, что жить ему в проулках,
среди помоек и машин,
среди домов панельно-блочных,
сроднённых серостью своей;
среди невзрачных, и порочных,
и непонятливых людей.

2.

Лист падал плавно, горделиво.
Но выглядел он сиротливо
среди похожих друг на друга
стволов. И по канонам круга
так походил на прошлогодний,
как долгий день предновогодний
подходит для иных сравнений
суждений, обликов и мнений.

3.

День. Календарь на цифре три — начало месяца и года.
Застыли в сумраке зимы, как в ожидании исхода,

и снег в грязи среди двора, и неянварская погода,
в которой плачет у крыльца начало месяца и года,
так, словно больше никогда подобной не бывать печали...
И тихо слушали дома. И капли по стеклу стучали.

1983–1984

* * *

Сонливый, немощный туман
стирал брезгливо очертанья —
вновь обращая день в обман,
во многоликие мечтанья.

Хотелось доверять сполна,
но каплями в окно хлестало,
казалось, — есть моя вина
в том, что реальностью не стало.

Катилась по стеклу слеза,
как откровения начало,
предсказывала чудеса
и ничего не означала.

Январь 1985

* * *

Я говорил, что не ревную,
и шёл заведомо на ложь,
обычную как день, земную
и непривычную, как дрожь.
И позже в полутьме квартирной,
в пылу оттачивая слог,
безжалостно, бесперспективно
фальшивил, но уже не мог
иначе говорить с тобою,
иначе думать. И в ответ,
в дверях помедлив, ты собою
последний заслоняла свет.

Март 1985

* * *

Ни скрипа, ни поскрипа нет. Снегопад.
Неслышно ложатся: снежинка... другая.
Какая зима на пороге. Какая?
А может быть, я возвращаюсь назад?

И тихо ступаю снежинкам след в след —
покорно, как будто послушный ребёнок, —
но только, тот миг недоверчиво тонок;
но только, мерцает загадочно свет.

Декабрь 1985

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ N.N.

Двадцать первого — двадцать два.
Жизнь проста, как обычная спичка,
как промчавшаяся электричка,
как поникшая вслед трава.

Май 1986

* * *

За двадцать градусов мороз.
Снег под ногами от печали
скрипел призывно, но молчали
дома, и продувал насквозь
московский ветер. Город мёрз.
В кварталах железобетонных —
мечтал об избах истомлённых,
не полагаясь на прогноз.

Январь 1987

МАРТ

Не спится. Тикают часы.
Март на исходе. Снег не тает.
Весна лениво проступает:
дорога (вдаль две колеи)
застыла в ожиданьи чуда,
хотя, казалось бы, — откуда?
Не спится. Тикают часы.

Май 1987

* * *

Холодное золото осени
бесстрастно желтеет извне —
за стёклами в сумрачной просини,
за чахлым цветком на окне.

Дорога, привычно разбитая,
зовёт в неизвестную даль,
как женщина полузабытая,
которую всё ещё жаль.

Сентябрь 1987

* * *

Люблю близость этой старой, больной женщины,
которую невозможно не лелеять,
хотя исполняется ей двадцать девять
и трудно поверить, что мы не обвенчаны.

Наше прошлое как отпечаток вечности:
мы и там живём параллельно друг другу —
ведь она ненавидит ходить под руку
с поклонниками, склоняющимися к нежности.

Август 1988

* * *

*Расстанная — улица, как правило ве-
дущая к захоронению или кладбищу.*

Я уйду всё дальше по улице Расстанной.
Всё отчётливее слышны голоса отставших,
давно забытых людей, всё-таки не узнавших
(и потому как бы замерших в надежде тайной), —
а что же там? А там — ничего, кроме дороги.

Октябрь 1988

* * *

Я вглядываюсь в прошлое с позиции истца.
Я разыскиваю следы родни повсеместно —
я хочу знать, что было до рождения отца,
но это почему-то никому не известно.
И я ощущаю себя безымянным ручьём.

Апрель 1989

* * *

Ты смотришь в упор. Я уже привык.
И только сердце медленно раскачивается, и — бьётся
о рёбра, как в колоколе язык.
Ты надеешься. Но мне-то известно, что он не вернётся.
Юноша умер — я вместо него.

Июнь 1989

* * *

Наверное, я похожу на мальчика, играющего в кубики.
Я тщательно восстанавливаю стены обветшавшего замка,
в котором жили когда-то мы с тобой, не замечавшие публики,
полагавшейся и нашему театру (словно картине — рамка).
Мы были очень смешны, не правда ли?

Октябрь 1989

ИГРЫ В ШАХМАТЫ С ЖИВЫМИ ФИГУРАМИ

Нине Мариц, американской художнице...

Первая

Я стою на чёрном поле. Я шахматная фигура.
Мой король загнан в угол, его губы уже побледнели,
а королева бесцеремонна, как шлюха на панели,
в ожидании того, чем это закончится. Дура!
Ведь сыграна только первая партия.

Вторая

Новый король жаждет победы, но он в безвыходном положении.
Судьба... Гвардия редеет и ничего не меняет в сражении,
как будто это обыкновенная пехота.
И я среди них, такой же прогорклый от пота,
и мне не безразлично, почему мы должны гибнуть.

Третья

И опять у нас новый старый король.
Войска настраиваются как две струны,
ведь его величеству обязательно развлечётся захочется...
И сойдутся рати под гнусавые звуки флейт.
Многие будут истреблены.
Но мне хорошо известно, чем эта история закончится.
Я стою на чёрном поле. Я шахматная фигура.

Октябрь 1989

* * *

Когда приходит зима — мой город покрывается сетью морщин.
И в проступивших улицах, скованных железобетоном,
неподвластно-пронзителен, как траурный крик воронья
лишь ветер
на рассвете,
как обречённость... Здесь многие умирают, не дожив до седин.
Здесь даже свет вечерних окон кажется пламенем свечей
в руках покойников.

Март 1990

* * *

Осень. Телефон брошенной игрушкой безмолвствует на полу.
Если вдруг совсем не звонят,
значит — всё хорошо? Я рад...
И я подхожу к окну, и, вглядываясь в предрассветную мглу,
предощущаю гроздь рябины — багряными пятнами
на белоснежном фоне.

Декабрь 1990

ЛУЖНИКИ. НА ПРАЗДНИКЕ «МК»

Ночь. Стадион полон. Я поднимаю бенгальский огонь
над головой,
двигаясь сообразно музыкальной фиесте —
прочь, одиночество... Окружающее, не отвергай меня! Я свой —
мой крик впивается в многоголосье. Мы вместе.

Июль 1991

ИЮНЬ

И я вхожу в июньскую траву по пояс —
она ядовито-зелёного цвета,
вроде морской пучины. Начало лета.
Мне чудится нарастающий гул прибоя...

Июль 1991

* * *

Голос трепетно звал меня за собой. В нём слышалось
дыхание лета,
где полуденный зной иссушал губы,
и хотелось пить, и казались грубы,
неуместны слова твои. Но они вовсе не требовали ответа —
они были второстепенны в густом потоке
невостребованной нежности.

Январь 1992

1993–1998

* * *

Зима вторгалась в дом. СветлеЛ прогал окна.
Будильник на столе отсчитывал мгновенья —
звук вызволял меня, как будто из забвенья,
и обрекал на жизнь. И было не до сна.

Январь 1993

* * *

Шёл дождь, точнее, ливень лил в ночи.
Свет из окна выхватывал потоки,
похожие на волосы твои,
на ниспадающие складки тоги,
на легионы римские в пути...
И не было конца у той дороги,
и не было возможности уйти —
я замер словно мальчик на пороге.

Август 1993

* * *

Я думал, смерть, что пахнет гарью коптящих небо этажей,
взывая к жалости единой, пронзит нелепостью своей.
Но, видно, что-то недопонял; но, видно, где-то не просёк:
вновь нетерпимостью тлетворной грозят и запад, и восток —
всё те же лица в толпах рьяных, всё та же пьянь... и дебильё.
Москва! Ты — боль моя. Ты — рана. Ты наказание моё.

Октябрь 1993

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Птица, упавшая диагонально,
перечеркнула действительность разом.
Только деревья взмахнули ветвями, ахнули двери подъездов,
что рядом —
и тишина многоточием длилась, словно скорбя об оборванной
фразе
жизни, которая трепетно билась, маялась в небе
в предсмертном экстазе,
чувствуя, как обрываются нити, как расплываются очертания,
как расправляются складки и линии освобождённого
подсознания.

Ноябрь 1993

* * *

Выйти из дома. Шагать в нетерпении, хляби дорожной
не замечая.
Чувствовать внутреннее напряжение там,
где другие прошли скучая.
Дисгармонируя, с остервенением в драке свои кулаки разбивать.
Отождествлять нераскрывшихся гениев с упоминаньем
ненужного «ять».

Декабрь 1993

ДЕКАБРЬ

Комната будто опустошена, лишь мирно сопит позабытый кот,
лишь мощи бледнеющего цветка упрямо ведут своим дням учёт,
лишь снег с дождём барабанят в стекло. За крапом капель
дорога видна:
деревья разряжены (тут — в манто, там — в серые шубы)
вдоль полотна.
И называется это — зима... Декабрь чахоточный
не скоротечен —
он болен, он тает день ото дня, так долго, что кажется
бесконечен.

Декабрь 1993

СНЕГОПАД

Скрёб дворник у подъездной двери. Позавчера был Новый год,
и вот — на третье, в понедельник, снег выпал. Наступил черёд —
хлябь зазвучала под ногами, аккомпанируя шагам;
следы чернели из прогалин; горбатились то здесь, то там
куски полуприкрытой суши. Но белоснежность покрывал
глаза слепила — вездесущий свет прибывал и прибывал,
и наконец поверг в унынье своей бестактной правотой:
всё, что ни делалось доньше, вдруг оказалось суетой.

Январь 1994

ВЕЧНА

Луч солнца, проскользнувший в спальню,
буквально вычислил меня,
и жарко к векам льнул — нахально он объявлял начало дня
и, не давая передышки, всё требовал: «глаза в глаза».
Мы со светилom не мальчишки, ему бы знать, что так нельзя...
Но странно — переподчиняться своим желаньям вопреки,
как безотчётно любоваться бурлящим паводком реки.

Март 1994

АПРЕЛЬ В МОСКВЕ

Корява нагота берёз. Страсть к жизни в них не пробудилась.
Но как лицо угрями — сплошь — земля вдруг мусором
покрылась.

И словно в ритме стиля «рок» завывла наглая сирена,
на всю округу, чтобы мог услышать каждый... Мир — арена,
где настроение толпы, как жилка на запястье, бьётся,
где всё, что натворили мы, расхлёбывать другим придётся.

Апрель 1994

СЧИТАЛОЧКА

Мне ветер юго-западный вылепливал лицо.
Уверенным касанием, похожим на твоё,
морщины он разглаживал и снова прорезал —
у глаз моих прищуренных дотошно колдовал.
Я ощущал дыхание и понимал — не то,
но было ведь касание похоже на твоё,
но ведь хотелось нравиться. И я послушно ждал.
И ветер юго-западный творить не уставал.

Апрель 1994

ЛЕТНЕЕ

Будет жарко. Непрестанно муха мне жужжит об этом,
надоедлива донельзя — что ж такого? — это лето.
Будет полдень. Жирной точкой тень сгустится под ногами,
хоть ещё совсем не время, не закончено с делами.
Будет час отдохновенья. И студёная водица
будет до исчезновенья всё струиться и струиться.

Август 1994

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР В ЕВПАТОРИИ

Солнце садится за крыши домов. Море в пастелевом тоне. Волны послушные лижут песок. Словно в купейном вагоне мягко ложится оттенок печали, в свете неярком сменяет только что видимые очертанья и растворяется, тает. Улочки полны дыханием бриза — воздух на зное настоян, на снисхожденьи к любому капризу. Всё остальное — пустое.

Сентябрь 1994

* * *

Когда морозный воздух чист, когда видны контрастней дали,
и кажется, что взгляд проник во все фрагменты и детали,
и настроение под стать бирюзоватой шири неба —
приходит время представлять, пусть даже это будет небыль...
Воображение моё, предощущение, начало,
питающее бытие, — пора. И слышу — зазвучало.

Ноябрь 1994

ДВОРОВАЯ МОЗАИКА

Скрипели во дворе качели... Надменно каркнула ворона
и как-то прыгает мудрёно вокруг лужи посреди газона —
но отражение в той луже отчасти также однобоко...
А солнце движется с востока, из непонятного далёка,
до обусловленной вершины спешит, не зная передышки...
И возраст, словно вес излишний. И радостно кричат мальчишки.

Апрель 1995

ДВОРОВЫЙ ЭТЮД

У девчонок юбки короткие и сквозь блузки груди торчат.
У мальчишек шутки плоские и глаза беспокойством блестят.
Здесь все песни для трёх аккордов, здесь дурмящие вечера,
здесь телячье что-то и доброе — нескончаемо до утра...
Это было недавно. Позже мы влюблялись в девчонок иных,
но уже несравнимо горше оставалась нам память о них.

Апрель 1995

ТАЙНА

Двое. Застыло солнце в редкой листве за окном.
Чуткий котёнок Чуча входит — теперь мы втроём.
В квартире под нами — стук, наверно, идёт ремонт.
А в верхней квартире — ржут и магнитофон орёт.
Но, даже трое, — много на маленький островок,
точку в житейском море. Только про это — молчок.

Май 1995

В КРЫМУ

Южное солнце кичливо светит, глаза слепа.
Море до горизонта. Мальчик — как будто бы я —
замер, застыл во времени. Плещет в ногах прибой.
Эй, беззаботный раззява, разве я был тобой?
Дно из песчаных барханов. Горечь на вкус вода.
Там, за спиною, мама. Мама ещё молода.

Май 1995

* * *

Обычное дело — осенняя скука...
Но только звучит непонятно откуда
(из детства?) мотивчик умиротворённый —
и чудится дворик листвою затенённый,
и лёгкий, пахнувший безмолвием холод,
и в серых штрихах обозначенный город,
и полнящиеся в объёме снега,
как тесто для праздничного пирога.

Ноябрь 1995

ПАНЕГИРИК

В ЧЕСТЬ АЛЕКСАНДРА АРОНОВА

Нет, вы не правы. Он — поэт.
И лжёт, когда твердит в ответ,
что журналист... Ах, как всё грустно!
Стихи он пишет преискусно,
но это маленький секрет
(об этом знает белый свет).

Октябрь 1996

В МЕТРО

Переболевшая любовью, я здесь приветствую тебя —
во чреве Метрополитена, в подобии небытия,
где голос только в крике слышен. А впрочем, это ни к чему.
Твоё послушное приличье неужто нравится ему,
соседу твоему, собрату, любовнику иль жениху?
Ты что-то высказала кратко, созвучное с английским «ху»,
хотя я понимаю: вовсе другое ты произнесла...
Но мимика твоя прекрасна — она тебя не подвела.

Сентябрь 1996

* * *

С чего началось? Разберись-ка теперь,
что стало причиной того поцелуя.
Весна, может? (Вроде звучала капель.)
Нет — произошло всё в разгаре июля...
Я вспомнил. Дожди были и холода —
стояло промозглое, нудное лето, —
казалось, тепло не придёт никогда,
его не хватало... Ты знала об этом.

Февраль 1997

* * *

По утренней прохладе вдруг, поднявшись, замереть на миг —
понять: что некуда спешить, что ты живёшь, пока родник
(твой дом, твой двор, твои друзья, и даже маленький котёнок)
зовёт, загадочно бурля, а ты — по-прежнему ребёнок,
и в этой жизни новичок. И ты останешься таким
под солнцем, брызнувшим в окно, под этим небом голубым.

Июнь 1997

В ИЮЛЕ

Как беспощаден птичий гомон (с рассветом поднялся галдёж).
Им, птицам, что до остального; им, легкокрылым, невтерпёж:
тепло пришло — выходит, бодрствуй и радуйся своей судьбе...
Над крышами нависло солнце, и стало мне не по себе.
Я не люблю жары июльской, в Москве в ту пору — сущий ад, —
подобье праздничных общаг, где кухни испускают чад.

Июль 1997

* * *

Сергею Демидову

Скажи, мой друг: всё, лето на исходе?
Уже прохладой дышат вечера,
и даже при безоблачном восходе
в дальнейшем не случается жара.
Но лишь почувешь дым костра, и снова
поверится, что лёгок на подъём —
обманываться, право, нам не ново
во времени, в котором мы живём.

Август 1997

ДУРАЛЕЙСКАЯ СКАЗОЧКА

323-летию написания письма турецкому султану запорожскими казаками и 81-летию Великой Октябрьской социалистической революции посвящается...

Тяжело и нудно среди непуганых идиотов.

И. А. Ильф, из записных книжек

Начну примечаньем заветным:
в том царстве привычку болтать
считали занятием вредным,
но Некто вдруг начал вещать...
«Ну сколько же, — вопрошал он, —
сносить пресловутый канон?»
А люди молчали согласно
с обычаем местным и вот
решились — так единогласно
одобрил идею народ...
И хватит. Теперь осторожно:
сегодня понять это сложно —
питали надежду года,
да вышло, увы, как всегда...
Не знать середины — планида

у жителей этой страны:
молчальниками знаменита —
теперь там в чести болтуны.

«Случай престраннейший, — скажете вы.
Подумав: — Несчастливые люди
милы и как на подбор здоровы,
в работе без удержу люты,
а то же — собранья... регламент».

И на тебе — избран парламент!

Мудренó... Плуты всяких рангов
бойко управляются там.
От казённых карет до банков
всё у них согласно чинам —
изошряются без конца:
оп-ца, грип-ца, оп-ца-ца!
Пообщаешься, глядь, привык —
о, велик, блин, местный язык:
он созвучен тебе, кудрявый, —
необузданный, молодой;
он подобен укладу — корявый,
полуграмотный и простой.

«Престранный случай, — скажете опять, —
ведь есть же искусство, наука...»
Отвечу: «опять» — можно в рифму?.. — «блядь»;
для слова «наука» есть — «сука»;
а, в общем, со словом «культура»
чудесно рифмуется — «дура».
И хватит, товарищи-господа,
такие бывают цветочки...
Вы взмолитесь: «Экая ерунда —
фантазия здесь в каждой строчке!»

Да, правда всё, сказочка эта —
престранное чадо поэта.

*Сентябрь–ноябрь 1997.
Евпатория–Москва*

СТРАНА РОДНАЯ

(Цикл монологов)

1.

Я понял. Болезнь моя неизлечима.
И стала ясна вдруг донельзя причина:
тогда поощрялся вранья ритуал,
а я-то... а я, как щенок, доверял.
О, если б я раньше всё знал! Сожалею.
Мне стыдно, недужится мне — я болею,
лишь только припомнятся те времена...
Ты в курсе событий, родная страна.

2.

Родная страна! Я такой несуразный.
Вот помню себя пионером. Прекрасный...
прекрасный был мальчик... В итоге прокол —
наверно, во всём виноват комсомол.
Пытался внушать: не последняя спица
моё назначение, что колесница
(то есть наша родина) и без меня,
ну не обойдется... Пустая брехня.

3.

Я отпрыск двадцатого века. Я выкормыш соцреализма
и верить готов беззаветно чушне современного «изма».
Не то чтобы глуп, но я с детства, лелея привычный изъян,

живу в ожидании чуда как небезызвестный Иван.

Ба, я не один — нас тут много! Гордишься, родная страна?

Ну то-то же...

то-то же...

то-то... — я вижу, что ты польщена.

4.

Я за коммунистов, за беспартийных,
за прочих всех (крайних и серединных).

Я, как и они, осенён Октябрём,
родная страна, но замечу, притом
рвусь к власти... И мне, если честно, плевать
на тех, кто приходит меня выбирать.

5.

Ах, матушка Россия! Любезная моя!

Да как же ты пригрела евреев у себя
и прочих супостатов — ведь проку ни на грош
от этих лихоимцев... Но нас не проведёшь:
мы рёдную сторонку очистим — спору нет, —
держи кистень, товарищ, а я возьму кастет.

6.

Какая неожиданность: в Москве опять зима.

На тротуарах месиво из снега и дерьма,
пardon, какой-то соли, а может быть, песка;
в квартире холодрыга — обычная тоска...

Родная сторона моя, виват тебе, виват!

Да, в этой катавасии никто не виноват.

7.

Я пешка в игре власть имущих с народом,
но я и начальник... О, как нелегко

в числе приближённых, в отличие от сброда,
служить управителям мира сего.
Родная страна (ты всё знаешь), паскудно
бывает, когда вдруг приходится лгать,
порою случается ежеминутно,
и это не всякому следует знать.

8.

Родная страна... Эх, какое раздолье —
как будто гармонь развернулась душа.
Что было — не помню, но было застолье,
а нынче — похмелье. И жизнь хороша,
когда есть пивко — значит снова сначала,
от мелких подробностей прошлого дня
до первых «ста грамм»... Чу! Опять зазвучала
музыка, беспечностью ритмов пьяня.

9.

Родная страна! Декабрь уж скоро, а всё тепло...
Вблизи у дома клоочет стройка — не повезло:
орёт монтажник, гудит надрывно подъёмный кран...
Сосед врубает музон погромче — он, меломан,
с утра балдеет — давно за тридцать ему, козлу...
И я — как будто герой-разведчик в чужом тылу.

1999–2004

НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ...

1. По мотивам одного стихотворения Чеслава Милоша

О, задница женщины... Как грациозно
фланирует передо мною красotka —
ни взгляда назад, в мою сторону, — чётко
стучат каблучки... Тут, пожалуй, серьёзно
задуматься стоит нам с вами, друзья:
не видит, но знает она про меня!

2. Две стихи

Я — берег, утёс. Ты же — море, вода,
точнее, волна и внизу где-то плещешь.
Откуда берётся, уходит куда
та ярость, в которой ты смачно клеветешь?! —
Как будто живёшь в коммунальном раю,
где стенам по рангу положены уши...
Я выдержу всё. Я, как должно, стою.
Я — берег. Я — часть омываемой суши.

3. Ощущение

Ещё не понятно, что ждёт впереди,
но сердцу уже беспокойно в груди, —
припомни, случалось такое не раз, —
вот так же весной отзывается в нас
округу наполнивший вдруг птичий гомон...
Твой голос... Твой взгляд... Как давно мне знаком он!

4. Метафора

О, чувство вторжения в беспредельность возникшего
наважденья
(от любопытства до понимания... далее — до наслажденья),
как рок увлекаешь меня за собой в глубинную даль простора —
так фаллос проходит женскую плоть, покуда не знает упора...
Здесь нет ни секунды отдохновенья, здесь каждый миг
продиктован
и знаешь: вот оно — завершенье... Но хочется снова и снова.

5. Дефиниция

Последний штрих. Струне в экстазе биться
какое-то мгновение дано...
Любовью ты попробуй насладиться,
как музыкой. Поверь, так суждено —
была и нет, — всё ж лучше, чем однажды
понять, что полюбившийся мотив
не утолит ни в коей мере жажды,
как дважды не спасёт презерватив.

6. Июльские страдания

Случайных уличных прохожих ласкал случайный ветерок.
Асфальт казался сковородкой, при каждом шаге ноги жёг.
Быть предпочтительнее дамой в такую пору: вот когда
безмерно превосходство юбок — со мной не спорьте, господа...
А впрочем, что я тут лепёчу, нет, всё же лучше лепечу,
есть в русском просторечье слово «юга́»... Я на юга хочу.

7. Кстати о женщинах

Да, женские ножки... Пора и на это с пристойностью некой
взирать,
и в пику излишнему откровению внимания не обращать,
а думать: насколько духовно богата хозяйка, насколько мила

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ-2000

Весна случилась пречудная.
За март раз двадцать, двадцать пять
снег, стаяв, выпадал опять...
Вот так же женщина иная
ведёт себя подобно стерве:
ты нужен — ластится, зовёт,
а нет — немедля оттолкнет...
Хотя о чём я?! О резерве —
кто знает, сколько нам осталось —
текут кровавые ручьи
на территории Чечни,
ведь там война... Какая жалость —
друг другу люди режут глотки!
А тут парламент, президент,
и на швейцарах позумент,
и в моде чёрные колготки.

Март 2000

* * *

Веронике и Сергею Мартовым

Коту не ложится на месте с утра...
Какое «с утра»! Он с рассвета наглеет:
то тигром рычит, то козлёночком блеет —
знакомо — есть в марте такая пора.
Но я-то при чём здесь? Мы вместе давно —
я помню котёнка размером с ладошку,
теперь же он вырос и требует кошку
(не важно какую — ему всё равно).
Я, дверь отворив, предлагаю: «Беги».
А он, вдруг опешив, застыл на пороге,
как будто задумался на полдороге...
И лёг почему-то у левой ноги.

Март 2000

* * *

Моя дорогая, апрель на дворе!
Чтоб музыка улиц в нас тоже звучала,
давай-ка откроем окно для начала.
Давай-ка прислушаемся к детворе,
которая с птицами день напролёт
усердствует, словно на конкурсе песен:
здесь важен процесс, и здесь неинтересен,
приемлемый в жизни, обычный расчёт.
Давай-ка с тобою друзей созовём...
А может, в Немчиновку лучше смотаться,
и там, в позабытом краю, нагуляться
под солнцем, под небом, под тёплым дождём.

Апрель 2000

* * *

Да, странно ощутить в себе
неазиатские мотивы:
прямолинейность перспективы,
как будто в тире (при стрельбе).

Да, странно ощущать подчас
неевропейскую логичность:
загадочную безразличность
к тому, что окружает нас.

Да, это трудно совмещать,
скорее, даже очень сложно, —
но ведь иначе невозможно
Россию-матушку понять.

Июнь 2000

НЕКОЙ КРИТИКЕССЕ

Анне Зверевой

Начавшийся внезапно ливень,
иссякнув, стал дождём обычным
(каким-то серым, горемычным).
И стал совсем не перспективен —
в нём явно не хватало жизни,
а монотонное звучанье
напомнило мне вдруг мычанье...
И тут я вспомнил об отчизне:
ведь где-то в глубине заветной,
в дерьме, среди чертополоха
мычит скотина — как ей плохо
жить в глухомани беспросветной!

Июнь 2000

ПОБЕГ

Я другу сказал: «Созвонимся потом».
Я запер квартиру, а город оставил —
я больше и знать не хотел здешних правил —
дорога змеилась, всё шло чередом.

Я ехал в таинственный Гуслицкий край,
где старообрядцы издревле скрывались
(они в деревнях и сегодня остались),
но дело в другом — это истинный рай!

Там воля. Там воздух, как сбитень, густой,
настоянный на разнотравье и хвое.
Там вновь пробуждается вдруг узловое,
казалось, забытое за суетой.

Июль 2000

* * *

Маме

Слева на кухоньке ходики слышно,
там, в закутке, на столе хлеб и соль,
лук же — на грядке, нарвать сам изволь...
(Домик в деревне — сегодня престижно.)

Ну а когда-то, припомнить нетрудно,
дням первомайским случаясь под стать,
мы выезжали картошку сажать —
и становилось у бабушки людно.

А после этого на электричке,
в чреве вагона, гудящем как рой,
мы возвращались закатной порой,
вспомнив, что мы: москвичи и москвички.

Август 2000

* * *

Как муторны многие дни в ноябре...
Что знает про это кавказец-бедняга,
откуда-то взявшийся вдруг во дворе,
когда не выходит гулять и дворняга?

Хотя есть и тут свой особенный шарм,
где вроде застывшего в позе алоэ
деревья стоят в обрамлении рам,
и чувства настраивают на былое.

И ты ощущаешь домашний уют:
тебе уж не важны штрихи интерьера,
и то, что дожди презанудные льют,
и то, что кавказец здесь, так — для примера.

Ноябрь 2000

* * *

Внуку Владике

Ни с чем несравнимо рождение внука...
Здесь многие мне возразят: «Как же так?!»
И кто-то затеет полемику, ну-ка:
«Первичнее — сын». И прибавит: «Чудак!»

Да, странностей всем нам хватает, ей-богу,
особенно в нашей чудесной стране,
где чтут с незапамятных пор лежебоку
и ждут, когда счастье привалит извне.

Должно... Только надо кормить непременно,
играть и зимою гулять в полутьме —
лишь бабушка с дедушкой обыкновенно
способствуют этому в русской семье.

Ноябрь 2000

* * *

Ирине Телюк

Я, пожалуй, ещё ничего не забыл,
но ведь это — как будто из жизни иной:
нужен чувствам хотя бы малейший посыл —
и припомню тогда всё, что было со мной.

Где-то там, среди вокзалов моих городов,
среди походных палаток, сплетенья дорог,
среди занудных дождей и разгульных ветров,
я тебя повстречал и расстаться не смог.

Там призывно (ты слышишь?) гудят поезда.
И друзья на перроне нас преданно ждут...
Только грустное дело — уже никогда
мы с тобой не вернёмся на этот маршрут.

Январь 2001

* * *

Близ означенной тысячелетьями грани,
мы во времени всё ж таки странном живём
и теперь из него никуда не уйдём —
этот факт независим от наших стараний.

Так война, например, неразрывна с отцами.
И у дедов своё — с них не спросишь отчёт.
Впрочем, ладно! Кто красный, кто белый — не в счёт:
оказались они неплохими бойцами.

Всё учтут и расставят на полках архивов,
но задумайся, и на себя посмотри, —
мы чудные с тобой (не снаружи — внутри).
Мы наследники прачек, князей и начдивов.

Март 2001

* * *

Смолкнет весенняя капель —
нету другой стези.
Вот и ещё один апрель —
лужи, и снег в грязи.

Над головой голубизна —
лишь захотеть, взлечу.
Всё, в чём судьба заключена,
кажется по плечу.

Воли-то, даже про запас
каждому на Руси —
только от бед различных нас,
Господи, упаси.

Апрель 2001

* * *

Памяти отца

Век двадцатый почил:
раз — и как не бывало.
Отпеваний, кадил
только недоставало
после свар мировых,
бесконечных агрессий —
бьющих будто под дых
революций, репрессий...
А ведь жившим тогда
мир другим представлялся.
Мой отец навсегда
в прошлом веке остался.

Октябрь 2001

* * *

Памяти Александра Аронова

Череда нескончаемых дел
и друг друга сменяющих будней —
нет, наверно, теченья паскудней,
если в этом уже наторел.

Все движения наверняка,
что ни взмах — ну само совершенство:
может быть, для кого-то блаженство —
для меня же, поверьте, тоска.

Я — как пёс на шестом этаже.
Он хозяином заперт в квартире,
где в неделю часа по четыре
безутешен в своём скулеже.

Октябрь 2001

* * *

Из всевозможной суеты
(воспринимаемой как данность)
взять и вернуться в первозданность,
где мы всего лишь я и ты.

Где любопытство не порок:
мы только-только начинаем,
пока что многое не знаем...
Но тсс! Уже идёт урок.

Вот первый вздох, вот первый взгляд —
преддверие, приготовленье
и непонятное томленье —
сложившийся до нас обряд.

На ощупь, будто бы впотьмах,
мы движемся с тобой друг к другу —
ты мне протягиваешь руку,
и нам ещё неведом страх.

Ноябрь 2001

* * *

Так неспешно падение снега —
вдруг на окнах причудился тюль.
В рифму враз напросились «июль»
и совсем неуместная «нега».

Непонятное нагроможденье —
разбирайся теперь, что к чему,
впрочем, в жизни одно к одному
и буквально сквозит провиденье.

Да, блаженней, конечно же, летом,
но понять это проще зимой,
коль вернуться с мороза домой
и укрыться спасительным пледом.

Или вот ещё: за снегопадом,
опускающимся словно ткань,
в чёрно-белом — узнать глухомань
с одиноким косым палисадом.

Декабрь 2001

* * *

Звонкое дело — гнездиться:
грянет весенний разбор...
В комнату с видом на двор
всякое может вместиться.

Прелесть, почти бормотанье,
первого ливня в году,
вспомни, но в том же ряду —
изморось — похолоданье.

Час Рождества необычен.
Ты вдруг прильнула ко мне:
звук проникает извне —
шаг доносящийся зычен.

Что это?! Древним модемом,
Весть посылая сюда,
вечная светит звезда
где-то над Вифлеемом.

Декабрь 2001

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА

АНДРЕЯ АПУХТИНА

1.

Чужак, но по сути юродивый, известный на всю округу, — тебе бы жить надо в городе, где все безразличны друг другу. Ведь местный уклад в мальчишках заучен тобой назубок: художник, поэт, бродяга — едино, какой от них прок (ни прибыли, ни достатка)... Ты терпишь?.. А невоготу — разом пошли всех куда подальше! И приезжай — я жду.

2.

Часто люди живут невпопад —
вроде есть и свой дом, и свой сад,
и добра у них тоже полно...
Но друг друга понять не дано.

Всем известно, что время не ждёт —
вот уже и дочурка растёт.
Всё нормально, но дело табак:
не понять им друг дружку никак!

А вокруг люди сеют и жнут
(строго здесь интересы блюдут).
Эх, провинция, жизнь взаперти —
никуда от тебя не уйти.

3.

Рай комаров, слепней...
Июль. Деревня —
ни облачка над ней,
лишь голос певня
своим «ку-ка-ре-ку»
в жару тревожит,
вокзальному гудку
подобья множит...
От будущих потерь
одна морока —
куда ещё теперь
зовёшь, дорога?

1996–2001

* * *

Бывает и так: натурально,
как искра, сгорает мечта —
прощай, дорогая, печально,
но в жизни ведь всё неспроста.

Где в главном, а где в эпизодах —
изменчив порядок основ
(об этом нередко в походах
ребята поют у костров).

Обычен момент расставанья.
И вот уже душу щемит,
и множатся переживанья...
А время-то дальше бежит.

Март 2002

* * *

От шума машин за окном, —
звучащего словно прибой, —
подобен пристанищу дом,
где мы обитаем с тобой.

За серой кирпичной стеной,
хрущёвских, должно быть, времён,
нам участи нету иной
среди прочих безвестных имён.

Август 2002

Коллаж «Письмо гимназиста», 2009

Коллаж «Паспорт прадеда», 2009

РОССЫПЬ

1. Варшавский мотив

Евгению Шустову

На стареньком польском «Фиате» —
прелестном антиквариате,
который ещё на ходу —
в две тысячи первом году,
в апреле, дорогой шершавой
кружила ночью Варшавой
четвёрка престранных друзей
(я сам был свидетель, ей-ей):
фотограф и бард, два поэта...
Но тут разговор не про это.
Искусство, хотя и роднит,
но важен при том — колорит!
Чтоб встретиться в Польше случилось —
такое ведь им и не снилось
чуть раньше, среди прочих химер,
родившимся в СССР.

2. Мальборкский мотив

Ход развития необратим —
он далёк от шаблонов и рамок.
О, Святая Мария, вот замок
светлым именем назван — твоим.

Крестоносцами так наречён...
Благозвучное было начало,
только мало ли что там звучало —
Орден, видно, не зря сокрушён.

Провидение, спросите? Да!
Всё изменчиво на этом свете,
кроме сути скрижалей в Завете,
пробивающейся сквозь года.

3. Гданьский мотив

У здешнего моря солёность не та,
точнее сказать, вообще преснота —
тьфу, с Чёрным, конечно, его не сравнить...
А пиво — премилое дело попить!
И это не всё. Люди славные тут,
славянами их, как ни странно, зовут.
Скажу, рыбаки, — вероятно солгу,
но рыба, поверьте, — на каждом шагу:
секрета подготовки мне не разобрать,
по вкусу — приятно и пиву под стать.
Да что это я зарядил о еде —
в России не хуже. Порой кое-где
товары имеют крутой оборот —
в столице, к примеру, их невпроворот.
Что Гданьск?! Вот в Москве всюду радуют глаз
армяне, грузины — ай, дивный Кавказ! —
в любом закоулке, глядь, названный брат.
Пусть славится Чёрное море стократ.

4. Варненский мотив

На Кавказе, на море прелестен закат.
На Балканах, на море — не хуже рассвет.
Ляжешь спать в Туапсе как бездельник и фат —
вдруг очнёшься на варненском взморье. Привет!

И столы уж накрыты, давно тебя ждут,
и радушные лица, куда ни взгляни,
и какие-то песни знакомые тут —
нашей русской глубинке отчасти сродни.

Нет, непросто забыть о своей нищете.
Но возможно порой не испытывать стыд
и, отдавшись влечению, по простоте
хохотать до упаду и плакать навзрыд.

2001–2002

* * *

Апрель. Деревья не очнулись,
а снега на газонах нет.
Так утром, лишь забрезжит свет,
вдруг чувствуется — встrepенулись,
проснувшись, птицы по соседству
(довольно робко), чтоб потом
их гомон грянул за окном
альтернативой домоседству.
Тут выбор не принципиален, —
живи, всё дело не в тебе, —
он соответствует судьбе
и не бывает тривиален.

Апрель 2003

* * *

Черны работяг рубашки
(ломают асфальт во дворе)...
Прилежные первоклашки,
подобно тому, в сентябре
твердят по слогам уроки,
уйдя от ребяческих драк, —
у них не срока́, а сроки —
и дальше дай Бог, чтобы так,
не только «по фене ботать»,
учась у иных заводил.
Работать бы и работать
по мере отпущенных сил.

Июнь 2003

* * *

До свиданья, ещё не прощай,
но от этого вряд ли прибудет —
смысл один, сколько ни обещаешь,
а уже возвращенья не будет.

Ведь в оставленном доме, дворе —
без тебя дни пойдут своим ходом,
и в далёкой грядущей поре
вдруг представится всё эпизодом.

Станет час расставаний-потерь
промежуточным, словно подстрочник.
Не бывает повтора, поверь,
он абсурден, как в жизни заочник.

Июль 2003

* * *

Как осень неожиданно пришла —
так иногда сменяют покрывало, —
вот кажется уже, что не бывало,
да и не будет в этот год тепла.

Зелёно-красно-жёлтая листва
заполнила ближайшее пространство.
И толку-то! Богатое убранство —
не ясно, для какого торжества.

А световой день тает не спеша —
такое у него предназначенье.
Всё дольше в окнах огоньков свеченье,
всё умиротвореннее душа...

Сентябрь 2003

* * *

Сергею Мозалёву

Через осень в зиму дороги.
Вот и яростный шум берёз.
Ветер треплет листву всерьёз —
непривычно, а, недотроги?

Не густы теперь у них кроны.
Что случилось?! Пойди, спроси.
Или смута по всей Руси —
растревожились, что вороны.

Показалось лето ничтожно?
Только та беда — не беда.
Впереди грядут холода,
но и с этим смириться можно.

А пока невнятица длится —
неустойчивая пора —
здесь не будет в чести хандра.
Друг, ты слышишь, как время мчится?

Октябрь 2003

* * *

Памяти Игоря Нагаева

Лишь только станет брезжиться рассвет —
отступится космическая мгла.
Бог знает, сколько это длится лет,
но я предполагаю — без числа.

Мне ночь и день, а может, день и ночь,
как чётко бесконечный перебор.
И не уйти от продолженья прочь —
не поступить всему наперекор.

Порядок вековой не изменить.
Здесь дело не в проклятье, не в мольбе —
так бусинам шнурок, точнее, нить
подобье человеческой судьбе.

Октябрь 2003

* * *

Жизнь, как тень сгорающей свечи...
И, возможно, о душе нетленной,
словно откровение Вселенной, —
звёздное мерцание в ночи.

Выдумка о том пускай дерзка,
но непонимание не гложет —
и смутить меня уже не может
то, что я не знаю языка.

Я по вдохновению сужу —
по догадке, подсознанием данной, —
из действительности балаганной
лишь к такой идее прихожу.

Ноябрь 2003

* * *

Подъёмной силой полнится рассвет —
надеждами Земля не оскудела,
смещая положение предела,
которого, возможно, вовсе нет.

По крайней мере верится тому
в дни осени глухой, когда светает
и за окном туман вот-вот растает, —
ещё немного, судя по всему.

Быть фантазёром — ну какой тут вред?!
Иной мечтатель на Руси — кудесник...
У нас, глядишь, как обещать — предвестник,
как отвечать — его простыл и след.

Декабрь 2003

ДИПТИХ

1.

Александре Ивановой-Аннинской

С утра белым-бело кругом —
буквально за ночь снег напал, —
тон будто бы художник задал,
и действий ход ему знаком.

Не выпадают из него:
секундной стрелки продвиженье,
прохожих местоположенье...
Масштабность? Да, но для чего?!

Я тоже где-то среди них
мазком нацеленным означен —
тот смысл уже давно утрачен
в клубке мирских неразберих.

Зима. Начало февраля.
Я здесь, пожалуй, как невежда.
И продолжает жить надежда,
пока вращается Земля.

2.

Льву Иванову-Аннинскому

И первый, что последний, снег растает,
но выпадет всем смыслам вопреки.
Отчасти это даже по-людски —
земля приимет, а потом впитает...

Столетия, превращённые в моменты,
во множестве исчезнут в никуда,
не повторятся больше никогда —
не существуют их эквиваленты.

Так, продолжая некую беспечность,
земному роду то же суждено, —
и мне, как человеку, заодно...
Всё в мире, народившись, канет в вечность.

2003

* * *

Владимиру Щетинину

Давай, ещё раз про МАДИ*.
Дороги роднит беспечность,
ведь верится — всё впереди...
И вдруг миновала вечность.

О, если взглядеться извне,
мы явно другими стали,
но только вот кажется мне —
частности это, детали!

Попробуй, на пальцах прикинь —
не насчитаешь десяток
таких же завязтых разинь
от головы до пяток.

В бурленье (в масштабе страны)
высоких мнений, иль низких —
мы, друг, никому не нужны,
за исключением близких.

Февраль 2004

---

* Московский автомобильно-дорожный институт.

* * *

Не поймёшь, что зачтётся, что нет...
Да, пожалуй, не так уж и важно, —
сам себе дам команду отважно,
и отчалит кораблик, привет!

Остающимся на берегу
помашу я рукой на прощанье.
Позабудьте моё обещанье —
к вам вернуться уже не смогу.

Вдаль загадочный путь мой лежит,
где-то там и предстану в ответе,
на каком-то неведомом свете,
на одной из безвестных орбит.

Март 2004

* * *

Гудок, летящей мимо электрички...
платформа неприметная в ночи...
в деревне гаснут огоньки, как спички...
(Дыши ровнее — лучше помолчи.)

Провинция затихла до рассвета.
Пустынны огороды и сады,
и ни ответа здесь, и ни привета —
безлюден мир до утренней звезды.

И — только свет мерцающей Вселенной,
безбрежной, словно русская тоска
по долюшке своей обыкновенной,
сермяжной в недалёкие века.

Июль 2004

* * *

Я изучал основы перспективы,
соединял старательно лучи.
Я чувствовал позыв: сиди, учи —
потом тебе откроются мотивы.

Всё дальше углубляясь год за годом
в представшую неведомую даль,
я ощущал и радость, и печаль,
и наполнение с каждым эпизодом.

Дорога не сулила мне беспечность,
когда я понял: сколько ни иди —
не достижима точка впереди.
Но только так и познаётся вечность.

Октябрь 2004

* * *

Я — городской в четвёртом поколенье.
Мой прадед стал когда-то москвичом
(благодарю за это становленье,
хоть вряд ли предок размышлял о том).

Простился навсегда с родной землицей,
семью повёз неведомо куда:
Москва в ту пору не была столицей,
но пришлых не любила и тогда.

Двадцатый век ещё не начинался,
Россия, как положено, спала...
И прадед осмотрелся — и остался.
И ветвь его — сквозь годы проросла.

Ноябрь 2004

2005–2010

НА ЭТОМ СВЕТЕ МЫ НЕ ПОВСТРЕЧАЛИСЬ...

1.

Лишь запах сосны в свежесрубленном доме,
лишь изредка слышно жужжание ос —
уже возвратились, окончив покос
(мы молоды — наши дела на подъёме).

Вот только подсядем к столу возле печки
ненадолго, ведь впереди много дел...
Наверно, и дед мой над тем же корпел,
а к ночи смолил самосад на крылечке.

2.

На этом свете мы не повстречались.
Мои два деда умерли до срока.
В далёком сорок первом призывались —
один из них погиб по воле рока.

Другой, став победителем, вернулся,
болел семь лет, сгорая постепенно...
В две мировых войны он окунулся,
и знал наверняка: всё в мире тленно.

Их мудрости мне в прошлом не хватало.
С рождением внука, осознав причастность,

я радуюсь, что жить спокойней стало,
и чувствую свою небеспристрастность.

3.

Когда-то прадед мой бродячим скрипачом
по Польше, Белоруссии скитался.
Семью завёл, в Москве обосновался, —
обвыкнув, успокоился на том.

Был дед мой норовист, хотя и плен познал,
и в эшелоне чуть не сдох от жажды:
ему побег не удавался дважды,
и всё ж в итоге он домой попал.

Отец предпочитал не вспоминать войну.
(Защитники — подобны частоколу!)
Ушёл на фронт, едва окончив школу,
и стали дни сродни Бородину...

Срок миновал. Их на один погост снесли:
отец, и дед, и прадед нынче рядом.
Возможно, покажусь вам верхоглядом,
но мне не надобно другой земли.

4.

Дом деда, не пришедшего с войны,
наследником разобран втихомолку —
мой дядя вовсе в нём не видел толку,
ему хотелось, верно, новизны.

А ведь я помню, как по вечерам
мы на веранде крытой восседали, —
загадочно с неё смотрелись дали,
манящие к неведомым мирам.

Всего-то три ступеньки до земли...
Узнать бы континенты да народы!..
Тропа уводит через огороды —
они давно быльём позаросли.

2000–2005

* * *

Через рощу, поле и огород,
по тропинке, ведущей на огонёк,
от платформы к деревне путь недалёк,
даже ночь не предвещает невзгод.

Устремлённые шаги в полутьме,
где не важно — светит ли нынче луна,
потому что цель predetermined,
даже вспыхни сомненья на уме.

Ах, должно, не сбудутся те мечты!
И давно деревушки в помине нет —
всё равно в том окне загорится свет,
даже если и отторгнулась ты.

Февраль 2005

* * *

Нет, чудеса не обещались,
но пожелания сбылись —
два одиночества сошлись,
и до сих пор не разлучались.

Они песчинками Вселенной
соприкоснулись на века, —
по крайней мере им пока
так верится в их жизни тленной.

Продолжить мне совсем не сложно.
Представь себе, у них семья!
Допустим, это ты и я...
Смеёшься?! А ведь всё возможно.

Март 2005

* * *

От взгляда к слову трудно перейти
(что проку в подготовке к представленью?!),
подобие щенячьему скуленью —
желание любимых обрести.

Из немоты рванувшись, как из пут,
и слыша вместо говора мычанье,
я погружался в прежнее молчанье,
предпочитая этот атрибут.

Не самоедство, душу теребя,
а естество повторами глумилось,
когда однажды вдруг всё получилось...
И прозвучало: «Я нашёл тебя!»

Апрель 2005

* * *

Грозно зыркнула ворона,
предваряя мрак.
От ненастья нет урона,
если — не дурак.
Что ж стоишь тут своевольно,
глядючи в окно?
Не уйти стезёй окольно,
вкруг тебя — темно.

Среди чёрной круговерти —
рядом никого.
Лишь предошущенье смерти —
только и всего.
День ли, ночь ли — суть едина,
дальше — благодать.
Когда кончится година —
лихо начинать!

Июль 2005

* * *

Римме Казаковой

Стоит начаться осенним дождям —
сумрак, нахлынув, заполнит пространство.
Дворикам, улицам и площадям
прежде — представится, как самозванство.

Будет казаться, что в жизни всё так:
только унынье, да только ненастье,
да на душе лишь один полумрак
и никакого намёка на счастье.

Где тут спасительный дружеский круг,
если мерещится всюду Иуда?!
И — одиночество будто недуг.
И — отголоски грядущего чуда...

Октябрь 2005

* * *

Владимиру Фирсову

Под Грюнвальдом смоленские полки
не проклинали своего удела,
стояли насмерть, — гибли ради дела,
сражаясь положенью вопреки.

Издалека они пришли сюда.
Завзято православием кичились.
И непривычно для иных крестились,
но отличали гордость от стыда.

И солнце скрылось, обагрив закат.
А было днём, как шар, большеголово!
Прародичи сдержали своё слово.
Храни нас, Боже, от земных утрат...

Октябрь 2005

* * *

Я один в этом жухлом пространстве,
на сморённой ненастьем земле.
В незаснеженном мёртвом убранстве
ещё тлеет надежда во мгле.
Я её защищаю подспудно
на пронизывающем ветру —
зря предзимье вещует занудно:
не поверю, что всё не к добру!

Мне ли сетовать на неудачи,
если, сколько ни помню себя,
я всегда был способен дать сдачи,
впрочем, как и смириться скорбя...
Азиат с европейским обличьем
или, может быть, наоборот —
я привычен своим неприличьем,
но доставлю немало хлопот.

Ноябрь 2005

* * *

Явь изменилась поутру.
Там, где под вечер грязь была —
снег лёг, напомнив кожуру
или подобие чехла.

Зачем этот нелепый шик?
Ведь заучили назубок,
что местный житель полудик,
и — маловероятен прок.

Всё примет надлежащий вид.
Смотри, уже темнеет наст.
И никаких тебе обид,
лишь пониманье: Бог воздаст.

Декабрь 2005

ДУМЫ ОБ УКРАИНЕ

1.

А славяне шли с заката на восход,
оставляя привычные места.
Подзабыли древний приднепровский род —
и окраинным прозвали спроста.
Разберись-ка теперь — край какой страны?
Хоть и коршуном взвейся — суета...
В граде Кия купола золочены
и крещенская тропинка круга.

2.

Жаворонки в небе. Мазанки невдалеке.
Ноги босы и по щиколотку — в пыли.
За любым плетнём предостаточно земли
с вишней и кукурузой, свинарней в уголке.

В хуторе полуденном безлюдно... И жара,
бесполезно прятаться от неё в тени.
Я ж — москаль, но всё-таки всем хохлам сродни
от единокровия до самого нутра.

Пусть сходятся-расходятся судьбы и пути.
У орловской ливенки латаны меха:
если помирились — экая чепуха! —
не впервой нам ссориться (Господь меня прости).

3.

Праматерь, украинская земля —
заветные навек леса, поля —
плацдарм для расширения Руси...
Не веришь?! У историков спроси!

И вспомни соплеменников своих, —
славянский отпрыск, ты один из них:
твой пращур, продвигаясь на восток,
не мог предполагать во всём лишь прок.

Со многими пути переплелись,
теперь захочешь — русским назовись!
Но не забудь до смертного одра
прародину на берегах Днепра.

2004–2005

* * *

Памяти Александра Щуплова

Голубь в тенётном сплетенье ветвей.
Снег паутинно застыл над тропинкой.
Вон человек, промелькнувший левей,
не заподозрил, а явь-то с хитринкой.

Всякое может случиться в пути,
как ни старайся — не предугадаешь.
Коль объявился, придётся идти:
сколько положено — всё отстрадаешь.

Терпкий настой пей до самого дна!
Не полегчает, но в этом и штука,
главное здесь, что надежда дана
в каждом звучанье сердечного стука.

Апрель 2006

* * *

Листопад — ветер, скомкав начало,
словно фантики под ноги мечет.
Лето выдохлось и — отзвучало.
Если раньше был чёт, нынче нечет...

Отдавая тоске предпочтенье,
день осенний всё тает и тает.
На могиле отца запустенье.
Вороньё над церквушкой витает.

И глядит на меня обалдело
здешний сторож с обличьем невежды.
Прекратить это гиблое дело!
Только одурь сдает надежды.

Сентябрь 2006

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИКСТ

— Как вы устроились тут?

— Да всё хорошо, только русских много...

*Из диалога кавказских женщин
в Московском метро*

1.

Я бы в губы тебя не целовал,
не опутывал сетью ласковых слов.
Я бы силой брал тебя, как вандал,
разоряющий истово римский кров.

Не подумай, что времена не те.
Нынче зла не меньше плодится тишком.
Ты его не видишь по доброте —
приглядись, полно инородцев кругом.

В городах и весях гуляют власть,
не в пример татарве расплодился тут...
Потеряла девственность — не напасть! —
то ли будет, коль чужаки подомнут.

2.

Будто сель сошёл с Кавказских гор,
лихо проскочил Москву, и вот —
дотянул всему наперекор,
почитай, до северных широт.

Непривычный басурманский зык
на Руси посеял кутерьму.
Мудрено, чтоб славянин привык
к веаньям, навязанным ему.

Впрочем, так ли это? Разберись!
Всяко было в прежние года.
Мы со многими переплелись,
но не покорялись никогда.

3.

Я говорю на русском языке,
новейшем среди славянских диалектов,
возникшем в евразийском далеке,
на стыке разнородных интеллектов.

В нём слышатся и запад, и восток...
Да, русичи творили из набросков —
не отвергали, а искали прок
в среде разноязычных отголосков.

Так продолжалось много сотен лет,
и верится, что это незабвенно,
вернее, нашей самости секрет —
должна быть разношёрстность. Непременно!

Октябрь–декабрь 2006

* * *

Во времена глобальных перемен,
следя за обновлением антуража,
вдруг понимаешь: происходит кража,
но ты при этом — словно манекен.

Опустошается не магазин,
а мир сугубо личного порядка,
где старый дворик, что седая прядка,
имеет смысл, и даже — не один.

О, всё тщета... Повсюду «громадьё»...
И трезвый взгляд ни капельки не нужен.
По мне — уж лучше буду офранцужен.
Прощай, моя Московия! Adieu!*

Март 2007

---

* Adieu! фр. [адьё] — прощай(те)!

СТИЛИЗАЦИЯ

В нашей-то сторонушке
хорошо воронушке:
каркнет, как отрежет, и — берегись тогда! —
в тот же час навалятся горе да беда.
Ох, деньки несладкие,
только речи гладкие —
это предводители без конца трындят
и дурманят головы молодых ребят.
Правые, неправые —
с виду парни бравые —
стеночка на стеночку выйдут воевать,
словно победителям будет благодать...
Вряд ли что изменится,
если — переменится.
Всякие воззвания — сущее враньё.
На могилах свеженьких грает вороньё.

Май 2007

* * *

За спиной часть пути,
а за полем село, —
значит, надо идти,
коль опять рассвело.

Там жильё, там вода,
там щадящая тень...
Да и здесь — не беда,
просто вьётся слепень.

Скоро будет жара.
Ветер, словно наждак,
станет жечь до нутра.
Но иначе — никак!

Июль 2007

* * *

Вечерние улицы. Шум да огни.
Машин — как от ливня воды в горных реках.
Здесь вовсе не думают об имяреках,
здесь главное — выжить... Эй, не утони!

И свыкнуться вроде бы не мудрено
(припомнить — чего только не прививалось!),
но недоумение всё же осталось:
так было, и — будет? Так заведено.

Неси лишь тебе предназначенный крест,
верь в эту банальность без альтернативы.
Приимешь — и станут ясней перспективы,
и явственнее указующий перст.

Ноябрь 2007

* * *

Зыбкое дыхание парка.
Замер предрассветный туман,
поглотив, увы, горожан
(явно в этом Божья ремарка)...

Нет и паутинок-тропинок —
ой, да за ночь позамело! —
глянешь, под ногами бело.
Лишь следы — подобье щербинок...

Проходивший тут — эфемерен.
Видно, не достигнув земли,
всё ещё маячит вдали,
призрачен и благонамерен...

Декабрь 2007

* * *

Не полагая возможных границ
ищут, порой до скончания века,
образ родного себе человека
в сонме как будто неведомых лиц.

В мутном потоке текущего дня
воздух обыденно полупрозрачен...
И, может статься, весь мир однозначен,
если однажды покинешь меня.

Январь 2008

* * *

Запорошило целый свет.
Как снегу — седине ложиться,
покуда сердцу рьяно биться
в течение недолгих лет.

Об этом знаем я и ты —
совместно созерцать несложно! —
да только на душе тревожно,
когда меняются черты.

Проронишь слово — болтовня.
Всё в данном смысле неизменно,
лишь понимание бесценно...
И не смотри так на меня.

Февраль 2008

* * *

Агенту Нулёву

Дружок, припомни, как юнцами
мы не оглядывались вспять.
И нынче нечего пенять:
не сходятся концы с концами.

Эпоха немощных генсеков
полузабыта потому,
что оказалась ни к чему
среди современных человекoв.

Иные лидеры по праву
искусно вешают лапшу...
Её не стряхивай, прошу,
им это удалось на славу!

Апрель 2008

* * *

Мрачны барабанщики при эшафотах.
Да, тщетно искать путеводную нить —
пора о прощении небо молить,
ища оправдания в прежних заботах.

Уже молодые поют наши песни.
Их выучка явно звучит невпопад.
На слух непривычен теперешний лад,
где нет понимания сути, хоть тресни.

Но мир окружающих не хладнокровен.
И если о нём говорить без прикрас —
жизнь, требуя смерти, в положенный час
в едином порыве воскликнет: «Виновен!»

Май 2008

* * *

Ни в сказке сказать, ни пером описать.
Ни войн, ни борьбы, ни завязанного спора.
Нежданное слово поддержки — опора,
а солнечный лучик меж туч — благодать.

Но верится в эту возможность с трудом.
Хотя б на мгновенье очнёшься в надежде —
увидишь, что всё неизменно, как прежде.
И снова забудешься праведным сном.

Коварная поступь не будет слышна.
Лишь гулкое сердцебиение друга...
Чу! Стала роднее и ближе округа —
источник печалей, моя сторона.

Июнь 2008

* * *

Наши дела — всё сплошные уловки.
Коли желания не оскудели —
взять и уехать в разгаре недели
от очумелой московской тусовки.

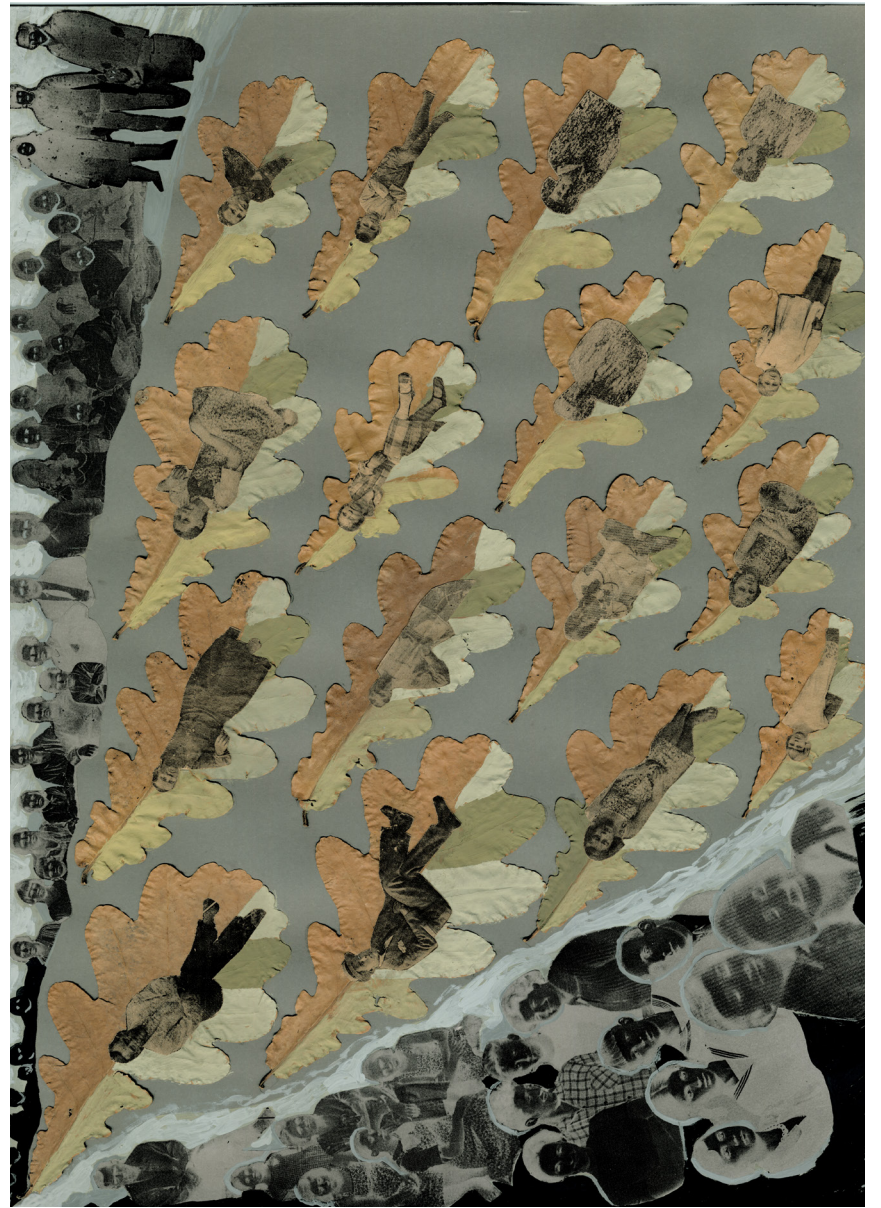
Рвущийся ветер, но газ — до отказа.
Промельк пейзажей по бровкам дороги.
Ограничения вовсе не строги —
ах! — эти крайности лишь для показа.

И параллельностей в жизни до чёрта.
Нечего грязнуть в безликих расчётах.
Есть у пилотов мечты о полётах,
хоть осевая донельзя затёрта.

Июнь 2008

Коллаж «Детство в Немчиновке», 2009

Коллаж «Инверсия» («Родня»), 2009

* * *

Причудливы возможные коварства.
Стать одиноким, как приبلудный пёс
иль жухлый лист, чтоб ветер вдаль унёс...
Зачем ты обрекаешь на мытарства?

Ты сводишь, а «костлявой» — безразлично.
Предсмертный выдох — собеседник смолк.
Так принято, хоть не возьму я в толк,
всё кажется мне — это нелогично.

Ведь мир внутри меня не антикварен.
Пока я жив, и он со мной живёт.
Пусть персонажи в нём наперечёт,
но этому-то я и благодарен.

Сентябрь 2008

* * *

И наше время словно канет в Лету.
Всё повторится, но уже без нас.
И прозвучит пространное сейчас
под стать полузабытому куплету.

А может, не запомнится ни слога.
И только мелодический фрагмент,
лишь как необходимый компонент
напомнит о пристрастиях бывшего.

И даже, коль забвенье неизбежно,
не вызывает этот фактор страх.
Ведь пауза останется в веках,
в ней мы с тобою жили так небрежно.

Ноябрь 2008

* * *

Кто знает, что реально неуместно.
Ночная тишь. Надсадный рёв машин
вдруг пререзает густоту глубин...
(Дальнейшее для прочих неизвестно.)

Но в результате некой переклички,
нелепой очередности во сне, —
тревожно отзывается во мне
звук методично чиркающей спички.

Неужто это я, собственноручно.
Найду ли выход в той кромешной тьме,
как будто неизбывной на уме?
Ах, кончилось бы всё благополучно!

Ноябрь 2008

* * *

Памяти мамы

Бог, поднимая, в пять утра
не прокомандует подъём.
Используя простой приём,
он словно вымолвит: «Пора».

Хотя квартирный полумрак
не тронул предрассветный тлен —
диктует близость перемен
в тиши настырное «тик-так».

Ещё не разглядеть пути.
Но за ночь снегу намело
(всем пожеланиям назло).
О, как нескладно всё! Прости.

Декабрь 2008

ВИДИМО, ВОЗРАСТНОЕ...

1.

Нынче осень стоит, как в Европе.
Непредвиденно длится тепло.
Я — подобие мухи в сиропе,
не под силу ей встать на крыло.

Зря надеюсь на слякоть и холод,
но такое принять не могу, —
я согласен, что вовсе не молод
и, наверно, похож на брюзгу.

В ноябре вспоминаю сугробы,
детвору на стихийных катках...
А погода сегодняшней пробы —
некий нонсенс в московских дворах.

2.

Не до вдохновенностей, как прежде,
но ещё, похоже, много сил...
Этот мир не то чтобы не мил,
просто в нём я стал сродни невежде.

Пусть иных прельщают перспективы,
мне они отныне ни к чему...

Словно жить милее на дому,
где близки привычные мотивы.

Там, за лёгкой дымкою тумана,
не страшны ни горе, ни беда...
Дни текут, что вешняя вода.
Смотришь — и не ведаешь обмана.

2005–2008

* * *

Весна пришла болезным мартом,
хотя казалось всё путём,
палило солнце день за днём
с ещё невысказанным азартом.

И — множилось в стекольной гамме,
как будто через сотни призм
выпячивая оптимизм,
созвучный некоей программе.

Обманываться мог невежда,
сторонник всяческих прикрас.
Но медлил Всемогуший глас...
Поэтому была надежда.

Май 2010

* * *

Две жизни, право, две травинки
(среди подобных неприметны,
перед судьбою безответны —
не мыслимы с ней поединки).

Переплестись и повседневно —
пока ты есть, пока ты в силах —
тянуться к образу светила,
порой взирающему гневно.

Не ожидая ниоткуда
ни похвалу, ни благодарность,
принять действительность за данность
уже свершившегося чуда.

Июль 2010

2010–2014.

Без Ирины...

* * *

Уставясь в бездонность полночных небес,
в мерцающую безъязыкость пучины,
казалось бы, без особой причины
ты звёзды считала... Какой интерес?

Известен, конечно, несложный ответ.
Но вечер — ты всё повторяла сначала,
как в присказке, в той, где «висит мочало»,
и вечен незамысловатый сюжет.

Теперь тебя нет. Я в ночи одинок.
Мне тягостен пристальный взгляд этой бездны.
Возможно, сравнения неуместны —
я школьник, незнающий толком урок.

Сентябрь 2010

* * *

Зарядили дожди по-осеннему нудно.
Разлилась по квартирным углам полутьма.
С наводнившей тоскою соперничать трудно, —
она властна, как в средневековье чума.

И заглядывать в будущее бесполезно,
все приметы, чего ни коснись, не к добру.
Вот и гроздя рябины алеют любезно,
упреждают, раскачиваясь на ветру.

Но тому не бывать, чтоб совсем без просвета!
До предельной черты ещё надо идти.
Далеко ли? Не жди, не получишь ответа...
А пока — лишь утратам подсчёты вести.

Октябрь 2010

* * *

Памяти Ирины...

Что за мороку мне придумал Бог?
Ведь с горем тут вовек не разминуться.
Ах, если бы уснуть и не проснуться!
Но путь змеится — катится клубок.

Нетленна отмеряющая нить.
Я помню, значит, ей не оборваться, —
в мечтах не раз придётся возвращаться
(без этого попробуй-ка прожить).

И явь — как сон. И лишь тебя всё нет,
хотя подчас блаженство может сниться...
Нет, нашей встрече больше не случиться.
Ты в прошлом. А на нём, увы, запрет.

Октябрь 2010

* * *

Ввалилась осень в тесные дворы
золотистым праведным уютом,
блаженным кратковременным приютом
для стариков, бомжей и детворы.

Ещё недавно смурый, небосвод
сияет синевой над головами,
и может вновь казаться временами,
что жизнь, как в детстве, медленно течёт.

И пусть иное во главе угла
привычной круговерти повседневной, —
но есть моменты чуткости душевной,
где не одни без продыху дела.

Октябрь 2010

* * *

Вот в образе плакучая берёза.
Ей вторит элегичный хмурый день.
Под стать ему нахлынувшая лень,
и разве что посредственная проза.

Попробуй отстраниться! Невозможно.
Но ведь пока зимой не взят разбег, —
всё беспокойством дышит первый снег.
Он тает, и от этого тревожно.

Хотя понятен каждый шаг в сюжете.
Всему настанет время, в свой черёд
тропинка под моим окном пройдёт,
как не было тебя на белом свете.

Ноябрь 2010

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Вновь утро, словно в армии подъём, —
чтоб в нужный час без лишних заморочек
на лист вольно легли хоть пару строчек,
коль суждено родиться им потом.

А под ногами вьётся пыль дорог.
А за спиной обочины с крестами.
Друзьям и близким, шедшим рядом с нами,
подводится безвременный итог.

Как ловко обустроен этот мир!
В нём жизнь и смерть неотвратимо рядом,
и, зная, что бокал, быть может, с ядом —
ты пьёшь его, приняв за эликсир.

2.

Словно жизнь в одночасье прошла.
Полыхнула, сгорела дотла.
Ветер стихнул, и замер ковыль.
Не клубится дорожная пыль.

Только вот на душе нелегко.
Огляделся вокруг — никого.

Заскули — и ни вдоха в ответ.
Ты свободен на весь белый свет.

Даже если не мил он тебе —
ничего не изменишь в судьбе.
И печалью полна тишина.
Это чаша твоя — пей до дна!

2010–2011

* * *

Памяти Ирины...

Но не спасёт вечерняя пора...
Всё ощутимей безысходный морок
(непросто жить, когда в тени за сорок).
В Москве стояла дикая жара.

О, Небо, ты не терпишь болтовни!
Поэтому, сколь ни трудна дорога,
не торопи, продли ещё немного,
хоть на чуть-чуть её земные дни!

Потрескивая в смирной тишине,
свеча вдруг изогнулась перед ликом.
И в мареве священном, полудиком
Бог прошептал: «Она нужнее мне...»

Июнь 2011

* * *

Под истоиво пасмурным небом,
готовым открыть свои хляби,
чтоб над человечьим вертепом
не сталоь ни всплеска, ни ряби.

Под взглядом всезнающей бездны,
бессильной пред Вечным заветом,
любые позывы известны
(и даже не думай об этом).

Когда за окном твоим ливень
ударит с усердьем призывным
ты можешь быть необъективен,
но бойся казаться наивным.

Сентябрь 2013

* * *

Сергею Сереброву

Пусть видимость нагого леса
чернеет мрачной перспективой
и не понятно ни бельмеса
в дали, казавшейся счастливой.

Пусть не вполне правдоподобна
листвы пестреющая гамма,
и ожиданье неудобно —
в миноре кончится программа.

Пусть облетает позолота,
вскрывая суть недоговорок,
и обнажается природа...
Покедова, осенний морок!

Октябрь 2013

ДВУЕДИНСТВО

1.

Звонарь, как некий муэдзин,
напомнит звуком в час молитвы
о том, что Бог, увы, один,
а взгляд Его острее бритвы.

Хотя «увы» тут ни к чему.
Единовластие на благо...
Ведь сдуру или по уму,
включая помыслы — всё наго.

Когда скукожит белый свет
подобно полосе заката
и выпадет держать ответ —
не жди спасительного блага.

2.

Мы много лет вместе,
живём не темня.
И если по чести —
ты лучше меня.

Ты чуток и нежен,
а я — никогда.
Ты самоотвержен,
что просто беда!

И тратятся нервы
во благо себя.
Но кто же тут первый:
ты или я?

Ноябрь 2013

* * *

И опадёт листва.
И снова ляжет снег.
Укроется трава
до следующих нег.

В хрустящей белизне,
тревожной как недуг,
иль прошлое во сне —
вдруг разомкнётся круг.

И станет жизнь полна
не трелями весны,
а ощущеньем дна
душевной глубины.

Февраль 2014

* * *

Льву Иванову-Аннинскому

И приходит весна, время надежды на лучшее,
и сегодняшняя боль становится вчерашней —
но всё равно не исчезает...

Март 2012

Агент Нулёв.

Лиризм

ПОЭТ АГЕНТ НУЛЁВ

Агент Нулёв (Ангелин Джузеппевич Ноликов) — популярный в своём кругу поэт, автор более двух десятков малотиражных поэтических сборников, моментально разошедшихся среди почитателей его таланта, лауреат многочисленных премий, а также Почётный донор.

Родившийся во второй половине прошлого столетия, Агент Нулёв жил, живёт, и, надеюсь, будет жить в Москве. Из родословной, уходящей вглубь веков, известно: по материнской линии, по не опровергнутым данным, один из сыновей знаменитейшего Козьмы Петровича Пруткова приходится ему дальним родственником, что говорит о талантливости поэта ещё на генетическом уровне. Кроме того, отец Агента Нулёва — Джузеппе, пропавший без вести 11 августа 1957 года, в день закрытия Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве, представлялся, по воспоминаниям, инженером из Эфиопии. На основании этого можно предположить появление на ветвях генеалогического древа Ноликовых представителя рода самого Александра Сергеевича Пушкина!

Однако до известных событий конца XX столетия, происходивших в нашей стране, Агент Нулёв работал на стройке бетонщиком, даже не задумываясь о своих возможностях. Но в «перестроечный» период, вдруг испытав жажду словесного художественного творчества, он стал регулярно посещать литературное объединение «Строитель» при доме культуры «Высотник».

Именно тогда ему явилась мысль писать под псевдонимом, который сложился в результате замены имени и фамилии. Вместо устаревшего имени Ангелин (от греческого *angelos* — вестник) возникла современная оригинальная модификация — Агент (действующий или служащий в чьих-нибудь интересах). А вместо звучавшей в данном случае некстати уменьшительной фамилии Ноликов, возникла, без сомнения, более соответственная модификация — Нулёв.

Через пару лет он вместе с друзьями из литературного объединения был принят в Союз писателей. После чего на него буквально лавиной обрушилась известность, правда, повторюсь, пока в узком кругу.

Эта публикация, ставшая возможной благодаря современнику Агента Нулёва — С. Телюку, неоднократно предоставлявшему для Нулёвских лиризмов разделы в своих книгах! — избранная часть творений, говоря откровенно, гениального русского поэта.

Вчитайся! И я уверен, что ты, мой дорогой соотечественник, не останешься равнодушным к творчеству Агента Нулёва.

В. О'Кенар Рыжий

ПО ВЕСНЕ

Забыта февральская слякоть. Мир высох — звучаний полно.
И кроют вороны в округе на радостях всех заодно
так, словно несносно без мата в щебечущем птичьем раю.
А впрочем, вороны не птахи и песни иные поют.
Донельзя понятное дело: на падали ты поживи —
тогда б и тебе надоели пижонистые соловьи.

Апрель 1995

NUMBER THREE

Я знаю немного английский язык.
Вот «намба», к примеру... Ты скажешь: «Мужик,
тут явно звучит африканский мотив
племён мамбу-юмбу, иль прочий наив...»
Стоп! Дальше не надо, ведь ты не дикарь:
давай-ка заглянем с тобою в словарь...
А вот слово «сри»... Нет, пожалуй, не так...
Возьмём сочетание слов: как-никак
мы что-то с английского перевели, —
попробуй на слух уловить «намба сри»...
М-да, видимо, номер опять не пройдёт —
ну кто же такое переведёт?!

Август 1999

ТРИ ПИСЬМА

1. Письмо начальное

Уважаемый писатель,
если Вы хотите спать —
выключайте выключатель,
перед тем как лечь в кровать!
Президенту же скажите
(Вам его найти легко),
что простой российский житель
спрашивает: для чего
над идеей мы корпели
эти славные года?
Я прикинул — все сопели,
а в итоге — ерунда.
Впрочем, тсс! И ни шу-шу.
Я Вам скоро напишу.
Завсегда к борьбе готов!
Доброхот Агент Нулёв.

2. Письмо промежуточное

Уважаемый писатель,
вот ещё один совет:
выключая выключатель —
уходя гасите свет!
Это знают все агенты —

мы же у окна втроём
сводим факты-аргументы
и блюдём, блюдём, блюдём...
Мы с Госдумою согласны,
но ответьте, ё-моё, —
им известно, сладкогласным,
каково житьё-бытьё?
Впрочем, тсс! И ни шу-шу.
Я ещё Вам напишу.
Как всегда, к борьбе готов!
Доброхот Агент Нулёв.

3. Письмо заключительное

Уважаемый писатель,
сколько можно повторять —
каждодневно выключатель
надо на ночь выключать!
Мы давно уже созрели
для международных дел —
хором «Варшавянку» пели
и пиво на опохмел
мы оставили в заначке.
И чуть что — готовы враз
без раздумья, без раскочки
выполнить любой приказ.
Впрочем, тсс! И ни шу-шу.
Я Вам позже напишу.
Пиво есть. К борьбе готов!
Доброхот Агент Нулёв.

Январь–март 2000

НАКАНУНЕ

Дни стали явно длинней,
ведь на исходе февраль.
Что до зимы, то хрен с ней, —
было да сплыло — не жаль.

Крики ликующих птиц
станут будить по утрам,
ляжки московских девиц
замельтешат там и сям...

Без толку и говорить —
всяким брюзжаньям хана!
Господи, только б дожить —
завтра начнётся весна.

Февраль 2001

ПОРИЦАНИЕ СИНОПТИКАМ

Обещали вчера обложные дожди,
а сегодня ни облачка — ясный рассвет.
Врут синоптики и не краснеют, поди,
потому что вреда, как им кажется, нет.

Потому что промозглость последних недель
с отключённой на месяц горячей водой
заставляли ложиться в сырую постель
и притом не считать неудобства бедой.

У меня ж против трудностей иммунитет:
сколько надо воды — на плите вскипячу,
а придётся — по-зимнему буду одет...
А синоптики — тьфу! Я их знать не хочу.

Июнь 2001

ДОРОЖНОЕ

Поехать в Польшу можно в марте,
июне, или декабре —
здесь дело не в календаре,
а в купленной тобой плацкарте.

В купе своём расположившись,
и в путь отправившись, точь-в-точь —
в Варшаве будешь через ночь,
особенно не удивившись.

Смешное, право, расстояние —
известен миру наш размах —
Москва ведь на семи ветрах
и расточает обаянье.

Для местного же человека
привычно жить не по уму —
я сам не знаю, почему
так продолжается от века.

И потому-то пустословы —
увы! — привычный атрибут.
И отдохнуть друзья зовут,
к примеру, в Польшу — там Хохловы.

Январь 2002

КРУГЛЫЙ ГОД

1. Зима

Сопит, клубком свернувшись, кот,
который день подряд.
И ни забот, и ни хлопот —
на посторонний взгляд.

Осина за окном стоит —
без листиков она.
На вид, по-моему, скорбит,
и тем — поглощена.

В начале января всё так —
бездействие одно.
И я — как на крюке пиджак,
и это мне чудно.

2. Весна

Стал диким в одночасье кот:
то, хвост задрав, прошёл,
то дни и ночи напролёт
он скачет, как козёл.

Берёза выделяет сок,
лишь банки подставляй.
А коль напился сока впрок,
то просто так гуляй.

Подобно снегу тает март.
Шалеет детвора.

В моей крови кипит азарт —
орлиная пора.

3. Лето

Вчера удрал из дома кот,
не выдержал пострел.
Как нагуляется — придёт,
таков его удел.

На липе — дунет ветерок —
листва зашелестит.
Всеми свой установлен срок
без лишних волокит.

Июль, что бурный океан,
беснуется вокруг.
Я — богатырь! Я — великан!
(Не просто так битюг.)

4. Осень

Храпит раскинувшийся кот —
расслабился во сне.
Конечно, он сейчас не тот,
что, скажем, по весне.

На клёне после передряг
болтается листок.
Нет, не напоминает стяг,
хоть он — и не клочок.

Такие тут у нас дела
в начале ноября.
И не похож я на орла
и на богатыря.

Ноябрь 2003

НАБЛЮДЕНИЯ

Рассвет... Уже погасли фонари
(обычно утром так всегда бывает),
и город потихоньку оживает,
бесспорный факт: не веришь — посмотри!

Вот пешеход неведомый бредёт,
он выглядит не целеустремлённым,
а лишь сиюминутно отрешённым,
ведущим свой таинственный расчёт.

Ведь он уже в дороге, он в пути —
желание движенья непреложно,
хотя тут изумление возможно:
к чему в итоге всё должно прийти?!

Январь 2004

БЕЗ НАЗВАНИЯ

На улице шум прибывает,
бунтарству созвучный вполне.
Наверное, ошалевают
любой человек по весне.

Машины шуршащим потоком —
сравнишь ли такое с рекой?
Не знаю, не факт, но истоком
служить может двор городской.

Средь пятиэтажек убогих
укрылся он от суеты —
в подобном, припомни, из многих
теперь вот стоим я и ты.

Мы изредка смотрим на просинь,
когда пиво пьём «из горла»...
И просится в строчку мне «осень»,
чтоб кончить на этом дела.

Март 2004

ДАЧНЫЕ СТРАДАНИЯ

1.

Весной готовишь грядки,
с надеждой поливаешь —
весною всё в порядке,
чего ни затеваешь...

Растут лучок, редиска —
приятно, скажем, глазу,
без мыслей, даже близко,
про всякую заразу.

Гудит устало тело
(о, тяжела работа!)...
Но лето пролетело —
тьфу, зряшная забота.

2.

Мой кот все ночи напролёт,
когда берём его на дачу,
то горло по ночам дерёт,
то грядки вытопчет в придачу...

Бывает, правда, иногда
ненадолго он пропадает
(должно — «по кошкам», как всегда,
ведь он без них в Москве страдает).

Я выхожу его искать,
зову: «Кис-кис...» И нет ответа,
волнуюсь — а ему плевать!
За что, скажите мне, всё это?

3.

На сквозняке трепещет занавеска,
напоминая кондиционер.
«Мы — загородом!» — возразишь ты веско,
а я отвечу: «Это так — пример...»

По выходным, ну сколько ни старайся,
от ауры столичной не уйти.
Ты скажешь мне: «Здоровья набирайся!»
А я в ответ: «Слепней полно, прости».

Они за мной, как за скотиной — роем,
иль стаей (даже сразу не назвать)...
Покуда жизнь без них не обустроим,
я не смогу спокойно отдыхать.

Август 2004

Я

Я, гений Игорь Северянин...

Я — гений! Я — Агент Нулёв!
Я автор множества стихов
(не всякий полукровка
писать способен ловко)!

Да, я, как видите, метис.
И смуглолиц, и белобрыс,
к тому же я кудрявый —
ну, в общем, парень бравый.

И Пушкин мне тут не чета,
его поэзия не та —
для нашей жизни плотской
милей других Высоцкий!

Я полон странностей... (Каков!)
Я — гений! Я — Агент Нулёв!

Август 2004

ГУМАННОЕ

Оставив неблагополучность
в убогонькой своей квартире,
бить в цель из пистолета в тире,
обойму расстрелять «на кучность».

Смотрите, ведь не бесталанен —
и этим вот могу гордиться!
Но должно мне остановиться,
поскольку я вполне гуманен.

25 октября 2004

НАПУТСТВЕННОЕ

Страна голосовала «за»...
Что выборы? Игра.
Но катится уже слеза,
и я кричу: «Ура!»

Ты — думец или президент,
почтил тебя народ!
Ты — наивысший контингент,
а не наоборот!

И будешь ездить на авто,
подарки получать.
И сможешь, как Бриджит Бардо,
изведать благодать.

Февраль 2005

МНЕНИЕ

Почётен труд любого мэра,
но много лучше быть женой,
его хозяйкой записной, —
миллионершей, для примера.

Ей доверять подряды можно
(тебя не подведёт она).
Да и пополнится кошелек,
лишь поспособствуй осторожно.

Мотивы каждому понятны —
кто ж мимо выгоды пройдёт?!
Не должно здесь давать отчёт...
Дела семейные — приватны.

Февраль 2005

ПОСЛАНИЯ

1. К женщинам

Всех женщин я готов любить весной.
Они в соку, сродни берёзкам в роще,
хотя сравненье может быть попроще,
когда ценитель выдастся иной.

В разгаре лета женщины милы,
в особенности на песочке пляжа,
чтоб в неглиже, ни капли макияжа —
их прелести достойны похвалы!

По осени у женщин вялый вид
(от коловратной горькости судьбины) —
созвучен одинокости рябины,
печали светлой полон их флюид.

Ну, а зимой я женщин не пойму —
все одеянья парандже подобны,
и вовсе для различий неудобны...
Встречаться с ними лучше на дому.

2. К знакомкам

Любите же, лелейте же меня,
общенье с вами так необходимо!
Я без него не проживу и дня,
всё станет вокруг пустынно, нелюдимо.

О, гениальности крутой удел,
за всех переживаю и страдаю —
никто не знает, сколько я стерпел,
но я-то этим знанием обладаю.

И потому, коль в уголке грущу —
надеюсь на всеобщность пониманья...
Извольте, я вас к тайнам приобщу.
Не ослабляйте вашего вниманья!

3. К супруге

А пыль и я готов стереть...
Схожу с авоськой в магазины,
и, вроде пьяной образины,
футбол прилягу посмотреть.

Сподвижницей быть нелегко,
порою даже неприятно,
что, ласточка, вполне понятно.
Но надо мыслить глубоко!

Февраль 2005

ЯСНОСТИ!

У нас особая страна
(и это не секрет!) —
многопартийность не нужна,
в ней толку вовсе нет.

Пускай правительственный клан
элитных работяг
рассеет наконец туман,
не разводя бодяг.

И прояснит нам, что к чему,
чтоб знал честной народ,
по рангу воровать — кому,
и чей теперь черёд?

Февраль 2005

РЕВОЛЮЦИОННОЕ

На кухне дым коромыслом. Водка в центре стола.
Быть к утру похмелью. Такие сегодня дела...
И зашумит раздумчиво, словно от ветра листва,
важное собрание — ответственная братва
постановление примет («декрет» оно бы краше),
и кое-кого назначит думать за тех, кто пашет...
А если, не дай Бог, выйдет, что нечего станет жрать —
друзья, давайте потерпим! — нам к этому не привыкать.

Май 2005

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ

Я просто дачник, бесполезный житель,
приблудный недотёпа, и чужак...
Поэтому всё делаю не так —
десятый год мной строится обитель.

Деревня. Пересуды за забором —
с дороги раздаются голоса —
хоть поневоле слышу словеса,
а чувствую себя при этом вором.

Ах, родники искуснейшего мата,
присущие российской широте!
Но надо проще. Даже щи — не те,
пока в них не добавлено томата.

Август 2005

ГЕНИАЛЬНОЕ

О, ночь! Из века в век
реальность — не закон.
Вот зверь и человек,
а дышат в унисон...

Поэт же одинок,
как пленный хунвейбин.
Он — постигает рок
до атомных глубин.

Январь 2006

НАБОЛЕВШЕЕ

Сорока каркнула, как ворона.
Ворона крякнула, будто утка.
Мне на мгновение стало жутко:
кто волен так шутить изощрённо?

Я б стал павлином, содрав личину,
и пел бы, удивляя прохожих...
Да мало ли с кем душой мы схожи —
молчи! — должно быть всё чин по чину.

Ведь вторить эхом — почти что шамкать
(невнятностью нет смысла гордиться).
Уж коль сорокой вышло родиться,
то не фига тут вороной каркать!

Сентябрь 2006

КАЖДОДНЕВНОЕ

Если утром не сделать зарядку —
тут и впрямь беда не беда! —
можно взять инвентарь — и на грядку,
прополоть её. И тогда...

Если в полдень забыть пообедать —
ведь бывают важней дела! —
забегаловку нужно проведать,
там и музычка: ша-ла-ла...

Если к полночи спать неохота,
а мешаешься, будто пень, —
выпиваешь сто грамм, как пехота,
и под танк... Прощай, трудовень!

Февраль 2007

ТЕПЕРЬ

Теперь я не люблю брюнеток.
Их яркость кажется чрезмерной,
а страсть при этом — лицемерной...
Как жить, коль видишь в них кокеток?!

Мне до блондинок нету дела.
Их вид не то чтоб угнетает,
напротив — млея, сердце тает...
Как жить, не ведая предела?

В несходствах разные мотивы.
Пожалуй, заведу зверёнка
и буду пестовать милёнка...
Как жить — нужны ведь перспективы!

Апрель 2007

ВОТ ТАК ВОТ!

Я мастерил велосипед,
повсюду собирал детали —
последними нашёл педали...
И вот сейчас я — сердцеед!

Да, я, конечно, эталон,
но, право, не амбициозен,
хотя и жутко грациозен...
О, сколько рядом чутких жён!

Они ко мне питают страсть,
а я им отказать не в силах
покуда есть упругость в жилах...
Мне среди прочих — не пропасть!

Апрель 2007

ПАТЕТИЧЕСКОЕ

О, благодать! Когда в час пик в метро
к тебе прижмётся бюстом незнакомка
иль невзначай прильнёт её бедро —
сердечко заколотится прегромко.

Лишь посреди зыбучих ягодиц
бурлит безбрежно полнокровность жизни —
не надо, говорю не надо лиц! —
я благодарен в этот миг отчизне.

И радуюсь, что двадцать первый век
стал проще, без ненужных экивоков.
Ведь может же быть счастлив человек
без Пушкиных, в конце концов, без Блоков!

Июнь 2007

ПРОГРАММНОЕ

Коль близко творчество тебе —
прислушайся к своей судьбе.
Узнай, о чём она лепечет,
а не играй с ней в чёт иль нечет:
рассей быстрее этот дым —
не хорошо ведь быть портным,
когда родился ты поэтом.
Пиши — о том... Пиши — об этом...
Учись нюансы понимать.
И, может, станешь мне под стать!

Июнь 2007

НОВОСТРОЙ

Москва, я узнаю тебя!
Другой Мамай привёл ораву,
теперь он властвует по праву,
не злобствуя и не любя.

Нет, он, конечно же, не тать,
хотя крадёт, возможно, в меру.
Всё мыслит... Вот одна, к примеру:
что б строить — надобно ломать...

Особенно — ох башковит! —
внутри Бульварного колечка.
Тут ёкнет иногда сердечко,
а плакать — мама не велит.

Июль 2007

НАЧИНАЮЩЕМУ

Чу! К Музе нет благоговенья.
Тебя немногие поймут:
стихи слагать — нелёгкий труд,
довольно редки вдохновенья.

Найди доходную работу.
Меси раствор, клади кирпич —
как минимум твой магарыч
эквивалентен будет поту.

Что ты прилёг под лопухами?
Жить надо, право, по уму,
всё остальное ни к чему...
Не засоряй мозги стихами!

Июль 2007

УТОНЧЁННОЕ

У соседей петух голосит не попад...
Он, должно, из курятника вырваться рад.
Неглиже, да на воле ему благодать
(это вам не в сарайчике куриц топтать).
Враг бежит: клюв и шпоры — всегда аргумент!
Нет, петух однозначно не интеллигент.

Август 2007

СЕРЬЁЗНОЕ

Я к исключениям равнодушен.
На Западе почти что всяк послушен,
но мне не нравится такой пример —
неровня дворник и миллионер!

Я стать хочу российским олигархом.
Заметьте, не каким-нибудь монархом
в приверженной законности стране —
нет, уверяю, это не по мне!

Я здешний житель. Тем и необычен.
Да, для Европы вовсе не логичен
загадочный наш евразийский путь,
с которого веки не свернуть!

Сентябрь 2007

ПАНЕГИРИК

*План Президента — победа России!
Из транспарантов 2007 года.*

У президента явно есть секрет,
его ход мыслей никому неведом —
должно хранить хоть что-то под запретом,
иначе и не выживешь: о, нет!

И я хочу вот так же, господа,
лелеять планы втайне от народа —
пусть на потомках отдохнёт природа,
она на этот счёт мудра: о, да!

Им в будущем не тыркаться впотьмах —
не каждому такое достаётся —
идушим вслед заведомо придётся
намного легче, веселее: ах!

А коль враги застанут нас врасплох —
мы победим во что бы то ни стало.
К иному привыкать нам не пристало...
Как нелегко быть президентом: ох!

Февраль 2008

ВОЗМУЩЁННОЕ

Я у стеночки кремлёвской в Александровском саду
целовал взасос подружку у прохожих на виду.
Я ласкал её при этом и надеялся, что даст, —
но, представьте, объявился с виду некий педераст.

Он пристал к нам — фу! — негоже здесь блудить средь бела дня.
Ну, а сам ко мне всё ближе... Вот такая вот фигня.

Я не верил, и не думал, и, конечно, не гадал.
Я не то чтоб не сдержался — выслушав, по шее дал.
И под зад ему коленом: дескать, неча намекать.
Мы и сами разберёмся: где, когда, кого — лобзать.

Июнь 2008

ДОБРОДУШНОЕ

Бежит в колесе одинокая белка.
Торопится в круге секундная стрелка.
И я б не посмел на судьбину роптать,
когда бы вот так довелось поспешать!

А тут что ни день — ожидаешь подлянку:
то слева, то справа устроят гулянку,
то снизу долбят, нарушая уют,
то сверху водою внезапно зальют.

Не будешь ведь вечно со всеми ругаться...
Куда незлобивому сердцу деваться?
Бывает, «на пиво» друзей созовёшь
и песни в культурной среде попоёшь.

Август 2008

МИРОЛЮБИВОЕ

*«Ай, Моська! Знать, она сильна,
Что лает на Слона!»*

И. А. Крылов

1.

Мой Боже, как неосторожно
Цхинвал атаковал грузин?!
Саакашвили-господин,
принять такое невозможно.

Я б лично дал тебе по морде,
но, право, вовсе не балбес:
не позволяет политес,
подобный некоей реборде.

Должно быть, это непонятно.
Постой, не напрягай мозги!
В них — мрак, и не видать ни зги...
Что, в общем, не совсем приятно.

2.

Пришёл из Грузии надясь
Иван Андреичу привет,
с задержкой в пару сотен лет...
Ба! Моськи — не перевелись!

И вот одна из них шмыг-шмыг,
забыв почтительность и такт,
а также несомненный факт,
возможность, что раздавят вмиг.

Откуда же такая прыть:
фривольно лаять на Слонов?!
Наверно, организм таков —
и, видно, не переучить.

3.

Я обожаю президента.
Сейчас он прав как никогда.
Его позиция тверда,
достойна даже комплимента.

Коль бить, так лучше без указа,
не тратя время на ля-ля.
И, громко выкрикнув «опля»,
вдруг улыбнуться для показа.

Пускай потом американец,
к примеру, вездесущий Буш
грузинам презентует куш...
Всем будет ясно, кто — засранец.

Сентябрь–октябрь 2008

НА РАСПУТЬЕ

Друзьям и подругам

Был день рождения вчера,
но вспомню всё едва ли...
Друзья желали мне добра,
подруги целовали...
Шампанское лилось рекой,
потом вино и водка...
Вдруг вижу, возлежит нагой
под шубою селёдка...

Очнулся — впору волком выть.
Суть в двух словах (без мата):
нельзя так пить. Нельзя так пить!
А может, так и надо?

31 марта 2009

НУЛЁВИКИ

■ За старость счастливую нашу —
всем думцам спасибо, мать вашу!

■ Эх, бабули и дедули,
не ропщите, вас надули!

■ Чтобы будни стали сладки —
не стесняйся хапать взятки!

■ Мчатся на Руси века —
воровать, так до фига!

■ На TV сплошь мордобой —
выбирай канал любой!

■ Секса мало на экране —
должен быть в любой программе!

■ Новые прокладки ёмки —
налетай скорей, девчонки!

■ Победит «Локомотив» —
надевай презерватив!

■ Не коси под импотента —
голосуй за президента!

- ☛ Поутру поставят клизму —
и вперёд к капитализму!
- ☛ Есть у нас и нефть, и газ —
богачей, рабочий класс!
- ☛ Будь выходцем из КГБ —
я б смело предвещал: «Не б...!»
- ☛ Коль податься на восход —
это вряд ли кто поймёт!
- ☛ Коль податься на закат —
там никто не будет рад!
- ☛ Коль податься на Кавказ —
можно схлопотать и в глаз!
- ☛ Коли некуда податься —
лучше дома оставаться!

2005–2008

ОТКРОВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Всё началось с традиционной по тем временам встречи в редакции журнала «Юность». Тогда, в один из январских дней 2000-го, в разгаре «чаепития» Валерий Дударев вручил мне для прочтения несколько писем душевно больной женщины к Василию Аксёнову.

В них перемешались здравые рассуждения с явной бессмыслицей: мнимые родственные интриги, политика, продающие марки на почте шпионы, девственные и сексуальные впечатления, бредовые советы для президента Ельцина, вокзальные истории, низкое качество хрустящей картошки...

В результате усвоения материала (и использования в утрированном виде некоторых моих некондиционных стихов) на свет появился поэт, вскоре названный Агентом Нулёвым или, если хотите, Ангелином Джузеппевичем Ноликовым. В дальнейшем у него возникла собственная биография, а в 2006-м его «Нулёвики», переименованные в «Наши кричалки» (как, например: «Чтобы будни стали сладки — не стесняйся хапать взятки!») или «Эх, бабули и дедули, не ропщите, вас надули!»), даже публиковались на страницах «Литературной газеты».

Но главное, к чему пришёл автор, — это фактически «устаканившийся» стиль.

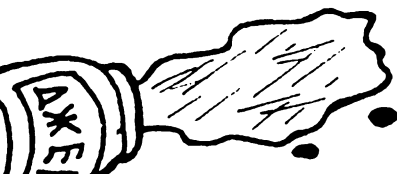
С чем я его и по-здрав-ля-ю!

Сергей Телюк

КОЕ-ЧТО
О ЮЛИВАННЕ

*(Вольный перевод
с детского на взрослый)*

КОЕ-ЧТО О ТОМ, О СЁМ

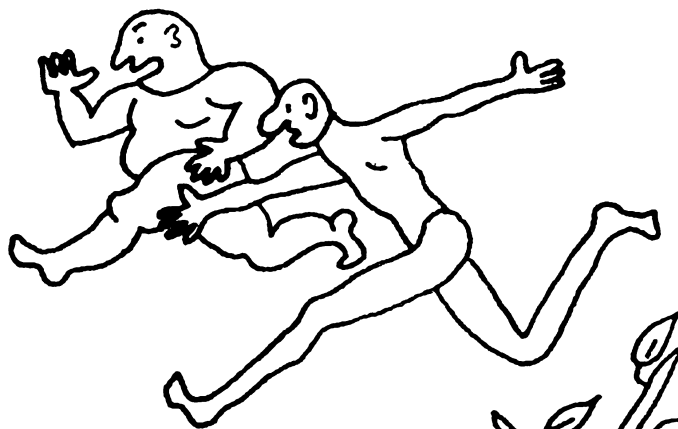
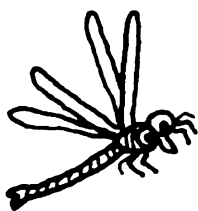
(Из Бориса Заходера)

На днях, не помню сам зачем,
Забрёл я к Юливанне в дом.
Мы пили чай и ели джем,
Болтали с ней о том, о сём.

Мы обсудили, кто, когда,
И почему, зачем, на кой,
Откуда взялся, и куда,
И где теперь такой-сякой;

Что было раньше, что потом,
Как вышло так, что Боже ж мой,
И что мы думали о том,
Той, злополучною зимой!

Когда же мы доели джем
(Он был, мне помнится, неплох),
И не осталось больше тем —
Мы дружно выдохнули «ох».

ВЕТЕР НА РЕЧКЕ

(Из Зинаиды Александровой)

Возле речки голоса,
На лугу ромашки...
Юливаннины друзья
Бегают в пятнашки.

По дорожке побегу, побегу, поймай-ка,
Беленькие трусики, пёстренькие майки!

Юливанна тоже тут.
Пикничок в разгаре:
Песен хором не поют —
Все и так в угаре.

Веселятся от души, кружат по лужайке
Беленькие трусики, пёстренькие майки.

В этой девственной глуши
Голыми по пляжу
(Искупавшись) побежим,
На песочек ляжем.

Ветер дунул невзначай — и летят, как чайки,
Беленькие трусики, пёстренькие майки.

Юливанна, мы с тобой —
Ну-ка, без оглядки! —
Засверкали вразнобой
Озорные пятки.

Ух, догнали!.. На кусты сели дружной стайкой
Беленькие трусики, пёстренькие майки.

ОКТЯБРЬ

(Из Самуила Маршака)

В октябре, в октябре
Дождь и слякоть на дворе.

Подступили холода.
Тянут с отоплением —
Юливанна, как всегда,
Ждёт его с волнением.

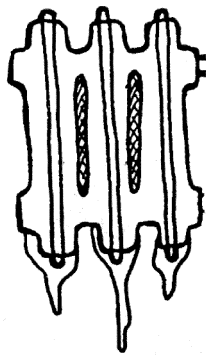
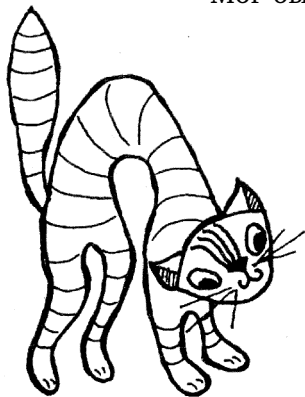
ПРО ТУБЕРОЗУ

(Из Сергея Михалкова)

Это кто накрыт в кровати
Одеялами на вате,
Скрылся в толще с головою
И не думает вставать?
Кто, поднявшись еле-еле,
Удирает от постели,
Чтоб горячею водою
Щёки в ванной умыть?

Это, верно, наш сосед
Неопределённых лет?
Нет.

Кто же это?
Почему
Валенки нужны ему,
Свитер, шарф и рукавицы,
Чтобы мог он руки греть,
Чтобы он в своей квартире
Мог бы вовсе не болеть,

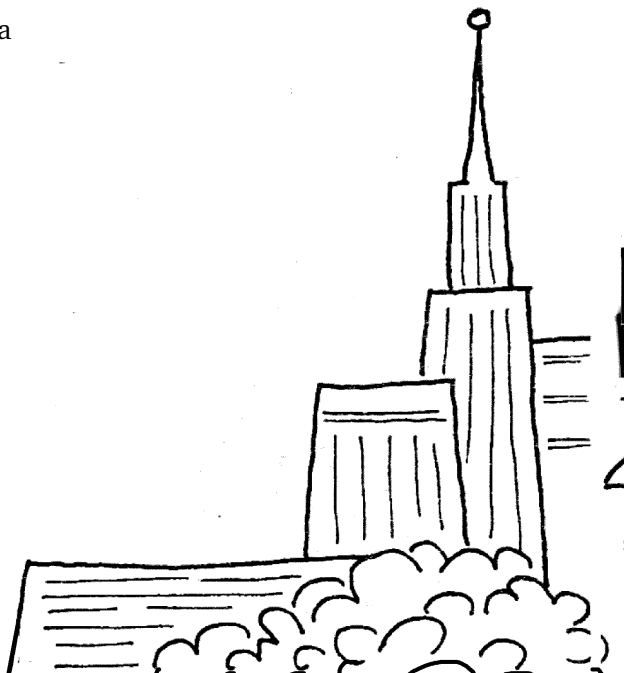
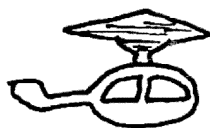
Не испытывать терпенье
С отключённым отопленьем?

Может быть, соседский дед —
Он не морж и не атлет?
Нет.

Не узнали?! Очень странно!
Это просто Юливанна —
Наша Юлия
Иванна
Из квартиры номер пять.

Вечно по утрам в кровати
С одеялами на вате:
Отношенье к физкультуре
И не думает менять.

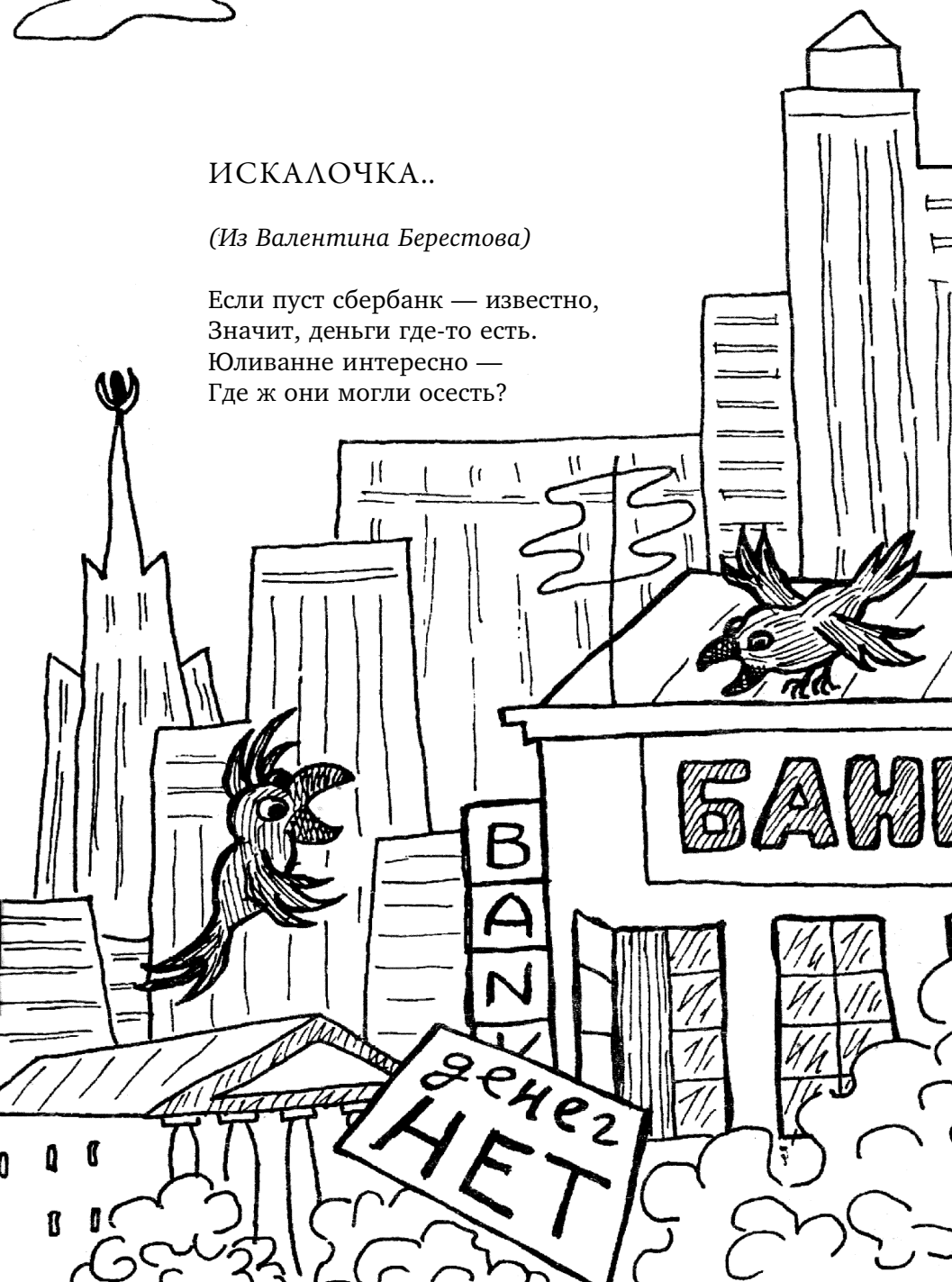
И живёт, боясь мороза,
Ко всеобщему стыду,
Как растение тубероза
В ботаническом саду.

ИСКАЛОЧКА..

(Из Валентина Берестова)

Если пуст сбербанк — известно,
Значит, деньги где-то есть.
Юливанне интересно —
Где ж они могли осесть?

ЧТО ТАКОЕ
ХОРОШО
И ЧТО ТАКОЕ
ПЛОХО?

(Из Владимира Маяковского)

К Юливанне
внук пришёл,
и спросила кроха:
— Доллар — это
х о р о ш о
или доллар —
п л о х о? —
Взяв на полке
абрикос —
угостить внучонка, —
Юливанна
на вопрос
отвечала
звонко.

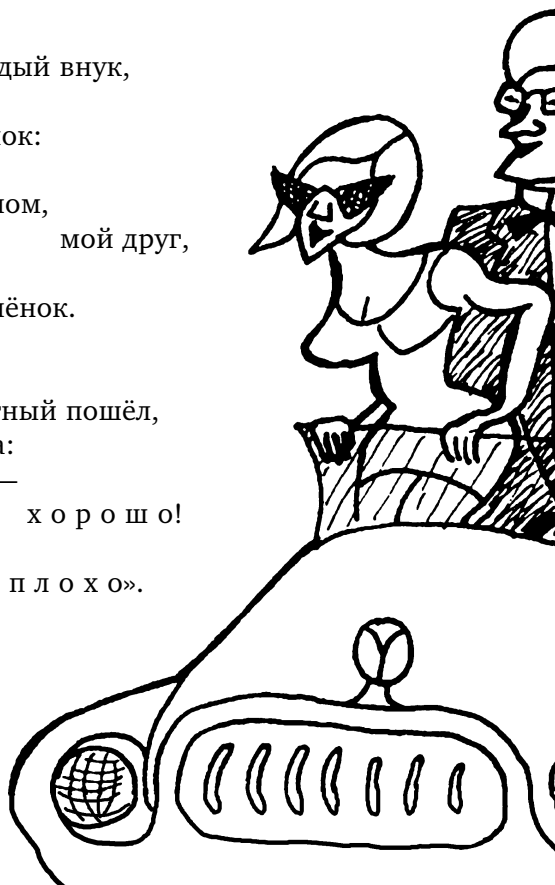
— Доллар?!
Если его нет,
или —
есть, но малость, —
это — плохо.

Скажут вслед:
ах, какая жалость!

Если ж
долларовый вклад
в заграничном
банке —
скажут люди,
что ты гад:
жди от них подянки.

Помни
это,
каждый внук,
каждый
ребятёнок:
вырастешь
козлом,
мой друг,
если ты —
козлёнок.

Мальчик
радостный пошёл,
и решила кроха:
«Знаешь меру —
х о р о ш о!
А не знаешь —
п л о х о».

БУКА

(Из Корнея Чуковского)

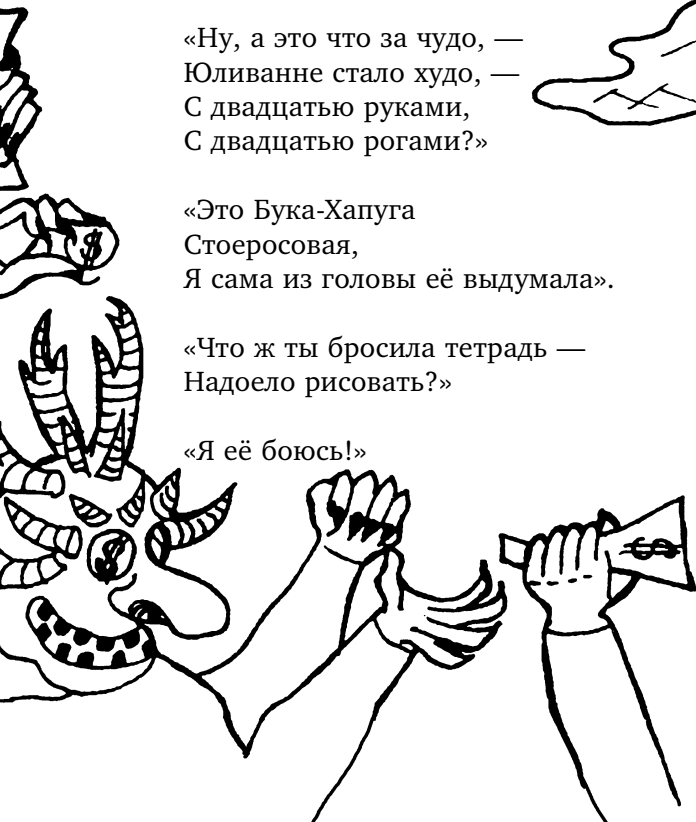
Дали внученьке тетрадь,
Стала внучка рисовать.
«Это — здание парламента.
Это — стрелки для регламента.
Это — дядя президент.
Это — оппонент».

«Ну, а это что за чудо, —
Юливанне стало худо, —
С двадцатью руками,
С двадцатью рогами?»

«Это Бука-Хапуга
Стоеросовая,
Я сама из головы её выдумала».

«Что ж ты бросила тетрадь —
Надоело рисовать?»

«Я её боюсь!»

МЯЧИК

(Из Агнии Барто)

Левой, правой!
Левой, правой!
Вот и славный
Наш отряд:

Барабаним,
Шаг чеканим
Полтора часа
Подряд.

Лужа?! Что там? —
В луже мячик...
Юливанна,
Ты не плачь!

Левой, правой!
Левой, правой!
Мы достанем
Этот мяч.

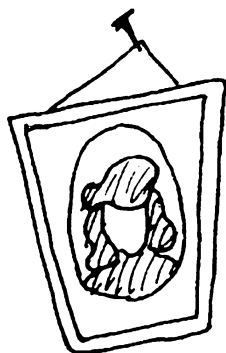
КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

ЮЛИВАННЫ

(Из Даниила Хармса)

— Знаете?
— Не знаете?!
— Ну, конечно, знаете!
— Ясно, что вы знаете!
— Несомненно, знаете!

— Вы же знаете, что У?
— Вы же знаете, что Ю?
— Вы же знаете, что ЛИ?
— Что у Юлии Ивановны
Нынче день рождения?
— Это вам ведь не крестины,
Впрочем, и не именины,
Впрочем, что к чему понятно
И без обсуждения.

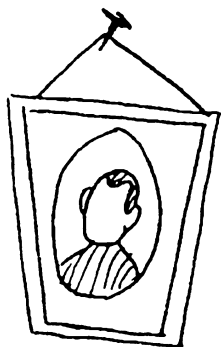

— Ну, вы скажете нам: **НА?!**
Ну, вы скажете нам: **ХА?!**
Ну, вы скажете нам: **ЛЫ?!**
Ну, вы скажете: нахалы,
И откуда только прыть?!
Нет бы выйти с дифирамбом,
Или вот хореем-ямбом
(Или как-нибудь ещё)
Посвященье сочинить.
Кстати вспомнить внучку тут:
Анечкой её зовут!
Да и про внучка́ Илюшу
Что-то присовокупить!
А не то чтоб водку пить.

— Мы же возразим вам: **ПО!**
— Мы же возразим вам: **СТОЙ!**
— Мы же возразим вам: **ТЕ!**
— Мы же возразим: постойте,
Это вовсе не мура!
— Ваши происки напрасны —
Наши помыслы прекрасны.
С днём рожденья, дорогая
Юлечка! Ура! Ура!
— И ещё разок: **УРР-А-А-А!!!**

Август–сентябрь 1998

чуча

ПРЕДЧУВСТВИЕ
РУСИ

Легенды и сказы

Сказы
о праславянах

Я вглядываюсь в прошлое с позиции истца.
Я разыскиваю следы родни повсеместно —
я хочу знать, что было до рождения отца,
но это почему-то никому не известно.
И я ощущаю себя безымянным ручьём.

СКАЗ О СВАРОЖИЧЕ¹,
ПРАСЛАВЯНСКОМ ГЕРОЕ,
И О ЕГО ПОДВИГЕ

Славянский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от какого другого не происходит, следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времён, и многочисленные оные славянские народы говорили славянским языком ещё прежде Рождества Христова.

М. В. Ломоносов

I

О, слуху привычное косноязычие нынешних дней!
Как трудно в начале сказания... Чу! Слышен топот коней.
Теушпа, вождь киммерийский², насытившись грабежами,
через перевалы Карпатские гордо уходит назад,
в раздольные степи, в безлесье, где нет надоевших засад...
А между Вистулой³ и Одрой (древними рубежами)
вновь сходятся в поселения, покинутые степняком,
те лужицкие соплеменники⁴, кто пересилил разгром.

II

Средь них Святовит⁵ из Поморья, знатнейший из всех заводил,
смертельность ранений почувствовал и временем дорожил.
Гонца к родне чернолесской⁶ послал тропой сокровенной —

на помощь ему сын Сварога отряды повёл на закат.
И вот по-над Одрой-рекою на полночь⁷ собратья спешат...
Но поздно. В Янтарном море⁸ с вершины горы священной
развеивается по ветру великого ратника прах.
И пепел парит, как когда-то он сам, в дерзновенных мечтах.

III

Сварожич, наследник, Арконе⁹ что буйство стихии морской,
когда от набега кочевников в крае потерял покой?..
Пора обновлять городища, вытопанные пашни,
и надобно кузницы строить — оружие должно ковать:
железной руды здесь в достатке, лишь мастеровых подыскать...
Заботы умерят память, хранящую день вчерашний.
Привык в лихолетья минувшие так возрождаться народ,
однако ты, всё понимая, таишь заготовленный ход.

IV

Ведь снова Теушпа готовит для дерзких походов орду,
снует будто званный на пиршество, на боевую страду.
Подумал Змей киммерийский¹⁰ — людская молва несётся;
шагнул — и вступил в Прикарпатье,
в леса комаровских племён¹¹ —
уже полыхают селения (весь род на смерть обречён);
а дальше — к Янтарному морю, как издавна ведётся...
Тем бедам Сварожич внимает и жаждет врагу дать отпор —
умело следит за противником неутомимый дозор.

V

К слиянию Буга и Нарева вышел надменный чужак.
Для ждущей засады сигналом служил обусловленный знак —
возникли пешие рати из тихой дымки вечерней...

Тут время свой бег замедлило, отсрочив резню до утра
ненадолго скрыла враждебные станы ночная пора...
С рассветом атака ордынцев грянула правомерней.
Да только родня Святовита удар отразила сполна,
а их чернолесские братья свершили разгром дотемна.

VI

О, юный Сварожич, будь славен — ты гордость Сварога-отца!
Ответ киммерийцам настырным не хуже речей мудреца...
Лихая первоначальность величественной дороги.
Позднее нахлынули скифы, и в битве, в последний свой час,
сразив их царя, ты сородичей от разорения спас.
Потом набег возглавит Мадай¹², продолжатель строгий —
об этом иное сказание... Ты ж вознесёшься к богам,
и в Ретре¹³ твоё изваяние встанет в языческий храм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сварожич* — сын Сварога, причисленный к языческим богам. *Сварог* — предположительно легендарный предок (Богатырь-Кузнец, Волшебный Кузнец) праславян, ставший после смерти языческим богом, покровителем кузнецов и всего ремесленного люда, первым помощником воинов.
- ² *Теуша* — киммерийский царь, живший в конце VIII - начале VII в. до н.э.
Киммерийцы — пришедшие из Нижнего Поволжья кочевники (*Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976), жившие в XI–VIII вв. до н. э. в Северном Причерноморье (северные побережья Чёрного и Азовского морей, включая Крым). На рубеже VIII–VII вв. до н. э., теснимые скифами, захватили значительную часть Малой Азии, где смешались с местным населением.
- ³ *Вистула* — древнее название реки Вислы.
- ⁴ *Лужицкие племена* — условное название праславян (ареал лужицкой культуры: ок. XIII–IV вв. до н. э.), живших между верхней и

средней Эльбой (Лабой) и Вислой, включая северные районы Среднего Подунавья, а также Балтийское поморье между Одрой и Вислой. Название дано по области Лужица на юго-востоке современной Германии.

- ⁵ *Святовит* — предположительно, легендарный вождь поморских (лужицких) праславян, ставший после смерти языческим богом. Святилище Святовита находилось в городе Аркона, главном на острове Рюген (Рана, Руяна, Руян, Буян), и было разрушено датчанами в 1168 г.
- ⁶ *Чернолесские племена* — условное название праславян (ареал чернолесской культуры: X — начало VII в. до н. э.), живших севернее киммерийцев в лесостепи от Среднего Днепра до верховьев Буга.
- ⁷ *На полночь* — на север, в северную сторону (*на полдень* — на юг, в южную сторону).
- ⁸ *Янтарное море* — древнее название Балтийского моря.
- ⁹ *Аркона* — см. примечание 5.
- ¹⁰ *Змей киммерийский* — имеется в виду предположительно собирательное имя киммерийцев, а позднее — скифов (Огненный Змей, Змей Горыныч), именованных праславянами так, вероятно, потому, что все захваченные либо непокорённые поселения сжигались ими для устрашения противной стороны.
- ¹¹ *Комаровские племена* — условное название праславян, живших юго-западнее чернолесских племён, чья культура известна с XVII в. до н. э. на Правобережье Днепра, в Южном Побужье и в лесостепной полосе Днестра. Остатки комаровских племён исчезли в VIII в. до н. э.
- ¹² *Мадай (Мадий)* — скифский царь, живший в VII в. до н. э. (см. также примечание 2 к «Сказу о сколотах»).
- ¹³ *Ретра* — стольный град редарей, поморских праславян (позднее — венедов) на левобережье Одры, в котором находился большой храм в честь языческих богов.

Из «Деяний священников Гамбургской церкви» Адама Бременского:
«Град их (редарей. — Авт.) известен повсюду — Ретра, седалище идолопоклонничества. Большой храм построен там демонам...»

Из «Хроники» Титмара Мерзебургского:

«Есть в области редарей некий город... треугольной формы, с тремя воротами. Его со всех сторон окружает большой лес, для местных жителей неприкосновенный и почитаемый. Двое ворот города открыты

для всех входящих; третьи, самые малые и обращённые на восток, ведут к морю, лежащему неподалёку и ужасающему на вид. В городе нет ничего, кроме святилища, искусно построенного из дерева... Внутри него стоят рукотворные божества, устрашающие, наряженные в шлемы и кольчуги, и на каждом вырезано его имя. Главный из них зовётся Сварожич, все язычники почитают его и поклоняются ему больше, чем всем другим».

Из Н.М. Карамзина:

«Как бы то ни было, но веныды или славяне языческие, обитавшие в странах балтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов славянских: ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в рунах, заимствованных веныдами от готфских народов. Сии руны, числом 16, подобно древним финикийским, весьма недостаточны для языка славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его и были известны едва ли не одним жрецам, которые посредством их означали имена обожаемых идолов».

СКАЗ О СКОЛОТАХ¹,
ПРАСЛАВЯНСКОМ НАРОДЕ, И ОБ ИХ
ПРОТИВОСТОЯНИИ СКИФАМ

Нам дороги родители, дороги дети, близкие родственники; но все представления о любви к чему-либо соединены в одном слове — Отчизна. Какой честный человек станет колебаться умереть за неё, если он может принести этим ей пользу?

Цицерон

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I

Да, сгинул Змей киммерийский, но скифы² тоже сильны...
Эй! Слушайте, поселяне лесостепной стороны!
Старейшины и жрецы решили на сходе своём,
кого из двух легендарных братьев звать главным вождём
(теперь Колаксарово³ имя повсюду войдёт в обиход).

II

«Четыре сколотских племени — нераздельный народ, — так средний брат Арпоксар сказал, признавая отвод. — Лишь дочери у меня, а скоро ведь семьдесят лет... Вот младший — другое дело. И ясно, тут спору нет, ему быть верховным радетелем нашим полям и лесам».

III

Их старший брат Липоксар не мог обнаружиться сам, в недавнем бою сражённый — на зов явился к жрецам. Хоть в лужицкой стороне врага уж развеяли в прах, но жив наследник — Мадай, — его беспокойство в глазах ретиво, как сердце весною. И пляшет под ним жеребец...

IV

Спешит к препятствиям «Змиевым»⁴ повелитель-юнец, среди соратников скачет — достиг-таки наконец левобережья Гипаниса⁵: с ходу взяли валы — подобно из поднебесья цель атакуют орлы. Дружины сколотов попятнулись к чащам Тисмени-реки⁶.

V

Остались в поселениях лишь дети, да старики, да женщины, — так решили, хотя и не по-мужски... Не скрылись и отступавшие. Где-то на полпути рискнул Колаксар в Пастырское⁷ своё войско вести, надеялся на покровительство кровной Сварожьей земли.

VI

И — чудо! С Роси-реки⁸ на выручку рати пришли. И неумные скифы дрогнули, вспять потекли: великая сеча вышла — вороны граяли там, при виде множества трупов, лежащих по сторонам. Бежал Мадай на полдень, не пересилив ответный удар.

VII

Слава богам всемогущим — вправду бесценен их дар!
Слава погибшим за Родину! Славен будь Колаксар!
На тризну всех созывают — пращуров и земляков, —
так будет и ныне, и присно, и во веки веков...
А всякий же сеятель зла — пусть останется с ним навсегда.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

I

Ох, время летит, Колаксар! Не щадит и почтенных седин...
Твои сыновья из юнцов превратились в беспечных мужей.
Припомни, ты в бытность вождём управлялся с врагами
один —
нет больше защиты такой у отечественных рубежей.

II

Чего не услышишь о младшем — он до сих пор баламут.
Недавно, к примеру сказать, из Ольвии⁹ вывез жену —
любя, Василисой Прекрасной в народе её зовут...
Но лишь молодецкая удаль навряд ли спасёт страну!

III

Завистливы старшие: славен их брат на Сколотской земле.
Придирам не видно конца, всё о мелком твердят, о своём —
не слышат походного лязга в ближайшей степи, в ковыле
уже и разьезды противника стали промелькивать днём.

IV

Пора?! Дождались! Видно, принято так обращать в рабов...
У старших-то рать в окружении, сами они в бегах.
Оставлены их соплеменники на милость степняков —
заранее было понятно, что братья потерпят крах.

V

Вы ж, рынки невольничьи, ждите — пополнится людом поток
с берегов Тисмени, Гипаниса, с равнинных участков и гор...
Над старым и малым, как прежде, теперь тяготееет злой рок,
а вот с непокорным — известно — захватчик расправую скор.

VI

И тут младший сын Колаксара к Мадаю приехал в стан...
«Я знаю, — сказал он, — за море ты хочешь орду вести.
Послушай, зачем тратить силы напрасно, хоть я не зван —
готов со своею дружиной в нелёгкий поход пойти!»

VII

Ох, время летит... От печалей слепцом Колаксар стал давно.
И нет сыновей, ведь двух старших казнил возмущённый
народ,
а третьему — в даях полуденных всё пребывать суждено...
Зато не тревожат скелотов набеги который уж год.

IV

От скифских жён и рабов разноликих вот уж потомство растёт.
Понятно: беде, коль мужья вернутся, загодя нужен расчёт,
недаром враги пред ними трепещут в немыслимо чуждой дали...
Могучего сына цареотступницы вскоре вождём нарекли.
Сражаться решили на общем сходе, рвом рассекая простор
от вод Меотидского озера до склонов Таврических гор¹³.

V

О, что за неведомая строптивость бессмысленных бунтовщиков,
каких-то коварных отпрысков, вовсе не смыслящих в сечах
юнцов —
напрасно искуснейших воинов к смертному штурму
склоняет вражда...
Повторно зима вопрошает Мадея: «Зачем ты вернулся сюда?»
И царь побледнел, и вспыхнул от гнева,
перстом указав на восход.
Боспор Киммерийский, слышишь: то скифская конница
мчится в обход.

VI

Но рядом не скачет их друг-соратник,
известный ордынцам сколот
(его отец Колаксар легендарен среди Причерноморских
широт¹⁴).
Возможно, за рвом ждут собратья... Он с верной дружиной
на помощь спешит,
и горе отрядам союзников бывших — любому погибель грозит.
Без малого тридцать лет миновало в походах по дальним краям:
нет счёта победам, тризнам, а также нет счёта увечьям, смертям.

VI

Да, в Таврику вновь степняки вернулись, преодолев Перекоп, — нахлынули, сбив заграждения вмиг, и разлились, как потоп... Тогда и сошлись на вольном просторе познавшие битвы дружки, вчерашние сотрапезники, в кровопролитных делах мастаки. Сколот вызывает сражаться скифа, тот отвечает ему — и все расступаются между ними, не удивляясь тому.

VII

Владыка, припомни мидийский пир¹⁵, а с ним —
 кто себя не щадил,
 когда на закорках тебя хмельного от лжедрузей уносил...
 И сын Колаксара, став избавителем, вряд ли жалеет о том,
 придя в твой стан без оружия... Только престранно безмолвно
 кругом.
 Послушай, неужто об этом боги предупреждали тогда:
 означенный час наступил!.. Мадай, зачем ты вернулся сюда?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сколóты: паралаты (парадаты), катиары, авхаты (иногда авхаты-бужане), траспи* — праславянские племена, пришедшие на смену чернолесским племенам (см. примечание 6 к «Сказу о Сварожиче») и входившие в Сколотский союз — объединение праславянских племён VII–III вв. до н. э., живших севернее скифов в лесостепи от Среднего Днепра до Карпатских гор. Из «Истории» Геродота нам известно, что вождями у сколотов были братья: старший — *Липоксар (Липоксай)* — вождь авхатов; средний — *Арноксар (Арноксай)* — вождь катиаров и траспиев; младший — *Колаксар (Колаксай)* — вождь паралатов.
- ² *Скифы* — ираноязычные кочевые племена, вытеснившие киммерийцев из Северного Причерноморья на рубеже VIII–VII вв. до н. э. и жившие там по III в. до н. э. В дальнейшем сарматское нашествие

загнало большую их часть в Крым, а меньшую — вытеснило за Нижний Дунай, где они, захватив фракийские земли (ныне район Добруджи), находились относительно длительный период. После разгрома готами (III в. н. э.) продолжавшего существовать в Крыму Скифского государства окончательно растворились среди древних племён.

- 3 *Колаксар (Колаксай)* — легендарный вождь скотов (см. примечание 1).
- 4 «*Змиевы валы*» — имеется в виду укрепление, протянувшееся от Среднего Днепра до предгорий Карпат, состоявшее из глубоких рвов и высоких земляных валов, по всей видимости, предназначенное для защиты от набегов кочевников.
- 5 *Гипанис* — древнее название реки Южный Буг.
- 6 *Тисмень* — древнее название реки Тясмин (правого притока Днепра).
- 7 *Пастырское* — условное название одного из крупнейших городищ скотов, находившегося на речке Сухой Ташлык (притоке Тясмина).
- 8 *Рось* — река, правый приток Днепра.
- 9 *Ольвия* — античный город (VII в. до н. э. — IV в. н. э.) на берегу Днепробугского лимана; остатки у села Парутино, к югу от Николаева.
- 10 *Боспор Киммерийский* — древнее название Керченского пролива.
- 11 *Таврика (Таврида, Таврия)* — древнее название Крымского полуострова.
- 12 *Меотида (Меотидское или Меотийское озеро)* — древнее название Азовского моря.
- 13 *Таврические горы* — древнее название Крымских гор.
- 14 *Причерноморские широты* — имеется в виду Северное Причерноморье (см. примечание 2 к «Сказу о Сварожиче»).
- 15 *Мидийский пир* — имеется в виду «Киаксаров пир», устроенный мидийским царем Киаксаром (время правления: 625–585 гг. до н. э.), на котором по его приказу были убиты многие из союзных скифских вождей, в результате чего большая часть скифов покинула Переднюю Азию после 28-летнего господства. Точная датировка этого события затруднена; по одной версии, это случилось в 605 г. до н. э.

СКАЗ О НЕВРИДЕ¹,
ПРАСЛАВЯНСКОМ КРАЕ, И О ГИБЕЛИ
СКИФСКОГО ЦАРЯ АРИАНТЫ²

*Рассказывая это (о неврах. — Авт.), они
меня не убеждают, но они, тем не менее,
рассказывают и, рассказывая, клянутся.*

Из «Истории» Геродота

I

Неврида... Страна первобытных лесов... Неведомых рек с названиями, что сродни колдовским журчаниям вод, сродни заклинаниям: Стырь, Горынь, Турья... Нарев, Стоход³... О, жители здешних невридских болотин, чуден ваш век среди леших и нимф, среди ветвистых речушек и ручейков, среди множества троп и тропинок... Для алчных, для чужаков таинственны эти места. Эй, остерегись, человек!

II

Бессмысленно... Запах пожаров с полуденной стороны, вблизи от истока Стыри разъезды скифов заметны. Их царь Арианта, вспомнив кураж, — обычай заветный, — решил поразвлечься на славу, совсем не зная цены... Последователь Мадая, надменный степной властитель повергший в разор Урарту⁴, и прочих судеб вершитель — повытоптав пашни у траспиев⁵, вновь искал глубины.

III

Вошёл. Так пловец осторожный вступает в морок реки,
в пределах дерев растревоженных дальше надо идти...
Ни жителей, ни поселений не встретилось на пути.
Чу! Даже звериных повадок не ведали степняки,
когда промелькнули тенями две рыси: нету следов...
Среди удивлённых пришельцев не стало двух седоков —
исчезли, как будто бы жили реальности вопреки.

IV

Вот вечер... И снова две тени — соратники начеку:
блеснул акинак⁶ на мгновение, рассекая одну, —
пал зверь окровавленный под ноги скифскому скакуну.
Но кто этот юноша? Невр со смертельной раной в боку...
И загомонили ордынцы шумней листвы на ветру:
«Он оборотень... Неужели?!» — вдруг слышалось ввечеру,
подхватывалось эхом. И возвращалось: «У-у-у...»

V

А лишь рассвело — и к болоту нежданно вышел дозор.
Явился посёлок пред ними, казавшийся миражом.
Настилы тянулись лучами (не подступиться кругом),
пахнуло жильём и покоем иным повадкам в укор...
Сказал Арианта: «Всем к бою!» Вмиг стался пешим отряд:
Сразиться, казалось, несложно на неразборчивый взгляд.
И заколыхалась трясина пришедшим наперекор...

VI

Вдруг вой, словно волчий, протяжный, нарушил зыбкий покой.
Взметнулись от невра стрелы, а скифы ринулись в битву —

ритмичные крики, ругань слились вдруг разом в молитву,
и жизнь, означавшая силу, бойцам годилась такой...
Уже роковой рубеж чужой царь обходит победно,
пылает ещё твердыня, стоявшая заповедно...
Но гати исчезли. Дороги тут не было — никакой!

VII

Неврида... Страна первобытных лесов... Неведомых рек
с названиями, что сродни колдовским журчаниям вод,
сродни заклинаниям: Стырь, Горынь, Турья... Нарев, Стоход...
О, жители здешних невидских болотин, чуден ваш век
среди леших и нимф, среди ветвистых речушек и ручейков,
среди множества троп и тропинок... Для алчных, для чужаков
здесь тайной пронизано всё... Эй, остерегись, человек!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Неврида* — территория, населявшаяся праславянами (неврами), по берегам рек: Буга, Нарева и Припяти с её притоками (ареал культуры: начало VII—III в. до н. э.).
- ² *Арианта* — скифский царь, живший в VI в. до н. э.
- ³ *Стырь, Турья, Горынь, Стоход* — притоки Припяти; *Нарев* — приток Буга (в некоторых источниках, наоборот, Буг рассматривается как приток Нарева).
- ⁴ *Урарту* — древнее государство IX–VI вв. до н. э. на территории Армянского нагорья (столица — Тушпа, современный Ван). Завоёвана Мидией в VI в. до н. э.
- ⁵ *Траспиш* — одно из племён скелотов, живших вдоль Днестра вплоть до предгорий Карпат (см. примечание 1 к «Сказу о скелотах»).
- ⁶ *Акинак* — короткий (40–60 см) железный меч скифов.

ОЛЬВИЙСКИЙ СКАЗ,
ПОВЕСТВУЮЩИЙ О СКИФСКОМ ЦАРЕ
СКИЛЕ¹

*Солёную рыбу свежи домой и равное количество связок для неё;
и пусть никто не занимается твоими делами, кроме меня;
и, конечно, тщательно следи за волами;
и узнай, кто будет платить дань скифам.*

Письмо Апатурия Невмению²

I

Да, Ольвию знают вдали от родных берегов,
сбравших сколотов и эллинов... и степняков.
Плывут караваны с хлебом по Борисфену³ сюда,
а из благодарной Эллады морем шлют города
узорные ткани Милета, посуды Афин...
и с острова Хиос — великое множество вин.

II

Будь славен вовеки, царь Скил! Твоя персона важна,
с безропотной Ольвии дань всегда собираешь сполна.
Однако, сколь это ни странно, люб тебе здешний уклад,
в привычку вошло пить вино среди самозванных менад⁴,
и в их Дионисиях шумных ты, конечно, знаток...
(Собратьям о том ни гугу, ни звука — просто молчок.)

III

И вот не как водится, а шесть недель напролёт
владыку в предместье рать безоговорочно ждёт...
Ордынская знать недовольна и, возможно, права:
понятно, что им не важны заморские божества.
Тут борисфенитам⁵ и не на кого попенять,
ведь если промедлить — набегу начнутся опять.

IV

Решённое дело. В Таврику отрядили гонца,
где всё-таки выслушали сколотского удалца...
И после недолгой заминки, трепетной для смельчака,
мудрейшие скифы решили действовать наверняка —
послать наблюдателей тайных в Ольвию из орды,
чтоб, удостоверясь, не допустить возможность беды.

V

Там между безумцев они разглядели царя.
Кричал он: «Эвоэ!»⁶ — неистово благодаря
престранного бога, в тот час вселявшегося в него,
и в мерзостной пляске крутясь, не замечал ничего.
«Виновен», — суровым был вынесенный приговор...
У скифов брат Скила владыкою стал с этих пор.

VI

Мир, словно весенний дух, наполнился по скифским степям —
купцы вместо войск отправлялись к чужедальним краям,
а эхо когда-то лихих сражений в былое ушло...
Так славься же, новое время, и процветай, ремесло!
Теперь вокруг Понта Эвксинского⁷ дел невпроворот:
да здравствует впредь освоение угрюмых широт!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Скил* — скифский царь, живший в V в. до н. э. и казнённый своим братом (около 450 г. до н. э.).
- ² В качестве эпиграфа использовано одно из прочтений древнегреческого письма, обнаруженного на обломке стенки амфоры в 1984 г. в процессе раскопок восточной окраины Керкинитиды (Евпатория). Письмо отнесено к V в. до н. э.
- ³ *Борисфен* — древнее название реки Днепр. В Ольвию зерно попадало из приднепровских земель скотов. Из причерноморских городов ввозилось колоссальное количество зерна. Так, оратор Демосфен в своей речи (355–354 гг. до н. э.) говорил о том, что ежегодно только из Боспорского царства в Афины доставляли более 400 тыс. медимнов хлеба (около 1 млн пудов).
- ⁴ *Менады* — в древнегреческой мифологии спутницы Диониса, бога плодоносящих сил земли, растительности, виноделия. *Дионисии* — празднества в честь Диониса.
- ⁵ *Борисфениты* — предположительно, скототские купцы, приднепровские праславяне-пахари.
- ⁶ «*Вакх, эвбэ!*» — многократное восклицание, сопровождавшее Дионисии и воздававшее хвалу Вакху (Дионису).
- ⁷ *Понт Эвксинский* — древнее название Чёрного моря (букв. — гостеприимное море).

СКАЗ О ЗОПИРИОНЕ,
ПОЛКОВОДЦЕ АЛЕКСАНДРА
МАКЕДОНСКОГО, И О ГИБЕЛИ ЕГО
ВОЙСКА¹

Охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива.

Аристотель

I

Издревле жить в мире непросто. Так было всегда.
Чуть что — пыль клубится, дела — словно сажа бела...
Война! Невозможно укрыться от этого зла,
особенно, если грядёт из-за Истра² беда...
Встревожился Северный Понт³, ожидая невзгод,
и хлынула Скифия⁴ вспять, отходя на восход.

II

Притом порождённая паникой катит молва...
Уже — сдались полисы близ устья Тирас-реки⁵.
Тут Зопириону почёт, с ним всеильные полки!
А он Александра чтит — не время для торжества, —
согласно приказу с утра дальше двинется рать:
«Незыблемо: варвары в рабстве должны пребывать».

III

Год канул как в Лету — вокруг Ольвии⁶ станом войска (понятно, непросто ведутся осады, когда защитники насмерть стоят за свои города)...

И в расположение лагеря вкралась тоска: ни золота здесь, ни поживы, ни ценных рабов — да, местный предводитель мудрее их знатоков.

IV

Чу, шум. Ликование за неприступной стеной, ведь на побережье, где зреет начало страстей, сколотские воины высадились без затей. Свирепо ударили стрелы по цели одной, хоть толком не рассвело, травы покрыты росой — вмиг третью часть эллинов срезало, будто косой.

V

«Незыблемо: варвары в рабстве должны пребывать...» Тараны поспешно оставив — забыв, кто он есть, — спесивый стратег воевать передумал. Но весть быстрее бежала, чтоб каждый про это мог знать, — и в Гетскую⁷ степь под конец сообща завели нелепого ворога Причерноморской земли.

VI

Там скифам раздолье, коль встреча была суждена... Чужая бескрайность погибельна наверняка: где кружит смертельным кольцом конница степняка, где тучи отравленных стрел, и любая — точна. Суровы военные дни, трудна эта пора — и лишь к победителям явным судьба предобра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Поход Зопириона, испытанного военачальника и македонского наместника во Фракии и Фригии, по ошибочному плану Александра Македонского, должен был пройти по северным берегам Чёрного моря и завершиться соединением с главными силами в Азии. (Учёные, бывшие в свите Александра Македонского, убедили его: встретившийся ему Яксарт (Сырдарья) и Танаис (Дон) — одна и та же река.) Эти события происходили в 332–330 гг. до н. э. По свидетельству античных историков Помпея Трога и Павла Орозия, тридцатитысячное войско, вторгшееся в скифские владения, было полностью уничтожено. Не вернулся домой и сам Зопирион.
- ² *Истр* — древнее название реки Дунай (Нижний Дунай).
- ³ *Северный Понт* — имеется в виду Северное Причерноморье.
- ⁴ *Скифия* — Скифское государство, объединение народов Северного Причерноморья во главе со скифами, образовавшееся в IV в. до н. э.
- ⁵ *Тирас* — древнее название реки Днестр.
- ⁶ Осада Ольвии длилась полтора года, в период с 331 по 330 гг. до н. э.
- ⁷ *Гетская пустыня* — древнее название Буджакской степи в Северо-Западном Причерноморье (область между Днестром и Прутом — позднее стала известна как Бессарабия).

СКАЗ О РАДИМЕ И ВЯТКЕ,
ПОВЕСТВУЮЩИЙ О ГОТОНСКОМ
И САРМАТСКОМ НАШЕСТВИЯХ

Радимичи и вятичи от ляхов¹. Было у ляхов два брата — Радим и другой Вятко. Пришёл и поселился Радим по Сожу и от него назвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него назвались вятичи.

Из «Повести временных лет»

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I

Венеды² — плоть лужицкая и кровь, —
потомки преславного Святовита,
известна ли вам счастливая новь,
в которую вера столь плодовита,
что сказок об этом не перечесть?
И всё-таки изменения есть...
Молва мореходная деловита,
известно: Венедскими³ нарекли
просторы морские близ их земли.

II

Светает. Ещё над Коданьском⁴ туман.
Слышна подготовка морского дозора.
Уже и приказ к отправлению дан —
отчалили, вышли в залив для обзора
младые дружинники. Главный — Радим,
доселе меж сверстников несокрушим.
Уверенный, словно не ведал позора...
Слова и поступки — всегда напрямик...
Но, чу! Отдалённый послышался крик.

III

На миг воцарилась вокруг тишина.
Был следом за этим Коданьск атакован.
Радим, участь бьющихся предreshена —
да только твой выбор вполне обоснован
(понятен тебе вопиющего глас,
в сражении старший брат Вятко сейчас)...
Благими порывами шаг продиктован:
негоже спастись, коль рядом беда!
За вёсла взялись — забурлила вода.

IV

В ответ — запылали тотчас дома.
Готонам⁵ какое дело до пленных?!
Их конунг⁶ не тратит сил задарма:
первейшим из ратников соплеменных
оставлена Скандия⁷ навсегда
для свеев⁸, им также жалость чужда...
Теперь на земле племён дерзновенных
как памятка всевозможным врагам —
встать каменным укреплённым постам.

V

Вдоль правобережья Вистулы-реки
Радим вместе с Вяткой, презрев кривотолки,
уходят привычкам своим вопреки,
вернее, спасают былого осколки:
за ними на полдень спешат стар и млад,
для воинов это не лучший расклад...
Вот Буг. Не из праздности, как балаболки, —
по делу собрался на сходе народ.
Все дружно решили идти на восход.

VI

Кто знает, что дальше судьбой суждено...
Венедам же, тем, кто надумал остаться,
вождём славных рогов⁹ провозглашено,
что он, Радегаст¹⁰, не желает сдаваться.
И непримиримо сходились войска —
противостояние длилось века,
не выявив первых в искусстве сражаться...
Народным сказаниям нету числа,
в них память соперников пережила.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

I

Чащобами от Вистулы-реки,
полесскими топями на восход,
где к Роси стекаются ручейки:
Радим вместе с Вяткой, с ними народ —
собратья, бегущие от готонов
и унижений древних канонов,
различный люд из венедских племён,

собой преграждавший вражеский путь, —
он выжил, остался не покорён...
А бит — так не в чем его упрекнуть!

II

Но только и скифо-сколотский мир
тревожен, ведь в лесостепях беда:
сарматы¹¹, устроив кровавый пир,
палят поселения, города —
в том пришлые орды крайне жестоки...
Как встарь, потекли невольничьи токи,
их в гаванях Понта¹² ждут корабли
и напоминания те грустны —
пред всеми исчезнувшими вдали
заведомо не искупить вины.

III

Повадки, когда степняк окрылён,
привычны для здешних мест с давних пор —
спешили в леса остатки племён,
коль им не хватало сил на отпор.
На Княжьей Горе¹³ черно от пожаров:
не выстоял стольный град катиаров¹⁴ —
не радуется боевая страда...
Но только известна крепость Самбат¹⁵ —
за нею леса, — спасаясь, туда
со всеми Радим и Вятко спешат.

IV

И больше — ни пяди: о, Стырь, Горынь!
Угодья невридские тайн полны:

чужому вода горька как полынь,
чащобы безрадостны и мрачны.
Венеды ж, сколоты, невры — едины,
у них впереди лихие години...
Остался Радим на Соже-реке,
а Вятко людей повёл на восход
и место себе нашёл на Оке.
Тут важно, что всё-таки жив народ.

V

Так слава когда-то чтимым богам,
помогшим спастись в лесах от врагов!
Так слава достопочтенным отцам,
водившим стезёй нелёгкой сынов!
Так слава бойцам прошедших сражений,
познавшим горнило лютых вторжений!
Об этом не забывай, каждый ген,
сопутствуя жизни наверняка!
И пусть будет край наш благословен
и ныне, и в будущие века!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Скорее всего, имелись в виду переселенцы с запада, так как название *ляхи* (*поляки*) относится к более поздним временам, когда писались русские летописи.
- ² *Венеды* — праславянские племена, пришедшие на смену лужицким, и именуемые так античными авторами.
- ³ *Венедские воды* (*Венедский залив*) — древнее название южной и юго-западной части Балтийского моря.
- ⁴ *Коданьск* — древнее название города Гданьска; следы существования первых поселений на его территории датируются

2500–1700 гг. до н. э. Наименование Гданьск впервые упомянуто в 999 г. летописцем Святого Войтеха бенедиктинским монахом Яном Канапарьюшем в форме *Gyddanyzс*, происходящей от старославянского *Gdanieск* (корень *gd* связан с «мокротой», «влажностью»).

- ⁵ *Готоны* (позднее — *готы*) — германский племенной союз, вероятно первоначально обитавший на территории Скандинавии.

Из «Гетики» Иордана:

«Так вот, готы помнят, что они некогда вышли вместе со своим королём по имени Бериг с этого острова Скандзы, словно [из] мастерской, [изготавливающей] народы, или же как будто [из] лона племён...»

- ⁶ *Кóнунг* — вождь племени, высший представитель родовой знати, военный предводитель у древних скандинавов.

- ⁷ *Скандия* — древнее название Скандинавии.

- ⁸ *Свеи* (*свеоны*, позднее — *шведы*) — германский племенной союз, вероятно, отвоевавший у других германских племён территорию нынешней Швеции.

- ⁹ *Руги* (*рании*, *раны*, *руяне*) — жители острова Рюген (Рана, Руяна, Руян, Буян), венеды-мореходы.

- ¹⁰ *Радегаст* — предположительно, легендарный вождь праславян (венедов), ставший после смерти языческим богом, чьё изваяние находилось в Ретре (см. примечание 13 к «Сказу о Сварожиче»).

Из Е.А. Грушко и Ю.М. Медведева:

«...Начали его (божество. — *Авт.*) именовать Радегастом, «ратным гостем»... Некогда Радегасту была принесена в жертву голова епископа Мекленбургского Иоанна, желавшего обратить славян-язычников в христианство».

- ¹¹ *Сарматы* — собирательное название ираноязычных кочевых племён, вытеснивших скифов из Северного Причерноморья, а праславянские племена — из лесостепной полосы, в III–II вв. до н. э. В IV в. н. э. разгромлены гуннами.

- ¹² Имеется в виду Чёрное море (Понт Эвксинский).

- ¹³ *Княжья Гора* (*Родень*) — праславянский град, находившийся близ впадения Роси в Днепр.

- ¹⁴ *Катиары* — одно из племён сколотов (см. примечание 1 к «Сказу о сколотах»).

- ¹⁵ *Самбат* — праславянская крепость, построенная в скифские времена на правом берегу Днепра; на одном из холмов, что позже был назван Киевским. В V в. н. э. на этом месте возник «городок Кия» — Киев.

СКАЗ О НОВОЙ СКИФИИ И О ВРЕМЕНАХ ЦАРЯ СКИЛУРА¹

Будучи опустошаем варварами, этот город (Херсонес. — Авт.) принуждён был взять себе покровителем Митридата Евпатора²... Митридат... стал воевать со скифами, бывшими тогда под властью Скилура...

Страбон

I

Как будто бы плоть рассекая мечом,
сарматы степями до Истра прошли.
И сразу молва зашумела о том,
что женщины — воины дикой земли³...
Но только в той выдумке кроется вред,
ведь Скифия слухами наводнена,
а Таврика переселенцев полна,
бежавших туда от свалившихся бед.

II

И переменялся полуночный мир.
Был выстроен скифами каменный град —
Неаполь⁴ — столица на речке Салгир:
предмет средоточия всяких услад;

приют соплеменников разноязычных,
бродячих философов, и мудрецов,
разгульных поэтов, и беглых рабов,
и жителей, к здешним порядкам привычных...

III

Шло время... В Неаполе новым царём
стал скифо-сколотский наследник Скилур.
Державой он бредил и ночью, и днём —
и в помыслах не допуская сумбур...
Эй вы, чужеземцы, торговцы рабами —
не спите, пред скорой смертельной игрой.
У Таврики есть вожденный герой!
И вот его рать пыль вздымает клубами.

IV

Очнулась, воспрянула духом страна:
и Тира⁵, и Ольвия возвращены,
и часть Борисфена в низовьях вольна...
С врагами неистово бьются сыны,
потомки сородичей непобедимых —
в недавних столетиях сеявших страх, —
ещё имена их у всех на устах
среди протяжённостей необозримых.

V

Идут побережьем войска неспроста,
по части военной здесь верен расчёт:
отрядами Керкинитида⁶ взята,
теперь Херсонес⁷ нападения ждёт...
И это не ново: в тех древних веках

за Таврику битвам греметь не впервой —
пробьёт и для Скифии час роковой,
лишь память о ней не развеется в прах!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Скилур* — скифский царь, живший во II в. до н. э. С ним связан период расцвета Скифского государства.
- ² *Митридат VI Евпатор* (132–63 гг. до н. э.) — царь Понтийского царства. Подавил восстание рабов под предводительством Савмака (107 г. до н. э.) в Боспорском царстве. Подчинил всё побережье Чёрного моря. В войнах с Римом был побеждён и покончил с собой.
- ³ Имеются в виду савроматы — с III в. до н. э. их объединение с другими ираноязычными кочевыми племенами стало называться сарматами; согласно Геродоту, произошли от мифических амазонок и скифских юношей. Известно, что в общественной жизни савроматов значительную роль играли женщины, которые наравне с мужчинами владели луком и мечом, управляли конём.
- ⁴ *Неаполь Скифский* — столица Скифского государства в Крыму (III в. до н. э. — III в. н. э.), развалины около Симферополя.
- ⁵ *Тира* — античный город на берегу Днестровского лимана, современный Белгород-Днестровский.
- ⁶ *Керкинитиды* — античный город на месте современной Евпатории.
- ⁷ *Херсонес* — древний город; развалины на окраине современного Севастополя.

КРАТКИЙ СКАЗ О ПРАСЛАВЯНАХ И ОБ ИСХОДЕ ГОТОНОВ ИЗ ВЕНЕДСКИХ ЗЕМЕЛЬ

*Мать, воспитывая детей, готовила их
быть воинами и непримиримыми врагами
тех людей, которые оскорбили её близ-
ких; ибо славяне, подобно другим народам
языческим, стыдились забывать обиду.*

Н. М. Карамзин

I

Не годы — четыре столетья прошло.
Венеды с готонами бились не раз —
и только мужали всем бедам назло,
храня Радегаста призыв как наказ.
И выросло племя героев на славу —
так, верно, вулкан бережёт свою лаву...
Возглавили рати: Всеслав, Вышеслав
(известно им в стычках с врагом наслажденье)
и юный Мстислав (хоть непрост его нрав —
давно отошёл он от детских забав,
готовя отечеству освобожденье).

II

Серьёзно за ратное дело взялись.
Готоны ж в сраженьях невзвидели свет.
Вожди их на сходе своём собрались —

нелёгкое вынес решенье совет...
В полесье часть племени вышла походом —
все канули в вечность, бродя год за годом!
Оттуда не выбрались уж никогда,
там странниками навсегда и остались.
Им выпала гибельная череда:
болота, чащобы, мошка, холода —
ни весточки, словно ни с кем не встречались.

III

Напрасно вестей дожидались от них,
ведь жил в тех краях непокорный народ...
И вот уже голос надежды затих —
тогда начался по Вистуле исход¹.
На полдень стал двигаться к цели желанной²
обоз, окружённый заботой охранной.
Амалы и балты³ без внутренних склок
упрямо преодолевают преграды:
засады, наскоки — противник жесток,
но вскоре ещё один сделан шажок.
И нету готонам ценнее награды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из Ф. И. Успенского:

«Из первоначальных мест своего обитания у Балтийского моря они (готы. — Авт.) в конце II в. (160–170) двинулись к югу и произвели здесь перемещение народов Восточной Европы. Передвижение готов с севера на юг продолжалось по крайней мере 30 лет...»

Из «Гетики» Иордана:

«Когда же так возросло большое множество народа и правил уже чуть ли не пятый король после Берига, Филимер, сын Гадарига, [у него] возник замысел двинуть войско готов вместе с семьями оттуда дальше. Пока он искал наиболее удобные места обитания и подхо-

дящие местности, пришёл в земли Скифии, которые называются на их языке Ойум».

² Из Б. А. Рыбакова:

«В статье В. Н. Топорова («Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы». М.: Балто-славянские исследования 1982 г., 1983. — *Авт.*) очень интересно предположение, что под «желанной землёй» Ойум, куда стремились готы из Балтики, следует понимать дунайские гирла».

Из Б. А. Рыбакова:

«Основные выводы исследовательницы (*Буданова В. П.* Готы в системе представлений римских и византийских авторов о варварских народах. Вып. 178. М.: КСИА, 1983. — *Авт.*) таковы: первой волной готов были везеготы, направившиеся в конце II в. на Дунай и не заходившие восточнее Днестра. Остроготы продвинулись несколько позже, в первой половине III в., к Меотиде...»

³ *Амалы, балты* — два самых могущественных готонских рода.

Из Ф. И. Успенского:

«...Река Днестр разделяла готов на две части: восточную и западную. Неизвестно, вынесли ли они с родины разделение на две ветви, или уже на римской границе образовалось разделение; во всяком случае, в III в. готы разделяются на остготов и вестготов. Первые назывались на туземном языке ещё грейтунгами, ими владычествовал род Амалов; вторые именовались тервингами и были под управлением рода Балтов».

Книга легенд

*Расстанная — улица, как правило,
ведущая к захоронению или кладбищу*

Я уйду всё дальше по улице Расстанной.
Всё отчетливее слышны голоса отставших,
давно забытых людей, всё-таки не узнавших
(и потому как бы замерших в надежде тайной) —
а что же там? А там — ничего, кроме дороги.

ЛЕГЕНДА О GERMANAPPIHE¹

I

О, конунг славнейший из рода амалов,
король остроготов², ты сделал немало —
в степном Приазовье нет равных тебе.
О, Германарих³, счастливчик, судьбе,
значит, угодно, чтоб длился твой век...
Вот Винитарий, племянник внучатый,
вроде недавно — юнец прыщеватый,
ныне — воитель, почти что стратег,
в честь внука (плодись христианами, мир!)
гостей созывает на княжеский пир.

II

Средь лета жара над равнинным раздолем —
там, в полюшке, и происходит застолье:
гуляют лишь с вечера и до утра,
потом каждый спит под кровом шатра,
иль дремлет... Так миновало два дня.
Но кто вдалеке пылит на дороге
с той северной стороны, где Пороги⁴,
где Днепр быстрее любого коня?
Чьи всадники сопровождают обоз?
Похоже, купцы — по всему «люди рос»⁵.

III

Да, ясное дело, что росомоны!
Уже и хозяин неугомонный
спешит им навстречу — приветственный крик
несётся над полем. В ответ напрямик
два всадника мчат, направляясь к нему,
как будто участвуют в яркой погоне.
А встретились — топчутся рядом их кони...
— Привет, Винитарий! Тебе одному
мы искренне рады в здешних местах.
— Ах, Аммиий... Ах, Сар... Друзья мои... Ах!

IV

И солнце зашло. Смеркается. Готы
продолжили пир. Их мысли вольготны,
разносятся тосты один за другим,
и лишь Германарих сидит нелюдим.
Он видел торговцев, приехавших днём, —
заботят его в связи с этим два брата
(здесь дело в минувшем — «мучения ада»)...
Они же, напротив, беспечны во всём:
то что-то горланят наперебой,
то смирно беседуют между собой.

V

Была и сестра — Сунихильдою звали:
забудет о том Германарих едва ли, —
он помнит, когда вдруг явилась она,
сказав, что от мужа принуждена
бежать... Винитарий её опекал...

Но вождь росомонов гонцу наказал
потребовать смерти беглянки-жены —
и верил: союзники долгу верны...
Вновь сердце заныло в порыве тревожном,
ведь то, что случилось, по сути, безбожно⁶.

VI

Довольно, чего горевать об итоге...
Багрянит заря облака на востоке.
Гостям по шатрам расходиться пора,
вот-вот должна воцариться жара.
Эх, ноченька третья, как ты коротка!
Забыто нелепое наваждение —
предчувствию найдено подтверждение:
из Крыма ударили исподтишка
свирепые гунны, кордоны разбив, —
вон конник оттуда едва-едва жив.

VII

Судьба, что поделать, — обыденно, скучно
без этой затейницы — с ней неразлучна
(как ты ни крути, ни верти) наша жизнь:
сегодня король, а чуть позже держись, —
неведомо! — всё может статься с тобой...
Хоть следует вывод весьма презабавный,
командует бойко амал достославный:
уверен он в силах своих (завтра бой).
Но конунгу плохо! Неистовый зной
туманит рассудок...
— Эй, кто предо мной?!

VIII

— Я, Аммий...

— Я, Сар...

Два кинжальных удара
пронзили героя — его поджидала
нелепая смерть. Знатный воин поник.
Мгновение — и повалился старик⁷...
О, как бы ты ни был от них отдалён,
почувствуй: их время коварно, жестоко,
в их время зуб за зуб и око за око —
закон росомонов и многих племён.
И полно. Пускай успокоится прах
случившегося в Приазовских степях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Событие, о котором идёт речь, произошло, предположительно, в 375 году.
- ² *Остроготы (остготы, грейтунги)* — германское племя, жившее в III–IV вв. в Приазовье и Крыму, восточная ветвь готов. В конце IV в. были вытеснены гуннами на запад.
- ³ Имена героев данного произведения в «Гетике» Иордана имеют латинизированную форму: *Hermanaricus, Vuinitharius, Ammius, Sarus, Sunihilda*.
- ⁴ Имеются в виду девять порогов на 75-километровом участке Днепра (между современными Днепропетровском и Запорожьем), ныне затопленные водохранилищем Днепровской ГЭС. Впервые об этом участке Днепра упоминает в V в. до н. э. Геродот.
- ⁵ По версии, развитой Б. А. Рыбаковым: «...“Люди рос”... “росомоны” Иордана — обитатели как киево-росского региона, так и заселённого отсюда района днепровской луки и Порогов».
- ⁶ Из «Гетики» Иордана:
«...Король (Германарих. — Авт.), движимый яростью, приказал некую женщину по имени Сунихильда из названного рода (росомо-

ны. — *Авт.*) за коварный уход от мужа разорвать, привязав к свирепым лошадям и побудив [лошадей] бежать в разные стороны...»

⁷ Из «Гетики» Иордана:

«Между тем Германарих... скончался на сто десятом году жизни». Исследователи датируют смерть Германариха 375 г. Тогда, по Иордану, сообщившему о смерти короля в 110-летнем возрасте, следует считать, что Германарих родился около 265 г.

ЛЕГЕНДА

О ДЕНГИЗИКЕ И АНАГАСТЕ¹

I

Константинополь, ликуй и смейся!
Время расставило всё по местам:
знай — император земли ромейской²
высокомерен отныне к послам
сына Аттилы... Смотри — это так!
Их кавалькада бежит меж зевак,
сквозь беззастенчивый уличный гам.

II

Эх, Денгизик³, как и братья твои,
ты унаследовал годное дело —
лет на пятнадцать назад посмотри...
Чувствуешь разницу? (Осиротело
войско у гуннов⁴ со смертью отца.)
Можно ль равняться с великим Аттилой:
помнится, старший прослыл заводилой —
где он? — в Паннонии⁵ прах молодца...
Ты же, предвидев беславный финал,
в Дакию с перепугу бежал.

III

Чем не доволен ты, друг мой, теперь?
Вы обеспечены с братом Ернаком⁶ —
хватит наследства и внукам, поверь...
Но размышления длятся под знаком
воспоминаний далёкого дня:
Константинополь напомнил об этом
высокомерным и наглым ответом,
невесть чего о себе возомня.
Стыдно?! И — пламенем ярким горит
константинопольский манускрипт.

IV

Да, при Недао⁷ случилась беда⁸...
И Анагаст⁹ не забудет об этом:
много друзей потерял он тогда,
и не является вовсе секретом,
что с той поры на лице его шрам —
анты¹⁰ дрались рядом с гуннами дружно,
и от германцев они малодушно
не удирали к Карпатским горам.
Он и теперь, Византии служа,
встал у дунайского рубежа.

V

Фракии северная граница.
Там, в Подунавье, понятливый люд —
за вереницею вереница
в горы торопится... Бросив уют,
переселенцы уходят на юг
(только дурак иль чванливый битюг —
ждёт, когда гунны Дунай перейдут).

VI

Ты возмужал, Денгизик, спору нет!
Ты не простишь Византии надменность —
хватит позором наполненных лет!
Время пришло. Наконец дерзновенность
крови отцовской выиграла в тебе...
И получается вроде бы ладно:
бьются с противником гунны нещадно.
И побеждают... Но в этой борьбе
не обозначен ещё Анагаст,
впрочем, ведь он на сюрпризы горазд.

VII

Он во Фракийской земле командарм —
военачальник из племени антов,
только однажды изведавший срам:
бит под командою мнимых талантов.
Сын же Агтилы один из них — здесь,
нет и нужды представляться друг другу!
Вот Анагаст поправляет подругу —
значит, пора... И разносится весть,
что Денгизик в окружение взят
(с ходу попался в одну из засад).

VIII

М-да, а кишка-то, как видно, тонка...
Ну и наследничков дал Бог Аттиле,
им не водить бы в сраженье войска,
а наслаждаться домашней идиллией
в знатных покоях... Тьфу, экая блажь!
Время наводит порядок умело:
тщетно, что молод, что действуешь смело,

что ощутил наконец-то кураж...
Поздно, друг мой! И тебе ли не знать —
кто-то ведь должен в бою проиграть.

IX

Всё. И посыльный в Дакию мчится:
мёртв Денгизик — гибель стала молвой.
Всякому можно теперь глумиться
над отсечённой его головой¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Событие, о котором идёт речь, произошло в период Дунайской войны 468–469 гг., по окончании которой «Империя гуннов» перестала существовать.
- ² Из Ф. И. Успенского:
«Известно, что сами обитатели Византийской империи не называли себя ни римлянами, ни эллинами или греками, а ромеями, так что Византийская империя официально носила наименование Ромейской».
- ³ *Денгизик* — сын Атиллы, предводителя гуннов. (При Атилле, скончавшемся в 453 г., гуннский союз племён достиг наивысшего могущества.)
- ⁴ *Гунны* — кочевой народ, сложившийся во II–IV вв. в Приуралье из тюркоязычных хунну и местных угров и сарматов. Возглавили мощный союз племён, предпринимавший опустошительные походы во многие страны.
- ⁵ *Паннония, Дакия, Фракия* — древние названия областей Центральной и Южной Европы.
- ⁶ Ернак сделал на время местом своей ставки Бессарабию и не поддерживал брата в его атаке на византийские владения.
- ⁷ *Недао (Недава)* — река, которую можно отождествить с одним из мелких притоков Савы. Находится на территории современной Венгрии (Паннонии).

⁸ В 454 г. в битве при Недао гунны во главе с сыном Аттилы Еллаком были разгромлены объединёнными германскими племенами.

⁹ Из Г. В. Вернадского:

«...Командующий армией (византийской. — *Авт.*) во Фракии — Анагаст — был скифом, согласно свидетельству хроник. К пятому веку термин «скиф» стал довольно неточным, означая в целом северного варвара. Позднее он иногда употреблялся для обозначения славян. В этом смысле он, возможно, обозначал антов. Анагаст — типичное антское имя».

¹⁰ Из «Гетики» Иордана:

«Анты же... там, где Понтийское (Чёрное. — *Авт.*) море делает дугу, простираются от Данастра (Днестр. — *Авт.*) вплоть до Данапра (Днепр. — *Авт.*). Эти реки удалены друг от друга на много переходов».

Из очерка В. В. Седова («Очерки истории культуры славян»):

«Эта культурно-племенная группировка (анты. — *Авт.*) отчётливо выделяется на юго-востоке раннесредневекового славянского мира, преимущественно между нижним Дунаем и Северским Донцом».

¹¹ Из Г. В. Вернадского:

«Анагаст послал голову хана (Денгизика. — *Авт.*) в Константинополь, где её пронесли по главным улицам и потом закрепили на шесте в деревянном цирке».

ЛЕГЕНДА ОБ АРДАГАСТЕ¹

I

Как половодье-то разлилось...
Да уж, твой нрав, славянская нация,
знают и Греция, и Далмация² —
всем на Балканах несладко пришлось —
с миром, а чаще с огнём и мечом
из Подунавья ты шла напролом.

II

Этой весной бездорожье — напасть...
Нынче во Фракии зыбкая власть.
Разве склавены³ и анты забыли,
как за Дунай вновь отброшены были?
(Осенью много их здесь полегло.)
Не завершается миром такое!
Кроется что-то за этим другое, —
видимо, время ещё не пришло.

III

«Нечего ждать, когда воды спадут...»
Возведена эта мысль в абсолют —

в Константинополь с восточной границы
тянутся воинские вереницы⁴.
Далее путь их лежит на Дунай,
к северному рубежу Византии.
Через дорожные перипетии
только и знай — лошадей погоняй!

IV

А на враждебной для них стороне
дни чередуются без потрясений,
разве что дети под солнцем весенним
стали шумнее в своей беготне.
Многоголосьем селенья полны —
радуйся, люд, наступленью весны!

V

Только веселье — самообман...
Многим посылным приказ уже дан —
звать на подмогу склавенов и антов:
не существует иных вариантов
после того, как пришло в Доростол⁵
сильное воинское подкрепление.
(В крепости целое столпотворенье —
сразу понятно, к чему этот сбор.)

VI

Ведь Ардагаста⁶ тут не проведёшь!
Вряд ли кого поискусней найдёшь:
зорко следит за делами напротив,
передовые отряды утроив...
(Чтоб ни случилось на том берегу —

сразу разведка об этом доносит.)
Вождь начеку — и о помощи просит,
не полагая отпор дать врагу.

VI

И не забыто: он — ант по отцу,
мать же — из местного рода склавенов...
Зная закваску, сказать откровенно,
в курсе враги, каково удальцу
ждать за Дунаем удобной поры —
там, где горят боевые костры.

VII

Ночь в напряжении, как струна,
лишь надоест — и прощай тишина...
Лязгнул металл, кто-то вскрикнул призывно,
и — началось тут... Но интуитивно
смог Ардагаст этот час угадать.
Он обманул неприятеля ловко:
лагерь, костры, силуэты — уловка.
Где же теперь ты, склавенская рать?

VIII

Неторопливо подкрался рассвет —
так на вопрос и не найден ответ...
Странные вещи кругом происходят:
в здешних селеньях людей не находят —
стала безлюдною вдруг сторона —
в ближних лесах схоронились, наверно,
впрочем, известно о том достоверно...
Ясное дело: война есть война.

Х

Нет, Ардагаст не сдавался врагу...
Он уже чувствует, что близко подмога,
и выждать им придётся не много
(скверно, когда остаёшься в долгу).
Анты, склавены — ведут свой расчёт:
Константинополь, расплата грядёт!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Событие, о котором идёт речь, произошло в начале Византийских кампаний против славян, в 592 г.
- ² *Далмация* — древнее название области в Южной Европе, на территории современных Хорватии и Черногории.
- ³ *Из очерка В. В. Седова («Очерки истории культуры славян»):*
С(к)лавены — «...культурно-племенная группировка раннесредневекового славянства... Географическими координатами расселения рассматриваемой группировки славян по Иордану являются река Сава на западе, Висла — на севере, Днестр — на востоке... Установлено, что -к- в написании этого этнонима вставное и, таким образом, это первое упоминание славян в письменных источниках под своим именем. Правда, источники имеют в виду здесь не весь славянский мир раннего Средневековья, а лишь его крупную племенную группировку. Но остаётся несомненным, что в отличие от венедов или антов это самоназвание славян».
- ⁴ *Из Г. В. Вернадского:*
«Как только война с Персией закончилась и мирный договор с шахом был подписан (591 г.), у Маврикия (византийский император. — Авт.) появилась возможность лучше уладить дела на Балканах».
- ⁵ *Доростол (Дристр)* — древнеримская крепость на правом берегу Дуная; в настоящее время Силистра, город и порт в Болгарии.
- ⁶ *Из Г. В. Вернадского:*
«Славяне, против которых воевал Приск, в источниках называются склавенами... Имя славянского князя, главного противника Приска, как это отмечено в источниках, было Ардагаст... скорее антское...»

ЛЕГЕНДА О САМО¹

I

Недолог для жителей век на Земле —
все смертны. И даже князя — в их числе...
За крепостною стеной суета:
посланцы едут и едут сюда.
А в опочивальне царит полумрак —
жизнь еле заметна. Но это не так...

II

Не правда, что Само² забылся во сне:
гарцует по-прежнему на скакуне!
Вот в Сансе³, у франков⁴, — торопит купцов:
доставить оружие венедам⁵ готов
(в купеческом деле он — первый знаток).
И вскорости вышел обоз на восток,
в Моравию⁶ путь их неблизкий лежит.
Ах, молодость! Песни да цокот копыт...
Преграды, опасности — всё по зубам
рубакам, затейникам и ловкачам.

III

Не ради наживы живёт человек...
Венеды отбили аварский⁷ набег.

И Само с друзьями был тоже в боях —
соратники гибли в далёких краях,
пока не отхлынул в Паннонию враг.
Для всех нынче Само не просто вожак —
он славен: слагаются песни о нём —
в венедских селеньях с ним каждый знаком.
Тогда и решили на сходе вожди:
другого-то князя — попробуй найди!

IV

И князь улыбнулся окутавшей мгле —
что может быть лучше на этой Земле:
верны ему вкупе двенадцать племён;
прелестны двенадцать молоденьких жён,
где каждая — дочь одного из вождей
(похвальна традиция здешних людей!);
к тому же идут отовсюду послы,
с почтением он принимает хвалы —
и строят мосты, и оружие куют,
и вверенные рубежи стерегут⁸.

V

В столице по-прежнему суета:
посланцы всё прибывают сюда.
А в опочивальне царит полумрак —
жизнь еле заметна. Но это не так...

VI

Сихарий — вдруг вспомнилось имя посла,
чья речь оказалась чрезмерно смела...
Его повелитель, король Дагоберт⁹,
навряд ли напутствовал истинный бред:
грабёж ведь случился совсем неспроста —
к чему тут неверие наше в Христа¹⁰?

«Ну, хватит! Вы Богу по-рабски верны,
мы ж — псы, и кусать беспрестанно должны
любого, кто действует против Него», —
так Само сказал в завершение всего.

VI

Задело: обиделись франки?! Позволь,
а как христианством кичился король...
Вот в Чехию¹¹ вторгся с отрядом своим —
наверно, уверен, что непобедим;
но Само предвидел такие шаги —
разбиты под Вогастисбурком¹² враги...
Нет худа, говаривают, без добра —
судьба на такое бывает щедра, —
в конечном итоге род сорбов¹³ примкнул,
при этом не важен звучавший посул.

VIII

Проходят недели, проходят лета —
у Само в привычку вошла суета...
Он чуткий наставник своих сыновей —
не князь он, а некий лесной муравей:
где надо — былинку на гору несёт,
где надо — охрану владений ведёт...
Да, кстати: сынов у него — двадцать два;
и дочек — пятнадцать. (Всё без хвостовства.)
Он княжит уже тридцать пятый годок —
тут в целом прожить бы означенный срок!

IX

А в опочивальне покой, полумрак —
там жизни не слышно: источник иссияк.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ События, о которых идёт речь, произошли в период 623 — около 660 гг.

² *Сáмо* — славянский князь, основатель первого политического объединения западных и части южных славян (территории Чехии, Моравии, Словакии, земли лужицких сербов, отчасти словенцев и хорватов).

Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

«Этническая принадлежность Само издавна вызывает споры... Гипотеза о том, что он был романизированным кельтом, галло-римлянином, представляется пока наиболее обоснованной... И всё же вопрос остаётся открытым».

³ *Санс* — город во Франции, на Нижней Йонне, к юго-востоку от Парижа.

⁴ *Франки* — группа германских племён, живших в III в. по Нижнему и Среднему Рейну. В конце V — начале VI в. завоевали Галлию, образовав Франкское государство.

⁵ *Венеды (венеты)* — имеются в виду славяне с центром обитания в Повисленье.

Из «Гетики» Иордана:

«У их (Карпаты. — *Авт.*) левой стороны, которая склоняется к северу, от истока реки Вистулы (Висла. — *Авт.*) на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они всё же называются славянами и антами».

Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

«К началу VII в. этноним *Venedi* в разных его написаниях (*Venetii*, *Winedi*, *Winidi* и т. п.) уже утвердился в латинской литературе Запада как обозначение славян. По-видимому, он был более употребителен в обыденной, разговорной речи, тогда как термин *Slavi* принадлежал скорее миру книжной учёности».

⁶ *Моравия* — историческая область в Чехии.

Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

«Где жили славяне, к которым отправился Само и которые затем “избрали его над собой королём”, точно установить невозможно. Ясно, что речь идёт о пограничье Аварской державы, открытом для аварских набегов и для славяно-аварских культурных взаимовлияний, но не находившемся в начале VII в. под прочным контролем хагана. Как свидетельствует археология, такими областями могли быть тогда Южная Моравия, прилегающие к ней районы Нижней Австрии и Юго-Западная Словакия».

⁷ *Авары (обрыв)* — племенной союз, главным образом тюркоязычных племён. Совершали набеги на славян, франков, Византию. В VI в. образовали в бассейне Дуная государственное объединение, с политическим и религиозным центром в Паннонии.

⁸ *Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):*

«...Обширная “держава” Само представляла собой, очевидно, временную конфедерацию славянских племён, вступивших тогда в борьбу с аварами (войны велись до 630 г. — *Авт.*), причём границы этой конфедерации были подвижны, могли изменяться: одни племена отпадали, другие присоединялись (как сорбы в 631/632 г.)».

Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

«Обширная антиаварская конфедерация многих племён не могла быть прочной и после смерти Само (около 660 г.), скорее всего, распалась: дальнейших известий о ней нет. Ни социальные, ни политические предпосылки для возникновения у славян в Среднем Подунавье устойчивого государства в VII в. ещё не сложились».

⁹ *Дагоберт I* — франкский король из династии Меровингов, правил в 629–639 гг.

¹⁰ *Из так называемой «Хроники Фредегара»:*

«В тот год (631/632. — *Авт.*) славяне, именуемые винидами, в королевстве Само в большом множестве убили франкских купцов и разграбили [их] добро... (Из дальнейшего текста следует, что нападению на купцов уже предшествовал какой-то иной конфликт между сторонами. — *Авт.*) Сихарий, как неразумный посол, произнёс слова осуждения, которые [ему] не было поручено говорить, и угрозы против Само... Сихарий сказал (в частности. — *Авт.*): “Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи могли установить дружбу с псами”».

Уподобление язычников псам, восходит к евангельской аллегории «бросить хлеб псам» и ряду других новозаветных текстов.

¹¹ Чехия — имеется в виду Богемия, название территории в бассейнах реки Лаба и её притока Влтавы.

¹² Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):

«...Вогастисбург был стратегически важным пунктом, прикрывавшим резиденцию Само с запада... Проведённые Бубеником раскопки славянского городища VII–X вв. на горе Рубин у Подборжан в Северо-Западной Чехии дали серьёзные основания полагать, что там и находилась знаменитая крепость. Эта гипотеза пока наиболее предпочтительна...»

¹³ Сорбы (лужицкие сербы, лужичане) — группа славян, пришедших с юго-востока, и образовавших территориально-этническую общность на рубеже VI–VII вв. в южной части междуречья Эльбы и Заале, между Средней Заале и Средней Мульде.

ЛЕГЕНДА О КАРЛЕ ВЕЛИКОМ

И ДРАЖКО¹

I

На улицах Ахена² столпотворенье:
оружия лязг, конский топот и гвалт.
Над всем словно псиной пропахшим скоплением
скабрёзные шутки и хохот звучат.
Карл³ снова войною на саксов⁴ идёт —
в победе уверены все наперёд:
такое случалось — припомнить приятно, —
топтали Саксонию неоднократно!

II

Саксонская вольность — прескверное дело:
одно беспокойство — крести ни крести,
а всё же язычество прёт оголтело;
повсюду крамола — другого не жди.
Грабёж ли, пожар ли — им что́ за напасть,
ведь франков они не считают за власть:
лишь раны залечат, и вот уже снова
у знати саксонской мятеж обоснован.

III

Но Карл не простак — вместе с войском в походе
огнём и мечом усмиряет врагов.

Порядок известен в его обиходе —
любому воздать по заслугам готов.
И шлёт к ободритам⁵, за Эльбу, посла —
нордлиудов⁶ просит он выжечь дотла,
покуда Саксонию опустошает.
И этот порыв уваженье внушает.

IV

Известно, что вождь ободритов с ним дружен...
Бурлит, собираясь в поход, Велиград⁷:
здесь повод особый и вовсе не нужен,
здесь давние счёты свести каждый рад —
в привычку с соседями повоевать...
Вновь Дражко⁸ на запад ведёт свою рать —
соратники тоже полны возмущенья —
нордлиудам не миновать укрощенья!

V

Ох, саксам за Эльбой приходится туго —
горят их селения и города...
Пускай же вторженье послужит наукой,
пускай не забудут о том никогда —
отныне и до окончания веков
запомнят, порядок на свете каков...
Глупцы, им соперничать с нынешней силой,
что карлику мериться ростом с верзилой.

VI

Всё кончено. Дражко итогом доволен...
(С чего бы ему недовольным-то быть?)
В минувших сражениях враг обескровлен —

тут быстро проходит саксонская прыть!
Карл тоже с противником сладил легко.
Он с войском от Гамбурга недалеко —
и Дражко с дружиной на пир приглашает.
И это опять уваженье внушает.

VI

Хоть, коль разобраться, престранна их дружба —
союз у язычников и христиан,
но франкам содействовать вовсе не служба,
здесь Дражко доверился, как мальчуган...
Карл знает о расположенье к себе —
он старше, вдобавок он чуток к судьбе:
его колонисты в славянских пределах⁹
недаром пекутся о миссионерах...

VII

Когда христианство¹⁰ внедрялось в Европе,
среди разобщённых полабских племён —
тогда-то вот, как в материнской утробе,
в дали поднепровской и был зарождён
тот самый союз под названием Русь¹¹.
Кто хочет — пусть спорит, а я обойдусь...
Я верен сколото-славянскому роду.
Я внутренне чувствую эту породу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Событие, о котором идёт речь, произошло в 798 г.

² Ахен — город в Германии, в конце VIII — начале IX в. главная резиденция Карла Великого.

- ³ *Карл Великий* (742–814) — франкский король с 768 г., с 800 г. — император. Его завоевания (в 773–774 гг. Лангобардского королевства в Италии, в 772–804 гг. области саксов и др.) привели к образованию обширной империи. Политика Карла Великого (покровительство церкви, судебные и военные реформы и др.) содействовала формированию феодальных отношений в Западной Европе. Империя Карла Великого распалась вскоре после его смерти, в 843 г.
- ⁴ *Саксы* — группа германских племён, живших между нижними течениями рек Рейн и Эльба. В V–VI вв. часть саксов участвовала в англо-саксонском завоевании Британии. Материковые саксы в 772–804 гг. завоёваны франками.
- ⁵ *Ободриты* (*бодричи*) — в VIII–XII вв. союз племён полабских славян в нижнем течении Лабы (Эльбы), а также племя, возглавлявшее этот союз.
- ⁶ *Нордлиуды* — имеются в виду трансальбинские саксы, жившие к северу от Эльбы.
- ⁷ *Из комментариев «Свода древнейших письменных известий о славянах» (том II):*

«Политическим центром ободритов — резиденцией их верховного правителя... был, как предполагается, обширный и хорошо укрепленный уже в VII в. град, который славяне называли Велиград, а датчане — Рерик (обычно локализуется в Мехлин-Мекленбурге, близ Висмарской бухты) и который был центром оживлённых политических и торговых связей ободритских племён со Скандинавией».

⁸ *Дражко* — князь ободритов, правил в 795(?)–809 гг.

⁹ *Из Ф. И. Успенского:*

«Перешагнув Эльбу и основав на правом берегу её немецкие поселения, Карл и его преемники стали непосредственно влиять на раздробленные и враждующие между собой славянские колена. Этим указан был верный путь к политическому и духовному порабощению славян полабских. Последующая история этой народности если не исчерпывается, то может характеризоваться девизом: непрерывная неравная борьба с немцами».

¹⁰ Имеется в виду католицизм.

¹¹ *Из Б. А. Рыбакова:*

«Это понятие («Русь». — *Авт.*) родилось в VI в. н. э. и обозначало антское (славянское) население Среднего Поднепровья... На про-

тяжении VII–VIII вв. быстро растёт союз племенных союзов — Русь с центром в Киеве. В Восточной Европе Русь создаёт славянскую державу, не уступающую по своему пространству варварским королевствам Западной Европы... Примерно к VIII–IX вв., по сведениям ранних источников, в структуре и деятельности Руси ощущается государственное начало».

P. S.

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

(Венок сонетов)

I

А что познание — суета!
Глуп всякий, кто в упрямстве яром
на это тратит время даром —
ведь, как известно, жизнь проста.

Доходы — зримый плод труда, —
вот что должно быть идеалом
во всяком деле (даже в малом):
всё остальное — ерунда.

Но если чуткая душа
глуха к размерам барыша?
Ей скучно при таком укладе.

Что ж, в этом тоже есть резон...
Гармония — цель всех времён!
(К примеру, в древности, в Элладе.)

II

К примеру, в древности, в Элладе —
Перикла вспомним времена, —

там, при определённом взгляде,
суть поразительно стройна.

Ещё о славном демократе:
среди прочих есть одна вина —
на нём и на его плеяде
Пелопоннесская война.

У греков был культурный пик.
(Как хочется сравнить тот миг
с победой на Олимпиаде!)

Да, их прогрессу вышел срок.
И, зачиная эпилог,
никто не думал о расплате.

III

Никто не думал о расплате.
Судьбы не знаешь наперёд —
так стрелка задаёт черёд,
командуя на циферблате.

Секунда. И уже в разладе
с тобою белый свет живёт:
всё станет задом наперёд,
а ты останешься внакладе.

Из года в год, из века в век
с природой спорит человек —
дерзит. И это не беда —

всего лишь робкое предвестье:
эпохи варварства — возмездье
за окрылённые года!

IV

За окрылённые года
издревле воздают с лихвой.
Припомни только — мир всегда
неразделим с людской молвой, —

никто, нигде и никогда
не удержал порядок свой:
полузабыты города,
руины поросли травой.

А, скажем, римлянин иль гот,
мечом верша переворот,
в учении не знал стыда.

И продолжался путь познания...
Стоп! Тут пора напоминанья:
всё блажь — дорога в никуда.

V

Всё блажь — дорога в никуда:
действительность всегда реальна —
хоть истина и тривиальна,
да нету от неё вреда.

К чему ученья маета,
когда известно изначально —
жизнь развивается фатально.
(И надо думать — неспроста!)

Над смыслом стоит ли корпеть?
Над фолиантами сидеть
возможно только скуки ради.

Пора бы всем понять давно:
учён иль неуч — всё равно, —
всё тленно при любом раскладе.

VI

Всё тленно при любом раскладе, —
смерть, вызывая на порог,
не станет чваниться в обряде,
а просто подведёт итог.

И даже девственник в квадрате,
неумолимый, как пророк,
сродни погрязшему в разврате,
ей-ей, окажется, — дай срок!

Так для чего себя терзать
и с видом знатока болтать
об эфемерном личном вкладе?

Во что?! Ты — червь... Ты — немота...
Но интересная черта
есть в незабвенном постулате.

VII

Есть в незабвенном постулате,
пробившемся через века,
та заповедная строка,
где сказано о нашем брате

(отчасти всё же азиате)...
Итак, живи наверняка

в пределах своего мирка,
подобно божеству в окладе.

Но знай — придёт священный час:
земля, где ты скотину пас,
вдруг оскудеет — и тогда

война... И это не секрет.
А у войны один завет —
разительная прямота.

VIII

Разительная прямота
набегов кочевых племён
всегда немислимо люта —
в резне степняк был изощрён...

Европа что — не им чета:
не лезли люди на рожон,
в лесные уходя места
и создавая там кордон.

Так повторялось много раз
и утвердилось как наказ
отцов — менялись только сроки.

И вот, привычкам всем назло,
не благоденствие пришло,
но лишь подобие мороки.

IX

Но лишь подобие мороки
смешенье нравов принесло —

особенно не повезло
славянам у восточной кромки.

К чему теперь искать обломки —
быльём бывшее поросло:
уж в прошлом сколько веков прошло
и исказилось в поволоке...

А выходец из диких орд
привык и зажил вперевёрт —
не будем же к нему столь строги —

осел он там, где мы живём:
смешались нации потом —
в предощущении дороги.

Х

В предощущении дороги
в Европе сотни лет назад
сроднились, позабыв упрёки,
абориген и азиат.

И до сих пор, минуя склоки,
традиционно наугад
живут они без подоплёки
от Приуралья до Карпат.

Чужим загадочен их путь.
А нам самим ясна ли суть?
Блажим: то брань, то похвальба —

фантазиям не знаем меры...
Хотя видение химеры
пройдёт — и ты поймёшь себя.

XI

Пройдёт — и ты поймёшь себя...
И всё-таки кто даст ответ,
есть толк в познание или нет?
Без меры длится ворожба,

а в результате стыдоба:
из разных мыслей винегрет —
уж это вовсе не секрет.
Одно название — судьба.

Но благотворный свет прольётся —
как испокон веков ведётся —
он примирит и обнадёжит,

и смысл подарит... (Не фетиш!)
Проникнувшись, ты всё простишь
и предков оправдаешь тоже.

XII

И предков оправдаешь тоже —
их скудный быт, их дикий нрав
зачтёшь как должное... И что же,
кто за познание — тот прав?

Конечно! И не уничтожит
несметность вторгшихся орав,
что человек веками множит
не для бессмысленных забав.

Да, только верится с трудом.
Взглянуть внимательней кругом —
сомненье тотчас огорошит:

езде разор и нищета...
Не то! Поймёшь, в чём правота,
ты, каждый день начав итожить.

XIII

Ты, каждый день начав итожить,
всем сердцем прикипишь к труду,
и позабудешь про нужду,
и перестанешь плоть тревожить.

Как много нужно уничтожить
пороков, чтобы пустоту
душевную на полноту
сменить — и жизнь не покорёжить!

Оно всё так, когда б не стыд:
ты должен быть и пьян, и сыт —
иначе, не поняв, тебя

сочтут за вечное дитя.
Кто спорит! Меру обретя,
познаешь радость бытия.

XIV

Познаешь радость бытия
лишь в гармоничном сочетанье:
душа и плоть даны не зря —
у них одно предназначанье.

Ему-то и благодаря
мы существуем в мирозданье
как самобытная семья —
другим, возможно, в назиданье.

Ну это ты, браток, хватил —
такое здесь нагородил.
(Нелепица, белиберда!)

Откуда эта дерзновенность?!
Жизнь — вот единственная ценность!
А что познание — суета.

XV

А что познание — суета!
К примеру, в древности, в Элладе
никто не думал о расплате
за окрылённые года.

Всё блажь — дорога в никуда:
всё тленно при любом раскладе.
(Есть в незабвенном постулате
разительная прямота!)

Но лишь подобие мороки
в предощущении дороги
пройдёт — и ты поймёшь себя.

И предков оправдаешь тоже.
Ты, каждый день начав итожить,
познаешь радость бытия.

1995–1999

Содержание

<i>Л. Аннинский. Тишина праистоков</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1980–1992. ДО ИРИНЫ...

Немного о творчестве	25
«Горжок. Тверца. На переправе...»	26
Воспоминание о Захарове	27
«Телефон зазвонил. Вновь болеет отец...»	28
«Мир. Дочь, склонившись над листом...»	29
Три этюда	
1. «Рождался день, как должно, в муках...»	30
2. «Лист падал плавно, горделиво...»	30
3. «День. Календарь на цифре три — начало месяца и года...»	30
«Сонливый, немощный туман...»	32
«Я говорил, что не ревную...»	33
«Ни скрипа, ни поскрипа нет. Снегопад...»	34
Ко дню рождения N.N.	35
«За двадцать градусов мороз...»	36
Март	37
«Холодное золото осени...»	38
«Люблю близость этой старой, больной женщины...»	39
«Я ухожу всё дальше по улице Расстанной...»	40

«Я вглядываюсь в прошлое с позиции истца...»	41
«Ты смотришь в упор. Я уже привык...»	42
«Наверное, я похожу на мальчика, играющего в кубики...»	43
Игры в шахматы с живыми фигурами	
Первая	44
Вторая	44
Третья	44
«Когда приходит зима — мой город покрывается сетью морщин...»	45
«Осень. Телефон брошенной игрушкой безмолвствует на полу...»	46
Лужники. На празднике «МК»	47
Июнь.	48
«Зимнее утро сковало жизнь полумраком...»	49
«Голос трепетно звал меня за собой...»	50

1993–1998

«Зима вторгалась в дом. Светлел прогал окна...»	53
«Шёл дождь, точнее, ливень лил в ночи...»	54
«Я думал смерть, что пахнет гарью, коптящих небо этажей...»	55
«Сквозь телефонные шуршания, кромсающие смыслы фраз...»	56
Перерождение	57
«Выйти из дома. Шагать в нетерпении, хляби дорожной не замечая...»	58
Декабрь	59
Снегопад	60
Весна	61
Апрель в москве	62
Считалочка	63
Летнее	64
Летний вечер в Евпатории	65
Этюд в интерьере	66
«Когда морозный воздух чист, когда видны контрастней дали...»	67
Посвящение	68
Дворовая мозаика	69
Дворовый этюд	70
Тайна	71
В Крыму	72
«Обычное дело осенняя скука...»	73

«Мой друг, он в Турции, не пишет — совсем — звонит лишь иногда...» . . .	74
Панегирик в честь Александра Аронова	75
В метро.	76
«С чего началось? Разберись-ка теперь...»	77
«По утренней прохладе вдруг, поднявшись, замереть на миг...»	78
В июле	79
«Скажи, мой друг: всё, лето на исходе?»	80
Дуралейская сказочка	81
Страна родная (<i>Цикл монологов</i>)	
1. «Я понял. Болезнь моя неизлечима...»	84
2. «Родная страна! Я такой несуразный...»	84
3. «Я отпрыск двадцатого века. Я выкормыш соцреализма...»	84
4. «Я за коммунистов, за беспартийных...»	85
5. «Ах, матушка, Россия! Любезная моя!»	85
6. «Какая неожиданность: в Москве опять зима...»	85
7. «Я пешка в игре власть имущих с народом...»	85
8. «Родная страна... Эх, какое раздолье...»	86
9. «Родная страна! Декабрь уж скоро, а всё тепло...»	86

1999–2004

На заданную тему...

1. По мотивам одного стихотворения Чеслава Милоша	89
2. Две стихи	89
3. Ощущение	89
4. Метафора	90
5. Дефиниция	90
6. Июльские страдания	90
7. Кстати о женщинах	90
Приметы весны — 2000	92
«Коту не нележится на месте с утра...»	93
«Моя дорогая, апрель на дворе!»	94
«Да, странно ощутить в себе...»	95
Некой критикессе.	96
Побег	97
«Слева на кухоньке ходики слышно...»	98
«Как муторны многие дни в ноябре...»	99

«Ни с чем не сравнимо рождение внука...»	100
«Я, пожалуй, ещё ничего не забыл...»	101
«Близ означенной тысячеклетьями грани...»	102
«Смолкнет весенняя капель...»	103
«Век двадцатый почил...»	104
«Черета нескончаемых дел...»	105
«Из всевозможной суеты...»	106
«Так неспешно падение снега...»	107
«Звонкое дело — гнездиться...»	108
Памяти художника Андрея Апухтина	
1. «Чужак, но по сути юридивый, известный на всю округу...»	109
2. «Часто люди живут невпопад...»	109
3. «Рай комаров, слепней...»	110
«Бывает и так: натурально...»	111
«От шума машин за окном...»	112
Россыпь	
1. Варшавский мотив	113
2. Мальборкский мотив	113
3. Гданьский мотив	114
4. Варненский мотив	114
«Апрель. Деревья не очнулись...»	116
«Черны работяг рубашки...»	117
«До свиданья, ещё не прощай...»	118
«Как осень неожиданно пришла...»	119
«Через осень в зиму дороги...»	120
«Лишь только станет брезжиться рассвет...»	121
«Жизнь, как тень сгорающей свечи...»	122
«Подъёмной силой полнится рассвет...»	123
Диптих	
1. «С утра белым-бело кругом...»	124
2. «И первый, что последний, снег растает...»	125
«Давай, ещё раз про МАДИ...»	126
«Не поймёшь, что зачтётся, что нет...»	127
«Гудок, летящей мимо электрички...»	128
«Я изучал основы перспективы...»	129
«Я — городской в четвертом поколеньи...»	130

2005–2010

На этом свете мы не повстречались...

1. «Лишь запах сосны в свежесрубленном доме...»	133
2. «На этом свете мы не повстречались...»	133
3. «Когда-то прадед мой бродячим скрипачом...»	134
4. «Дом деда, не пришедшего с войны...»	134
«Через рощу, поле и огород...»	136
«Нет, чудеса не обещались...»	137
«От взгляда к слову трудно перейти...»	138
«Грозно зыркнула ворона...»	139
«Стоит начаться осенним дождям...»	140
«Под Грюнвальдом смоленские полки...»	141
«Я один в этом жухлом пространстве...»	142
«Явь изменилась поутру...»	143

Думы об Украине

1. «А славяне шли с заката на восход...»	144
2. «Жаворонки в небе. Мазанки невдалеке...»	144
3. «Праматерь, украинская земля...»	145
«Голубь в тенётном сплетенье ветвей...»	146
«Листопад — ветер, скомкав начало...»	147

Национальный микст

1. «Я бы в губы тебя не целовал...»	148
2. «Будто сель сошёл с Кавказских гор...»	148
3. «Я говорю на русском языке...»	149
«Во времена глобальных перемен...»	150
Стилизация	151
«За спиной часть пути...»	152
«Вечерние улицы. Шум да огни...»	153
«Зыбкое дыхание парка...»	154
«Не полагая возможных границ...»	155
«Запорошило целый свет...»	156
«Дружок, припомни, как юнцами...»	157
«Мрачны барабанчики при эшафотах...»	158
«Ни в сказке сказать, ни пером описать...»	159
«Наши дела — всё сплошные уловки...»	160
«Причудливы возможные коварства...»	161

«И наше время словно канет в Лету...»	162
«Кто знает, что реально неуместно...»	163
«Бог, поднимая, в пять утра...»	164
Видимо, возрастное...	
1. «Нынче осень стоит, как в Европе...»	165
2. «Не до вдохновенностей как прежде...»	165
«Весна пришла болезненным мартом...»	167
«Две жизни, право, две травинки...»	168

2010–2014. БЕЗ ИРИНЫ...

«Уставясь в бездонность полночных небес...»	171
«Зарядили дожди по-осеннему нудно...»	172
«Что за мороку мне придумал Бог?»	173
«Ввалилась осень в тесные дворы...»	174
«Вот в образе плакучая берёза...»	175
Два стихотворения	
1. «Вновь утро, словно в армии подъём...»	176
2. «Словно жизнь в одночасье прошла...»	176
«Но не спасёт вечерняя пора...»	178
«Под истоиво пасмурным небом...»	179
«Пусть видимость нагого леса...»	180
Двуединство	
1. «Звонарь, как некий муэдзин...»	181
2. «Мы много лет вместе...»	181
«И опадёт листва...»	183
«И приходит весна...»	184

АГЕНТ НУЛЁВ. ЛИРИЗМЫ

<i>В. О'Кенар Рыжий.</i> Поэт Агент Нулёв	187
По весне	189
Number three	190
Три письма	
1. Письмо начальное	191
2. Письмо промежуточное	191
3. Письмо заключительное	192

Накануне	193
Порицание синоптикам	194
Дорожное.	195
Круглый год	
1. Зима.	196
2. Весна	196
3. Лето	197
4. Осень	197
Наблюдения.	198
Без названия	199
Дачные страдания	
1. «Весной готовишь грядки...»	200
2. «Мой кот все ночи напролет...»	200
3. «На сквозняке трепещет занавеска...»	201
Я	202
Гуманное	203
Напутственное	204
Мнение.	205
Послания	
1. К женщинам	206
2. К знакомкам	206
3. К супруге	207
Ясности!	208
Революционное.	209
Патриотическое	210
Гениальное	211
Наболевшее	212
Каждодневное...	213
Теперь	214
Вот так вот!	215
Патетическое.	216
Программное	217
Новострой	218
Начинающему.	219
Утончённое	220
Серьёзное.	221
Панегирик	222

Возмущённое.....	223
Добродушное	224
Миролюбивое...	
1. «Мой Боже, как неосторожно...»	225
2. «Пришёл из Грузии надясь...»	225
3. «Я обожаю президента...»	226
На распутье	227
Нулёвике	228
С. Телюк. Откровенное признание	230

КОЕ-ЧТО О ЮЛИВАННЕ

(Вольный перевод с детского на взрослый)

Кое-что о том о сём <i>(Из Бориса Заходера)</i>	233
Ветер на речке <i>(Из Зинаиды Александровой)</i>	234
Октябрь <i>(Из Самуила Маршака)</i>	236
Про туберозу <i>(Из Сергея Михалкова)</i>	237
Искалочка <i>(Из Валентина Берестова)</i>	239
Что такое хорошо и что такое плохо? <i>(Из Владимира Маяковского)</i> . . .	240
Бука <i>(Из Корнея Чуковского)</i>	242
Мячик <i>(Из Агни Барто)</i>	243
Ко дню рождения Юливанны <i>(Из Данила Хармса)</i>	244

ПРЕДЧУВСТВИЕ РУСИ

Легенды и сказы

СКАЗЫ О ПРАСЛАВЯНАХ

Сказ о Сварожиче, праславянском герое, и о его подвиге	252
Сказ о сколотах, праславянском народе, и об их противостоянии скифам	257
Сказ о Невриде, праславянском крае, и о гибели скифского царя Арианты	265
Ольвийский сказ, повествующий о скифском царе Скиле	268

Сказ о Зопирионе, полководце Александра Македонского, и о гибели его войска	271
Сказ о Радиме и Вятке, повествующий о готонском и сарматском нашествиях.	274
Сказ о новой Скифии и о временах царя Скилура	281
Краткий сказ о праславянах и об исходе готонов из венедских земель.	284

КНИГА ЛЕГЕНД

Легенда о Германарихе	290
Легенда о Денгизике и Анагасте	295
Легенда об Ардагасте.	300
Легенда о Само	304
Легенда о Карле Великом и Дражко	310

P. S.

Предначертание (<i>Венок сонетов</i>)	317
---	-----

Л и т е р а т у р н о - х у д о ж е с т в е н н о е   и з д а н и е

Сергей Телюк

ТРЕХКНИЖИЕ

Стихотворения, легенды и сказы

Оформление *Александр Шукин*
Макет *Виктория Челябинова*
Корректор *Александра Конькова*

ООО «Издательство «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11/20А
E-mail: zebrae@zebrae.net
www.zebrae.ru

По вопросам приобретения книг издательства «Зебра Е»
обращаться по адресу:

ООО «Издательство «Зебра Е»
125009, Москва, ул. Большая Никитская,
д. 22/2, офис 26.
Тел.: 8 (499) 995-09-42
kniga@zebrae.ru
svirin@zebrae.net

